

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. Г. Дружинин

**ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДРУЖИНИНА
(1869–1936)**

*Материалы научных чтений
10 августа 2010 г.*

Санкт-Петербург,
2010

ББК ???
П???

Ответственный редактор
И. М. Беляева

П?? **Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936):** Материалы научных чтений 10 августа 2010 г. / отв. ред. И. М. Беляева — СПб.: БАН, 2010. — 184 с.

ISBN 978-5-336-00114-3

В сборнике представлены материалы научных чтений, прошедших 10 августа 2010 г. в Библиотеке Российской академии наук, посвященные 150-летию со дня рождения Василия Григорьевича Дружинина — известного историка, археографа, библиографа, собирателя старообрядческих рукописных памятников и предметов прикладного искусства. В статьях отражены тематика, которой занимался В. Г. Дружинин, а также интересные сведения из его биографии.

От редактора

22 августа 2009 г. исполнилось 150 лет со дня рождения широко известного научной общественности нашей страны крупного историка, выдающегося археографа, библиографа, собирателя старообрядческих рукописных памятников Василия Григорьевича Дружинина. Его юбилей — это возможность охватить весь творческий путь, который он прошел, показать непреходящую ценность проводимых им исследований, воздать должное автору ценнейшего библиографического справочника сочинений русских старообрядцев, коллекционеру русского декоративно-прикладного искусства, а также познакомиться с новыми открытиями, сделанными современными специалистами в сфере научных интересов, которые так увлекали Василия Григорьевича.

В. Г. Дружинин оставил после себя огромное собрание старообрядческих книг (свыше 40 тыс.) и более тысячи рукописей, 1112 из которых хранятся в Библиотеке Российской академии наук в Отделе рукописей. Ни один из исследователей-археографов не обходится без обращения к этим богатейшим источникам — они остаются наиболее часто востребованными и пользуются неизменным интересом.

Авторы данного сборника являются горячими почитателями и последователями этого большого ученого. В своих статьях они, по возможности, раскрыли научную деятельность Василия Григорьевича Дружинина, через свое видение той или иной проблемы, а также привели интересные биографические сведения из его жизни.

Так, Н. Ю. Бубнов в своей работе охарактеризовал собрание рукописей В. Г. Дружинина, хранящихся в фонде Отдела рукописей. В Приложении приведен текст статьи В. Малышева о жемчужине этого собрания — Пустозерском сборнике.

Е. М. Юхименко представила творчество В. Г. Дружинина в контексте развития России конца XIX — начала XX в. В этот период расцвета научной и общественно-культурной жизни ученый принимал участие в организации научной деятельности нескольких общественных учреждений и крупных культурных мероприятий, одним из которых была знаменитая выставка 1911 г. «Ломоносов и Елизаветинское время».

Деятельности В. Г. Дружинина в Археографической комиссии посвящена статья Т. Г. Смирновой. Выдающийся русский археограф отдал этому

научному учреждению 33 года (1896—1929 гг.) своей жизни. Именно здесь он сумел воплотить многие свои научные проекты, связанные не только с его личными разысканиями, но и с организацией и изданием продолжающихся и периодических изданий, систематически вводящих в научных оборот многочисленных ранее не известные рукописные документы.

Об архивных материалах, проливающих свет на неизвестные страницы истории Археографической комиссии, идет речь в работе Е. К. Пиотровской. Комиссия являлась в послереволюционные годы не только научно-исследовательским институтом, но здесь хранились многие личные архивы, а также делопроизводственные бумаги различных организаций. С этим были, как оказалось, связаны печально известные события конца 20-х гг. прошлого столетия.

Поистине трагической проблеме распыления и частичной утраты уникальной и многообразной по составу коллекции В. Г. Дружинина посвящена работа Н. В. Пивоваровой. Автор отмечает уникальную научную и художественную ценность коллекции, которую удалось собрать Василию Григорьевичу. В Приложении к статье опубликован текст выступления ученого хранителя Рукописного отделения БАН В. И. Срезневского на заседании Общего собрания Императорской Академии Наук, посвященного оценке значения для науки собрания В. Г. Дружинина.

О части библиотеки ученого, хранящейся в филиале БАН при СПбФИИ РАН, идет речь в статье Е. З. Панченко. Автор не только определяет состав и общее количество книг Дружинина в фонде, но и описывает установленные в результате работы с более чем 8000 ед. хр. признаки, по которым можно «опознать» дружининские книги в других фондах: это пять штампов-экслибрисов, владельческие записи и разработанная самим владельцем система шифровки.

В работе В. Г. Подковыровой, игумена Стефана (Садо) и А. Н. Михайлова в центре внимания судьба отдельных изданий и блоков книг Дружинина, некоторая часть которых выявлена в Библиотеке СПб. Духовной академии, отделах БАН, библиотеках Ватикана и Гарвардского университета. В Приложении к статье приведен перечень книг и периодических изданий из библиотеки В. Г. Дружинина, хранящихся в библиотеке СПбДА.

З. А. Лучшева обосновывает предположение о принадлежности рисованных лубков из фондов Государственного музея истории религии собранию В. Г. Дружинина и раскрывает их тематический состав.

Ф. В. Панченко, делая обзор музыкальных рукописей ученого, акцентирует внимание на наиболее интересных певческих сборниках.

Е. К. Братчикова подробно описывает особенности текста и иллюминации Выговской редакция Сказания о иконе Богородицы Одиотрии Тихвинской (БАН Друж. 54).

Рукопись «Бабушкинские святцы» (БАН Друж. 131), принадлежавшая киноархиву Выговской пустыни Ф. П. Бабушкину, рассматривается в работе А. В. Романовой как пример работы книжника XVIII в. по сбору материалов о святых и чудотворных иконах и как источник сведений по составлению месалов.

В сборнике представлены материалы, связанные с историей семьи и биографией юбиляра, а также ранее неизвестные факты, касающиеся родословной В. Г. Дружинина и предпринимательской деятельности его семьи. В своей статье Е. Г. Попова-Яцкевич перечисляет петербургские адреса, по которым жили родители и близкие родственники ученого, знакомит с окружавшими его людьми, описывает места, где он учился и работал в разные периоды своей жизни.

Ученый из Екатеринбурга Е. Г. Неклюдов знакомит читателей с историей династии Дружининых-промышленников, владельцев кыштымских чугунолитейных заводов, крепких хозяйственников: здесь и расцвет их производства, и появление такого художественно-промышленного производства, как каслинское литье, и возникшие позже проблемы, связанные с приверженностью их старообрядчеству и др.

В статье З. В. Ладыгиной рассказывается об уникальном среднем учебном заведении — Санкт-Петербургской Третьей классической гимназии, из стен которой вышли многие знаменитые ученые и деятели культуры России. Гимназию эту в разные годы закончили представители семьи Дружининых; Василий Григорьевич учился в ней с 1874 по 1879 г.

В. Д. Чабанов в своей статье повествует о фабрикации так называемого «Академического дела» и о последних трагических годах жизни ученого, проведенных в заключении в Соловецком концлагере и ссылке в Ростове.

В сборнике приводится описание юбилейной выставки старообрядческих книг В. Г. Дружинина, подготовленной сотрудниками Отдела, а также библиография его основных трудов, составленная Л. Б. Беловой.

Хочется выразить особую благодарность Вере Григорьевне Подковыровой за деятельное участие в организации юбилейных чтений и сбор материалов для данного сборника.

Н. Ю. Бубнов

Собрание рукописей В. Г. Дружинина в Библиотеке Академии наук

Собрание старообрядческих рукописей В. Г. Дружинина в БАН, насчитывающее 1112 единиц хранения, является в своем роде уникальным. Прежде всего, это собрание ученого, профессионально занимавшимся историей старообрядчества. В этом плане собранию почти нет равных. Собираение рукописей и составление коллекции не было для Василия Григорьевича Дружинина самоцелью, рукописи были необходимы ученому для его научных исследований.

Интерес к истории старообрядческого движения появился у будущего ученого уже во время обучения его в гимназии, где он, судя по всему, познакомился с главными работами по этой теме и публикациями старообрядческих сочинений, начавшими появляться в печати в царствование Александра II: книгами Александра Бровковича (1861), Д. С. Кожанчикова (1862), М. Тихонравова (1861–1863), Н. И. Субботина (1875–1895) и др. В это время выходят в свет и первые научные описания собраний, содержащих старообрядческие рукописи: Ф. А. Толстого, В. М. Ундольского, А. И. Хлудова, П. Д. Богданова, А. С. Уварова и др. Можно предполагать, что еще в гимназии Дружинин познакомился с книгами А. П. Мельникова (Печерского) «В лесах» (1871–1874 гг.) и «На горах» (1875–1881 гг.). В период учебы в Санкт-Петербургском университете интерес Василия Григорьевича к истории старообрядческого движения уже вполне определился и увенчался его магистерской диссертацией «Раскол на Дону», изданной в 1889 году.

Одним из первых соотечественников В. Г. Дружинин осознал роль и значение старообрядчества в отечественной истории как религиозного и общественного течения, продолжившего культурную традицию Древней Руси. Вместе с тем, он особо оценил и значение Выго-Лексинской старообрядческой пустыни, в стенах которой была предпринята попытка создания микрокосмоса — нового общественного устройства мирового уровня. Выголексинские старцы, за полтора столетия существования Выговского «суземка» в максимальной изоляции от враждебного «нико-нианского» мира, сумели практически из ничего, не считая унаследованной ими некоей древнерусской «духовной субстанции», создать уникальную гармоничную культуру высочайшего уровня.

Свое рукописное собрание Василий Григорьевич собирал свыше 40 лет, с 1874 по 1916 гг., очень целенаправленно, приобретая лишь сочинения старообрядческих авторов, преимущественно безпоповского, поморского направления в старообрядчестве, что в наиболее полной

мере отражало его научные интересы. Необходимость в собирательстве рукописей диктовалась не только и не столько любовью ученого к собирательству, но и чисто утилитарными причинами. Дело в том, что государственные древлехранилища в XVIII–XIX вв. почти не имели в своих стенах старообрядческих рукописей и не занимались их целенаправленным приобретением. Так, например, в БАН такие рукописи, ко времени поступления сюда Дружининского собрания, насчитывались единицами. Широкий охват исследований по истории старообрядчества на основе доступных в то время материалов в государственных архивохранилищах С.Петербурга и Москвы был явно недостаточен¹.

Большинство приобретенных В. Г. Дружинином рукописей для своего собрания состоит из сборников, каждый из которых содержит десятки небольших авторских сочинений: повестей, «слов», житий, писем, челобитных, посланий, стихов, песнопений, служб и др. Вскоре перед исследователем встал вопрос о систематизации содержания и упорядочении хранения своего собрания рукописей. Это было необходимо прежде всего для организации ссылок на рукописи собрания в научных работах, как своих, так и других исследователей. Так, Василием Григорьевичем был задуман и осуществлен его знаменитый каталог «Писания русских старообрядцев», в котором, помимо рукописей собственного собрания, нашли отражение и все другие, известные составителю по существующим научным описаниям². К моменту окончания работы над «Писаниями», в Дружининском собрании насчитывалось около 500 рукописей, но из-за чрезвычайной сложности задуманной работы, лишь 100 из них нашли отражение в этом каталоге, где было зафиксировано около 1500 старообрядческих сочинений. «На эту работу, — писал позднее В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях», я потратил около десяти лет и сверх ожидания получил более полутора тысяч сочинений именных и безымянных...»³. Книга В. Г. Дружинина вызвала большой общественный интерес и послужила объектом доброжелательной критики⁴. Работу над каталогом ученый продолжил и к 1922 г., в подготовленном им новом издании «Писаний» были отражены списки еще 478 старообрядческих сочинений «бывших доселе неизвестными»⁵. К сожалению, этот «исправленный и дополненный» каталог так и не был издан, а его рукопись была утрачена⁶.

Свою рукописную коллекцию В. Г. Дружинин держал широко открытой для исследователей. Рукописями из собрания В. Г. Дружинина еще при его жизни пользовались такие ученые, как Н. И. Субботин, В. З. Белликов, Я. Л. Барсков, высоко её ценившие. Я. Л. Барсков, готовивший в то время издание сочинений дьякона Федора Иванова, просит Дружинина: «Довершите Ваши благодеяния, захватите (в Москву) “Книгу от-

вет православных”, если не в тягость... Возможно, что Ваша рукопись лучше хлудовской, у Вас ведь что ни книга, то жемчужина»⁷.

После октябрьских событий 1917 г. главной заботой ученого было сохранить свое уникальное рукописное собрание, не дать ему погибнуть в лихую годину. Единственным средством для этого была передача рукописи в собственность и под защиту государства.

Как известно, собрание было приобретено у собирателя Академией наук для ее Библиотеки, согласно решению Общего собрания Академии наук от 26 октября 1918 г. за 440 тысяч швейцарских франков с условием 10-летней рассрочки⁸. Однако эти средства, в силу различных причин, были выплачены бывшему владельцу далеко не полностью. Часть рукописей (96 томов) по договоренности, осталось в пользовании В. Г. Дружинина и передавались им в БАН постепенно в 1923–1928 гг. К моменту ареста ученого и высылки из Петрограда, у него в доме оставалась 31 рукопись, так и не поступившие в БАН. Вернувшийся из ссылки Василий Григорьевич уже не мог вернуться к прежним занятиям, в 1936 г. его не стало.

Хранившееся Рукописном отделе БАН Дружининское собрание не сразу нашло своего читателя, так как изучение и описание литературы «религиозной тематики» долгое время в стране не приветствовалось. До сих пор существует лишь краткая передаточная опись Дружининского собрания, в которой содержание сборников не расписано. Это объясняется главным образом значительным объемом собрания и большими организационными трудностями планирования: старообрядческая тематика долгое время считалась в стране неактуальной. Известный археограф В. И. Малышев, несколько предвоенных месяцев проработавший в Рукописном отделе БАН и приступивший к описанию Дружининского собрания, в 1957 г. опубликовал небольшую статью о самой знаменитой рукописи этого собрания — Пустозерском сборнике, с автографами протопопа Аввакума и его союзников, написанном ими в Пустозерском остроге. К столетию Владимира Ивановича Малышева, посвятившего многие свои труды изучению творчества Аввакума, мы сочли возможным повторить эту публикацию полувекковой давности в приложении к настоящей статье. В 1958 г. М. Н. Мурзановой был опубликован обзор Дружининского собрания⁹. В 1959 г. первые 8 рукописей собрания были включены в 4-й том систематической серии БАН¹⁰. В последующих томах этой серии: 3-м (вып. 3), 4-м (вып. 2) и 9-м (вып. 1) научное описание получили еще 75 рукописей, в числе которых исторические сочинения (11 сборников)¹¹, духовные стихи (20 сборников)¹², певческие рукописи на крюковых нотах (44 сборника)¹³. В начале 80-х гг. Рукописному отделу удалось приступить к систематическому описанию Дружининской коллекции и публикации сделанных описаний в рамках 7-го тома систематической серии: «Сочинения писателей-старообряд-

цев». В первый выпуск этого тома, куда вошли сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVII в., было включено 55 рукописей Дружининского собрания (из общего числа 133)¹⁴, а во второй (с сочинениями писателей-старообрядцев первой половины XVIII в.) — 106 (из общего числа 181)¹⁵. Наконец, в 2010 г. была завершена работа авторского коллектива над описанием значительной части хранящихся в БАН лицевых старообрядческих рукописей. В 1-й выпуск нового 10-го тома Описания рукописей были включены 13 лицевых кодексов из собрания В. Г. Дружинина с подробным описанием миниатюр¹⁶.

Как мы видим, в составе старообрядческих коллекций БАН, рукописи Дружининского собрания, отразившие вышеназванный 100-летний период истории старообрядчества, составляют примерно половину. В самом же Дружининском собрании БАН подробное печатное описание в настоящее время имеют 257 рукописей, что составляет примерно 1/4 хранящихся там рукописей. Как получившими научное описание, так и остальными рукописями из собрания В. Г. Дружинина пользуются в настоящее время сотни исследователей старообрядчества, внесшие значительный вклад в их изучение. Назовем лишь недавно вышедшие из печати книги Е. М. Юхименко, благодаря работам которой репертуар старообрядческих сочинений был значительно расширен, в том числе в большой мере и за счет вновь выявленных текстов в сборниках собрания В. Г. Дружинина¹⁷.

В настоящее время нами готовится к изданию «Каталог старообрядческих гектографированных изданий БАН», в состав которого включено 105 гектографов Дружининского собрания, датируемых периодом с 70-х гг. XIX в. по 1917 г., большая часть которых издавалась старообрядцами подпольно. Гектографы, как малотиражные издания, чаще всего печатались без указания даты и места выхода, укрываясь от внимания царской цензуры и полиции, и пользовались особой популярностью у читателей. Их изготовление к тому же не требовало дорогого типографского оборудования. Сотни гектографированных тетрадок с сочинениями старообрядцев обращались в стране, и эти издания В. Г. Дружинина также охотно приобретал у антикваров для своей коллекции, интересуясь духовной жизнью и полемическими спорами современных ему старообрядческих общин. Особый, непознанный наукой мир старообрядчества интересовал ученого до конца его жизни, и он стремился в своих сочинениях дать его объективную картину.

¹ К началу XX в. печатные научные описания получили лишь следующие рукописные собрания, содержащие в своем составе старообрядческие рукописи: А. И. Хлудова (ныне в РГБ), И. А. Вахрамеева (ныне в ГИМ), П. Д. Богданова, Ф. И. Буслаева и А. А. Титова (ныне в РНБ).

² Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.

³ Дружинин В. Г. «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах»: Рукопись. — ЦГАДА, ф. 167, оп. 1, № 8, л. 150–152.

⁴ См.: Белоликов В. З. «Писания русских старообрядцев» В. Г. Дружинина (Отзыв, дополнения и поправки). Киев, 1913.

⁵ Дружинин В. Г. «Воспоминания...». ЦГАДА, ф. 167, оп. 1, № 8, л. 153 об.

⁶ Подробнее о формировании Дружининского собрания см.: Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 113–125.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 1, № 62, л. 18.

⁸ Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии наук, 26 (13) окт. 1918 г. № 262. Доклад А. А. Шахматова. Пг., 1918.

⁹ Исторический очерк и обзор фондов РО БАН. Вып. 2. М.; Л., 1958. С. 129–132.

¹⁰ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы. М.; Л., 1951.

¹¹ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 3. Описание Рукописного отдела БАН. Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. Л., 1971.

¹² Описание Рукописного отдела БАН. Т. 4. Вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы, драматические сочинения / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980.

¹³ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 9. Вып. 1. Певческие книги выголексинского письма / Сост.: Ф. В. Панченко. СПб., 2001.

¹⁴ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост.: Н. Ю. Бубнов. Л., 1984.

¹⁵ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7. Вып. 2. Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост.: Н. Ю. Бубнов. СПб., 2001.

¹⁶ Описание Рукописного отдела БАН. Т. 10. Вып. 1. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков / Авторы-сост.: Н. Ю. Бубнов, Е. К. Братчикова, В. Г. Подковырова. СПб., 2010.

¹⁷ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002; её же: Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008.

Приложение

Владимир Малышев.

Рукопись протопопа Аввакума

В Библиотеке Академии наук в особом шкафу, рядом с уникальными произведениями древнерусской литературы, стоит небольшая рукописная книжка в деревянном переплете, обшитом темной оленьей замшей. Больше половины книги исписано одним мелким твердым, уверенным скорописным почерком.

Весь вид рукописи, запятнанной и потертой, наглядно говорит о том, что она прошла долгий путь, побывала во многих руках.

Что же это за книга и почему она так бережно хранится учеными? Это — автограф знаменитого «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», одна из первых в русской литературе художественных автобиографий, «жемчужина древнерусской литературы», по определению А. М. Горького.

Почти никому неизвестно, где и когда была найдена рукопись Аввакума. А между тем история того, как она была обнаружена и приобретена, представляет большой интерес.

В 1912 году в Петербурге, на Тамбовской улице, в доме старообрядца Пылина помещались молельня и контора по регистрации браков. Со всех концов России приезжали сюда представители «старой веры». Многие из них приносили с собой старинные рукописи и свитки.

Однажды, перебирая рукописные материалы старика Пылина, секретарь конторы Н. И. Визгунов наткнулся на рукописный сборник XVII в., который показался ему интересным. О своей находке он рассказал любителю старины Ф. А. Каликину. А этот в свою очередь сообщил о ней известному археографу В. Г. Дружинину, владельцу большого собрания древних рукописей. Ученый приобрел рукопись за 60 рублей. Никто из этих трех лиц тогда не знал, какую ценность для науки они держали в руках.

Возможно, что рукопись так и осталась бы на полке у Дружинина безвестной, если бы не помогла вышедшая в том же 1912 году книга Я. Л. Барскова «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912). Рассматривая как-то опубликованные в этой книге снимки с подлинных писем Аввакума, ученый-археограф обнаружил большое сходство почерка их с приобретенной рукописью. Неужели это автограф «Жития» Аввакума? Он стал сверять внимательно почерк, букву за буквой. Призванные на помощь крупнейшие знатоки рукописей подтвердили правильность предположения.

Интересно отметить, что в 1914 г. старообрядцы московской Рогожской общины, почитавшие Аввакума своим святым, узнав из печати об автографе его «Жития», направили к Дружинину целую депутацию и предложили за рукопись 30 тысяч рублей золотом. Но ученый отказал им, не желая, чтобы рукопись Аввакума использовалась не в научных целях. От В. Г. Дружинина сборник поступил в Академию наук, а отсюда со всем его собранием — в Библиотеку Академии наук.

В настоящее время «Житие» переведено на многие западноевропейские языки, вошло во все вузовские хрестоматии по древнерусской литературе.

Журнал «Нева», 1957 г., № 3. С. 220–221.

Е. М. Юхименко

Научное творчество В. Г. Дружинина в контексте общественно-культурной жизни конца XIX — начала XX в.

Василий Григорьевич Дружинин принадлежит к числу выдающихся деятелей отечественной науки рубежа XIX—XX вв. К сожалению, история старообрядчества — то, что составляло главный предмет его ученых занятий, — никогда не относилась к числу приоритетных направлений исторических исследований и, более того, как никакая другая область, таила в себе опасность субъективизма. До последнего времени имя В. Г. Дружинина было известно преимущественно в кругу исследователей старообрядчества, только с середины 1990-х гг. его стали включать в словники новых энциклопедий: сначала «Отечественная история» (1996)¹, затем «Православная энциклопедия»² и, наконец, Большая Российская энциклопедия³. Полная, обстоятельная биография ученого еще не написана, в то же время трудно переоценить значение двух больших, основанных на архивных материалах биографических статей — Николая Юрьевича Бубнова 1985 г.⁴ и Татьяны Владимировны Берестецкой 1994 г.⁵ Думается, настало время поставить вопрос о подготовке издания обширных воспоминаний В. Г. Дружинина, не только полно раскрывающих обстоятельства жизни автора, его исследовательскую и собирательскую деятельность, но также являющихся ценным мемуарным источником о научной и культурной жизни России последней трети XIX — первой трети XX в. Напомню, что «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» объемом около 2 тысяч страниц рукописного текста хранятся в РГАЛИ⁶.

Всем нам прекрасно известны научные труды В. Г. Дружинина, они до сих пор не утратили своего значения. В настоящем сообщении хотелось бы рассмотреть их в контексте общественно-культурной жизни России конца XIX — начала XX в., что, на наш взгляд, позволит более объективно оценить его позицию ученого и гражданина.

История старообрядчества (или в наиболее распространенных в середине — второй половине XIX в. терминах: «история раскола» и «история раскола старообрядства») являлась предметом изучения преимущественно церковных историков. Это изучение преследовало практическую цель — подготовить «для борьбы с расколом» образованных миссионеров. В 1858 г. по указу Синода в духовных академиях были учреждены кафедры расколоведения, а также в академиях и некоторых семинариях — миссионерские отделения для обучения миссионеров антистаро-

обрядческого направления⁷. В это же время в связи с нарождающимся народническим движением возникло так называемое демократическое направление в историографии старообрядчества, представленное именами Афанасия Прокофьевича Шапова и др. И тот и другой подход не был свободен от тенденциозности. В 1860-е гг. появились первые работы выпускника Санкт-Петербургской духовной академии преподавателя Олонецкой духовной семинарии Елпидифора Васильевича Барсова⁸. Уже тогда, в Петрозаводске, в этих исконно выговских местах, он стал собирать старообрядческие рукописи, что, видимо, и дало ему возможность составить более объективный взгляд на старообрядчество как явление целостное, глубоко самобытное и с точки зрения культурного наследия исключительно ценное. Позже, в 1890 г., когда только что вступил на научное поприще В. Г. Дружинин, Е. В. Барсов с осуждением писал о современных тенденциях исследовательской литературы о старообрядчестве: «Как известно, весьма много написано и напечатано у нас о русском расколе. Но нельзя сказать, чтобы его историческое происхождение было уяснено основательно и полно. То придумали для этой цели какое-то *мертво*-обрядовое направление народной жизни, то под форму отрицания церковных обрядов усматривали земский протест против государственного строя и централизации, то ограничивались указанием случайных исторических причин, то наконец прозрели в разных сектах раскола такой прогресс, который вполне отвечает собственным воззрениям современных либералов. В существующих исследованиях о расколе совершенно опущена из виду та этнографическая среда, в которой он впервые сказался и развивался»⁹.

По окончании в 1883 г. историко-филологического факультета Петербургского университета В. Г. Дружинин работал над диссертацией по теме «Раскол на Дону в конце XVII в.» (защищена и опубликована в 1889 г.)¹⁰. Это исследование было основано целиком на актовом материале, готовившемся к публикации в 12-м томе «Дополнений к Актам историческим» и дополненном архивными источниками, выявленными самим диссертантом в МГАМИД, МАМЮ, Хлудовской библиотеке и Румянцевском музее¹¹. Уже первая работа ученого отличается академической объективностью, в ней нет явных или скрытых полемических выпадов в адрес старообрядцев.

По всей видимости, не позднее 1883 г. состоялось знакомство В. Г. Дружинина с Е. В. Барсовым. Однако у нас нет никаких оснований утверждать, что оно оказало сколь-либо серьезное влияние на молодого ученого. Как видно из обширного архива Е. В. Барсова, длительной и постоянной переписки между ними не существовало. Причиной мог быть тяжелый характер Барсова, проявлявшийся в отношениях с коллегами. Сохранившееся письмо Дружинина от 1 июня 1884 г. по поводу

приобретения для Барсова одной только что вышедшей в Петербурге книги свидетельствует об искреннем почтении автора послания и его желании непременно выполнить просьбу адресата¹².

По свидетельству самого В.Г.Дружинина, он начал покупать рукописи еще будучи гимназистом. Первую старообрядческую рукопись — полемический сборник конца XVIII в. — он приобрел в 1874 г.¹³ Научные и коллекционерские интересы В. Г. Дружина к старообрядческим памятникам были взаимосвязаны: с одной стороны, первые опыты собирательства подсказали ему выбор темы для научного исследования, а с другой — научные знания определили «лицо» его коллекции.

По своей исключительной ценности собрание В. Г. Дружинина (1112 единиц хранения) стоит в одном ряду с двумя другими столь же обширными профильными коллекциями — Е. В. Барсова (1724 единицы хранения)¹⁴ и Е. Е. Егорова (2180 единиц хранения)¹⁵. Однако, учитывая возможности комплектования всех трех названных лиц, следует заметить, что В. Г. Дружинин имел наименее выигрышные позиции. Е. В. Барсов стал собирать старообрядческие рукописи значительно раньше (исключительные условия для этого были с 1861 по 1870 г. в Петрозаводске), позже хотя он и был стеснен в средствах, но, живя в Москве, находился в центре главного антикварного рынка России. Трудно было соперничать с Е. Е. Егоровым, старообрядцем по происхождению, имевшим в этой среде устоявшиеся прочные связи. В. Г. Дружинин располагал большими средствами, чем Барсов, поэтому книгопродавцы предлагали ему рукописи первому, но с 20%-ной надбавкой. Долговременные отношения Дружинина с известным антикваром Сергеем Тихоновичем Большаковым и его сыновьями Дмитрием и Николаем, а также с Федором Антоновичем Каликиным показывают, что этим деловым отношениям сопутствовали прочные человеческие симпатии и взаимное уважение, основанное на любви к книге и старообрядческой культуре. Все эти обстоятельства помогали Дружинину на стезе собирательства.

В 1889 г. Дружинин поступил на службу в Русское Археологическое общество, с 1896 г. он стал работать в Археологической комиссии Академии наук. Большая организационная и редакторская работа поглощала все время и силы ученого. За период с 1889 до 1911 г. не вышло ни одной самостоятельной работы Дружинина. Но по тем впечатляющим результатам, которые обнаружились спустя более 20 лет, понятно, что это было плодотворное время не только активной собирательской деятельности, но и глубокого изучения старообрядческой книжности. В 1911 г. было опубликовано исследование «Словесные науки в Выговской поморской пустыни» (СПб., 1911), в 1912 г. — справочник «Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний» (СПб., 1912), в 1915 г. — «Несколько

автографов писателей-старообрядцев» (СПб., 1915). Две последние работы носили новаторский характер.

К 1912 г. существовали многочисленные описания рукописных собраний и публикации старообрядческих текстов, однако сочинения старообрядческих авторов тонули в море поздней рукописной книжности вообще; теперь же, благодаря В. Г. Дружинину — ученому и собирателю, основная часть письменного наследия староверия получила правильную систематизацию и точную атрибуцию, более того, внушительный объем указателя позволял даже не знакомому с предметом человеку представить настоящий творческий потенциал староверия. Публикация альбома почерков дала основу для дальнейших разысканий. Таким образом, обе названные работы В. Г. Дружинина положили начало качественно новому этапу изучения истории и культуры старообрядчества.

Как ни значим был этот результат двадцатилетнего труда В. Г. Дружинина, в то время он вряд ли вышел за пределы научных, коллекционерских и старообрядческих кругов. Гораздо большую общественную значимость имело участие В. Г. Дружинина в грандиозной выставке 1912 г. «Ломоносов и Елизаветинское время». В биографических статьях об ученом говорится, что на этой выставке экспонировалась часть его коллекции¹⁶. Однако, как нам представляется, он был не просто экспонентом, но автором самостоятельного, старообрядческого раздела этой выставки.

Состоявшая под высочайшим покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», организованная в связи с 200-летним юбилеем М. В. Ломоносова (род. в 1711), охватывала все сферы общественно-культурной жизни эпохи и включала 17 разделов. Чтобы понять масштаб всей выставки, их стоит перечислить: Отдел I — Зал императрицы Елизаветы Петровны; Отдел II — Искусство; Отдел III — Портреты деятелей; Отдел IV — Русская гравюра; Отдел V — Архитектура; Отдел VI — Монеты и медали царствования Елизаветы I; Отдел VII — Ломоносов. Академия наук. Московский университет; Отдел VIII–IX — Книги и рукописи; Отдел X — Бытовой отдел; Отдел XI — Театр. Музыка. Зрелища; Отдел XII — Военно-исторический; Отдел XIII — Военно-учебный; Отдел XIV — Морской отдел; Отдел XV — Виды и планы городов; Отдел XVI — Церковный отдел; Отдел XVII — Малороссия.

Выставка была организована имп. Академией наук, для чего в 1910 г. была создана специальная Комиссия по устройству выставки, которую возглавил секретарь Академии наук Сергей Федорович Ольденбург.

В центре внимания находились две великие фигуры — императрица Елизавета и М. В. Ломоносов. В задачу организаторов экспозиции входило воссоздание исторически достоверной атмосферы эпохи, всего многообразия ее предметного мира и, в частности, вещественных и до-

Е. Е. Лансере. Афиша выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». 1912

кументальных исторических источников и произведений искусств, которые были связаны с жизнью и деятельностью великого русского ученого и императрицы. Выставка проводилась в здании Академии художеств, оформление экспозиции было выполнено по проектам архитектора Николая Евгеньевича Лансере.

Экспонаты, количество и разнообразие которых поражает воображение и сегодня, были собраны из крупнейших государственных музеев, императорских и частных коллекций. Была выпущена серия каталогов выставки (по отделам). Куратором издания являлся С. Ф. Ольденбург, составителями — выдающиеся ученые и искусствоведы своего времени: Всеволод Измаилович Срезневский, Борис Львович Модзалевский, Владимир Яковлевич Адарюков, Михаил Гугович Деммени, Владимир Николаевич Тукалевский, барон Николай Николаевич Врангель и др. Большинство разделов посвящены отдельным типам экспонатов, представлены живопись и графика, архитектура, монеты и медали, печатные издания и рукописи. Два наиболее крупных и интересных отдела каталога — это отдел, посвященный деятельности М. В. Ломоносова, и отдел печатных изданий и рукописей. В первом из них были собраны все известные сохранившиеся предметы, связанные с личностью ученого, его портреты, гравюры, медали; принадлежащие его перу рукописи и письма, документы и издания Академии наук и Московского университета; во втором — книги гражданской и церковной печати, вышедшие в типографиях России и Украины в период с 1741 по 1761 г., рукописи (автографы императрицы, государственных деятелей и ученых, гражданские и церковные рукописные книги), примеры шрифтов различных типографий, образцы художественного оформления и переплетов.

В данном случае нас интересует 16-й, Церковный отдел. Именно в нем в качестве самостоятельных частей экспозиции были: VIII. Старообрядческий отдел и IX. Поморские акварели¹⁷. Из 258 экспонатов, характеризующих церковную жизнь в Елизаветинскую эпоху, 70, т. е. чуть меньше трети (27%), относились к старообрядческой культуре. Из них только 11 были не из Дружининской коллекции. Таким образом, подавляющее большинство старообрядческих памятников (59) были представлены для экспонирования В. Г. Дружининым.

Ученый мог быть причастен к подготовке выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» уже как член Археографической комиссии. Кроме того, ему были хорошо лично знакомы некоторые члены оргкомитета выставки, в частности Михаил Гугович Деммени¹⁸, известный нумизмат, однокашник Дружинина по Третьей классической гимназии и секретарь нумизматического отделения имп. Русского Археологического общества (1906–1913). Именно члены Оргкомитета могли обра-

таться к Дружинину как знатоку старообрядчества с просьбой подготовить необходимый раздел выставки.

Об авторстве Дружинина в отношении данного раздела свидетельствует не только очевидное превалирование памятников из его коллекции, так хорошо известной только самому собирателю, но и сам выбор экспонатов, напрямую соотносимый с научными интересами Дружинина того времени.

Старообрядческий отдел включал 47 памятников: 31 рукопись, 2 фотоснимка и 14 икон.

В соответствии с общим замыслом выставки основной интерес был сосредоточен на Выговском общежительстве (по преданию, М. В. Ломоносов прожил там некоторое время) и на палеографии и декоре выговских рукописей (на оформление печатных изданий обращали внимание авторы VIII и IX Общих отделов). На рукописях своего собрания Дружинин демонстрировал образцы поморских почерков (сохраняю наименования, данные в каталоге): скорописи и письма (без уточнения типа) начала XVIII в., полуустава 20-х гг. XVIII в., полуустава 1732 и 1742 г., скорописи до 40-х гг. XVIII в., почерка первой половины XVIII в., полуустава и почерка середины XVIII в., скорописи второй половины XVIII в., полуустава конца XVIII в. и нотное письмо середины XVIII в. Оформление выговских рукописей характеризовали три заставки: первой четверти XVIII в., начала XVIII в. и первой половины XVIII в. Хотя первоочередная задача экспонирования лежала в области палеографии, все же нельзя не отметить, что при этом выбранные памятники, без сомнения, давали представление о широте и многообразии книжной культуры Выговского общежительства: посетители выставки могли увидеть книги богослужебные (Устав, Триодь постную, Праздники, Обиход), типичные для раннего Выга сборники выписок из Священного Писания, учебные книги, в том числе выговскую переработку «Арифмология» Николая Спафария, памятники старообрядческой полемики — Дьяконовы и Поморские ответы, одно из сочинений Андрея Денисова.

Как видим, представленные памятники все же дают общее представление о выговской книжности и литературе и вполне соотносятся с той картиной выговской словесности, которую представил Дружинин в своем исследовании 1911 г. Сравнение кратких аннотаций каталога с текстом очерка показывает, что ряд экспонируемых рукописей был проанализирован именно в этой работе. К их числу относятся риторика Софрония Лихуда первой половины XVIII в. (старый № 153, новый 122)¹⁹, список «Арифмология» Спафария второй половины XVIII в. (новый № 120, старый № 151)²⁰, Грамматика (о осми частях слова) середины XVIII в. (старый № 345, новый № 299)²¹. Примечательно, что, характеризуя поэтическое творчество выговских писателей и составлявшиеся

сборники псалм, В. Г. Дружинин, как бы предчувствуя грядущую выставку, в исследовании 1911 г. замечал: «Любопытно, что выговцы внесли в сборники псалм и положили на ноты два произведения Ломоносова: Утреннее размышление о Боге и Оду, выбранную из Иова»²². Именно эта рукопись из собрания Дружинина завершала Старообрядческий отдел: «№ 235. Сборник псалм, переложенных на крюковые ноты поморского письма. Открыта страница с “Утренним размышлением” Ломоносова (список XIX в.)»²³.

В результате сравнения с указанными самим Дружининым в других работах и ныне описанными рукописями можно идентифицировать еще две рукописи из числа представленных на выставке. Это список «Зитуменоса» Алексея Иродионова (в составе сборника; старый № 145, новый № 114)²⁴ и Поморские ответы 20-х гг. XVIII в. (старый № 590, новый № 559)²⁵.

Другая группа рукописей, которая экспонировалась на выставке, представляла собой автографы старообрядческих писателей, причем это были не автографы основателей Выга, а писателей следующего поколения, т. е. Елизаветинской эпохи. Этот материал вошел в работу В. Г. Дружинина «Несколько автографов писателей-старообрядцев»: письмо-автограф Евстрата Федосеева, вклеенное в сборник Владимирской духовной семинарии № 75²⁶, им же переписанная «Книга, глаголемая Катехизис» из собрания Публичной библиотеки²⁷, список «Показательного списания на новоявльшиися философы» Даниила Матвеева, который В. Г. Дружинин считал автографом, из своего собрания (старый № 99, новый № 74)²⁸, и сборник предположительно автографов сочинений Ивана Алексея из Публичной библиотеки, а также два фотовоспроизведения подписей Мануила Петрова и Ивана Филиппова из дела, хранившегося в архиве Святейшего Синода²⁹.

Расположение материала в Старообрядческом отделе выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», на первый взгляд, кажется недостаточно ясным — рукописи перемежаются с иконами. Но при внимательном анализе обнаруживается четкая структура: книжная культура Выга, представленная через почерки и декоративное оформление рукописей; иконы выговского письма и, наконец, рукописные материалы (автографы и списки сочинений) старообрядческих деятелей Елизаветинской эпохи (здесь представлены имена Евстрата Федосеева, Мануила Петрова, Ивана Филиппова, Ивана Алексея, Алексея Иродионова и Григория Яковлева, а также единственный экспонат, относящийся к М. В. Ломоносову — сборник псалм). Для раскрытия первых двух тем Дружининской коллекции было вполне достаточно, третья же — потребовала привлечения памятников из других хранилищ, которые Дружинину были хорошо известны: имп. Публичная

библиотека, Хлудовская библиотека, Черниговская и Владимирская духовные семинарии.

Иконы были подобраны В. Г. Дружининым из своей коллекции таким образом, чтобы показать эволюцию выговского иконописания. Основным принципом датировки «даниловских» икон, как можно судить по аннотациям (из этого перечня ныне известно местонахождение только одной иконы — с изображением Андрея Денисова³⁰), являлось письмо ликов: «белые лики», по мнению ученого, указывали на вторую четверть XVIII в., «желтые лики» — на 50-е гг. — вторую половину XVIII в. и «красновато-коричневые лики» — на конец XVIII в. Сюжеты большинства отобранных икон принадлежали общеправославной традиции: Богоматерь Тихвинская, Седмица, Благовещение, три святителя (два образа), св. Георгий Победоносец, свв. Иоанн Кущник и Леонтий Ростовский, св. Александр Ошевенский с житием, свв. Зосима и Савватий Соловецкие, Шестоднев, Распятие с предстоящими 1827 г. К собственно старообрядческому иконотворчеству относились иконописное изображение Андрея Денисова и икона «Все российские чудотворцы» (два образа: один из собрания В. Г. Дружинина, другой — из собрания Санкт-Петербургской духовной академии³¹).

Самостоятельный раздел внутри «Церковного отдела» выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» составляли выговские настенные листы — 23 предмета, из них 20 — из коллекции Дружинина, 3 — из собрания ОЛДП. Дружининская коллекция лубков (152 единицы) ныне хранится в Государственном музее истории религии; в обзоре этих памятников, сделанном Зинаидой Александровной Лучшевой, отмечен факт экспонирования части листов на названной выставке³². Обратим внимание на подбор памятников: это отдельные портреты выговских отцов (Ивана Филиппова, Мануила Петрова (два), Даниила Матвеева, Никифора Семенова (два), Семена Титова), лист с изображениями Даниила Викулина, Андрея Денисова, Семена Денисова, Петра Прокопьева и иноков Корнилия и Виталия³³, «Изображение Выговского и Лексинского обществ с портретами иноков и настоятелей»³⁴, «Древо выговских настоятелей» (два листа), «Древо пороков и добродетелей» (четыре листа), «Птица Сирий» (пять листов) и три повествовательных листа — «Рай земной», «Страдания апостольские Симона Зилога и Матфия» и «Иллюстрация книги Моисея Исход». Таким образом, выговский рисованный лубок был представлен если не во всем многообразии сюжетов, то в самых главных содержательных и иконографических направлениях, отражающих сущностные черты выговской культуры.

Как видим, подобрать материал, столь полно представляющий выговскую культуру в целом, мог только человек, глубоко ее изучивший, прекрасно знакомый с рукописным и изобразительным наследием.

И этим человеком, учитывая все прочие косвенные соображения, мог быть именно Василий Григорьевич Дружинин.

Старообрядцы получили равные с другим населением Российской империи права только после высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Потребовалось еще полтора года, чтобы формальные аспекты этого равноправия были закреплены законодательно (именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 17 октября 1906 г.). Старообрядцы были слишком заняты восстановлением своей внутренней жизни, чтобы уделять внимание просвещению общества относительно древности и красоты старообрядческой культуры. Единственным исключением являлись публичные выступления Морозовского хора в концертных залах Москвы и Петербурга.

Грандиозная экспозиция «Ломоносов и Елизаветинское время», насколько нам известно, была единственным выставочным проектом начала XX в., в котором старообрядческая культура показывалась как целостное и значимое для отечественной истории явление. В этой связи заслуга В. Г. Дружинина, не только предоставившего экспонаты, но и организовавшего весь раздел, несомненна. Общественное значение экспозиционного опыта ученого для того времени трудно переоценить.

Вклад В. Г. Дружинина, собравшего исключительные по ценности коллекции рукописных, художественных и вещественных памятников старообрядчества, в историю русской культуры общеизвестен. Можно только глубоко сожалеть, что неблагоприятные потомки, вопреки желанию ученого, разрознили эти коллекции и частично их утратили. Выявленные Н. В. Пивоваровой архивные материалы о судьбе Дружининских коллекций потрясают своей горькой правдой³⁵.

9 августа 1918 г., накануне своего 59-го дня рождения, В. Г. Дружинин писал заведующему Синодальной библиотекой Николаю Петровичу Попову:

«Знаю, что Вы пережили большие ужасы; у нас тоже тяжело. Но кару Господню мы заслужили: не может на земле жить народ, который только и умеет, что продавать все святое и воровать друг у друга. Таково было его положение во все время войны, только и делали, что воровали, продавали да предавали. Ну и наступило время кары Господней. Вдумайтесь-ка, ведь ужас был не в войне, а в сплошном воровстве во время войны, и пользуясь ее обстоятельствами.

Понемного приступаем к работе: страшно дорого все типографское дело, но издания необходимы, надо продолжать. Черкните же два слова о том, как все это у Вас обстоит. А в Румянцевский музей попало собрание Е. Е. Егорова: как бы хотелось хотя глазком его поглядеть, но теперь это немислимо, конечно; будем ожидать лучших времен. <...>

Будьте же здравы и благополучны в уповании на милость Всевышнего, что он пошлет нам времена благия для продолжения работ»³⁶.

Зная дальнейшую биографию ученого, можем только сказать: увы, благих времен для Василия Григорьевича не настало.

¹ Юхименко Е. М. Василий Григорьевич Дружинин // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 89.

² Алексеев А. И. Дружинин Василий Григорьевич // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2007. С. 284–285.

³ Юхименко Е. М. Василий Григорьевич Дружинин // Большая российская энциклопедия. Т. 9. М., 2007. С. 370.

⁴ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 113–125.

⁵ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.), М., 1994. [Вып. 1]. С. 214–227.

⁶ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6–10.

⁷ Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Часть 2. М., 1997. С. 161.

⁸ Барсов Е. В. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. // ТКДА. Киев, 1866. Февр. С. 174–230; Июнь. С. 168–230; Июль. С. 285–304; Дек. С. 570–588; *Он же*. Алексей Родионов, ученик Семена Денисова // ТКДА. Киев, 1867. Т. 1 (янв.–март). С. 48–81; *Он же*. Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник // ТКДА. Киев, 1867. Т. 1 (янв.–март). С. 243–263; Т. 2 (апр.–июнь). С. 81–95; *Он же*. Иван Филиппов, выговский историк и настоятель // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 54–100; *Он же*. Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 г. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 85–116.

⁹ Барсов Е. В. Новые материалы для истории старообрядства XVII–XVIII вв. М., 1890. С. III–IV.

¹⁰ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в XVII в. СПб., 1889.

¹¹ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии. С. 215–216.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 63–64.

¹³ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 114.

¹⁴ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 332 (раздел написан Ю. Д. Рыковым).

¹⁵ Там же. С. 79 (раздел написан Ю. Д. Рыковым).

¹⁶ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии. С. 223. Факт экспонирования отдельных предметов из Дружининской коллекции отмечен в некоторых музейных изданиях.

¹⁷ Состоящая под Высочайшим его Императорского величества государя императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». В 17-ти отделах. СПб., 1912. Отдел XVI. Церковный отдел. С. 40–47.

¹⁸ Юхименко Е. М. Деммени Михаил Гугович // Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 682.

¹⁹ Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 27, 31. Как показала Н. В. Поньрко, эта рукопись, начинающаяся списком Риторике Софрония Лихуда, включает списки всех других известных риторик и на самом деле представляет собой составленную на Выгу около 1726 г. Риторику-свод (*Поньрко Н. В.* Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 159).

²⁰ Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. С. 31. В настоящее время пропал из поля зрения исследователей. См.: Белоброва О. А. К характеристике выговской редакции «Арифмологии» Николая Спафария // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории культуры. СПб., 2003. С. 140, 142–143.

²¹ Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. С. 19, 22. На выставке рукопись экспонировалась как пример поморского почерка середины XVIII в., но в своем исследовании В. Г. Дружинин датировал ее более ранним временем: «...мы имеем список грамматики, современный А. Денисову, судя по написанию его. Это рукопись нашего собрания № 345. Грамматика озаглавлена: О сочинении осьми частей слова. Это, собственно, синтаксис. Он занимает 315 листов; писана ранним поморским почерком с приписками, сделанными почерками, весьма похожими на почерки первых поморских отцов, т. е. начала XVIII в. Есть вставки других почерков». Второй половиной 20-х гг. XVIII в. датирует список Грамматики из собрания Дружинина Н. В. Поньрко, выявившая в этой рукописи вставки, сделанные рукой Семена Денисова, и почерки его учеников. См.: *Поньрко Н. В.* Учебники риторики на Выгу. С. 158.

²² Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. С. 24. Рукопись имела старый номер собрания 65.

²³ Состоящая под Высочайшим его Императорского величества государя императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Отдел XVI. Церковный отдел. С. 45.

²⁴ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 178, № 1. «Зитуменос» является первой статьей сборника, включающего также автографы Мануила Петрова. На рукописи помета В. Г. Дружинина 1908 г. См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук. Том 7, вып. 2: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2001. С. 276–277.

²⁵ В собрании Дружинина имеется две ранние рукописи Поморских ответов, датируемые 20–30-ми гг. XVIII в. Одна (старый № 159, новый № 1007) была приобретена в 1900 г., другая (старый № 590, новый № 559) не позднее 1911 г., однако именно во второй, на л. 433 об. стоит помета коллекционера: «Важна для истории поморского письма. В.Д.». Скорее всего, именно эта рукопись могла экспонироваться на выставке как образец полууставного поморского письма 20-х гг. XVIII в. См.: Описание... С. 12–13.

²⁶ Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915. С. 20.

²⁷ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. С. 279, № 1 (сборник, составленный Евстратом Федосеевым: ИПБ. О. И. 360). В работе 1915 г. приведены

точное название рукописи и удостоверяющая запись Евстрата Федосеева. См.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев. С. 19–21.

²⁸ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. С. 200–201, № 1 (автограф (?)). В действительности, список «Показательного списания» составляет первую половину конволюта XVIII в. и выполнен несколькими почерками. См.: Описание... С. 268–269.

²⁹ Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев. С. 9, 12. Подпись Мануила Петрова опубл.: Табл. XII.

³⁰ Образы и символы старой веры: Произведения старообрядческого искусства в собрании Русского музея / Автор концепции и составитель издания Н. В. Пивоварова. СПб., 2008. С. 25, № 4.

³¹ Образы и символы старой веры. С. 82–85, № 70.

³² Лучшева З. А. Старообрядческий рисованный лубок: проблемы изучения // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 138.

³³ Оpubл.: Старообрядческие коллекции в Государственном музее истории религии. СПб., 2008. С. 27, № 25.

³⁴ Оpubл.: Там же. С. 26, № 23.

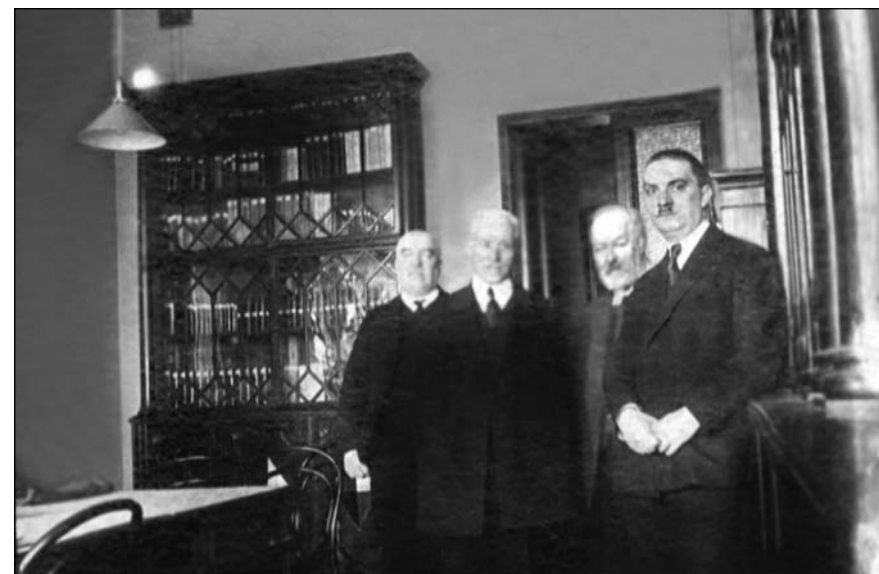
³⁵ Пивоварова Н. В. Новые архивные материалы по истории собрания В. Г. Дружинина: К 150-летию со дня рождения исследователя русского старообрядчества // Старообрядчество: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2008 г. СПб., 2009. С. 110–114.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 12–12 об.

Т. Г. Смирнова

В. Г. Дружинин и Археографическая комиссия*

Василий Григорьевич Дружинин принадлежит к ученым, которые и после своей кончины остаются участниками развития науки на многие годы. На одной из последних конференций, посвященной истории и культуре старообрядчества, подчеркивалось: научное наследие В. Г. Дружинина настолько ценно, что «к его исследованиям и коллекции старообрядческих рукописей будет обращаться еще не одно поколение ученых»¹. Тем не менее творческая биография ученого стала изучаться только в последние десятилетия². Попыткой в определенной мере восполнить этот историографический пробел является и данное сообщение.

В. Г. Дружинин (второй справа) с С. Ф. Платоновым, С. В. Рождественским и А. И. Андреевым в помещении Археографической комиссии. 1929 г. СПб ФА РАН. Ф. 943. Оп. 4. Д. 6

* Археографическая комиссия была создана в 1834 г. при Министерстве народно просвещения. В 1903 г. получила статус Императорской. В 1917–1921 гг. работала под названием Государственная Археографическая комиссия при Наркопросу РСФСР. В 1922 г. Комиссия вошла в состав учреждений Академии наук. В 1926 г. была объединена с Постоянной исторической комиссией и получила наименование Постоянная историко-археографическая комиссия АН СССР, в 1927 г. Комиссия была переименована в Историко-археографическую, в 1928 г. декретом СНК получила свое исконное название — Археографическая комиссия.

Научная биография В. Г. Дружинина неотделима от истории Петербургской Археографической комиссии. Он был принят в члены Комиссии в 1896 г., работал в Комиссии в течение 33-х лет, до конца 1920-х годов, времени трагических перемен в судьбе Комиссии и самого В. Г. Дружинина. В этом учреждении состоялась его служебная карьера, на страницах изданий Археографической комиссии были опубликованы основные, фундаментальные труды ученого.

Об Археографической комиссии В. Г. Дружинин знал уже в последних классах гимназии, приобретая в Комиссии для своей библиотеки тома «Полного собрания русских летописей»³. В студенческие годы В. Г. Дружинин, по совету своего учителя профессора Е. Е. Замысловского⁴, обратился к изучению опубликованного Археографической комиссией актового материала конца XVII в. о возникновении раскола на Дону⁵. Написанное на этом материале зачетное сочинение по окончании В. Г. Дружининым университета в 1883 г. было оценено как кандидатская работа. На основе этого исследования, дополненного архивными изысканиями, Дружинин написал магистерскую диссертацию «Раскол на Дону в XVII веке», которую он защитил в 1889 г. Е. Е. Замысловский, выступивший на защите в качестве оппонента, высоко оценил диссертацию и подчеркнул в своей рецензии, что исследование выполнено преимущественно на источниках, тщательно изученных В. Г. Дружининым, и это, в свою очередь, «прекрасно характеризует г. Дружинина как талант-

Здание Министерства народного просвещения (пл. Ломоносова, д. 2).
В этом здании в 1834–1903 гг. располагалась Археографическая комиссия

ливого ученого». На источниковедческий характер работы В. Г. Дружинина обратил внимание и второй оппонент, в то время приват-доцент С. Ф. Платонов⁶. Уже в этой работе отчетливо прослеживается унаследованный В. Г. Дружининым родовой признак петербургской исторической школы — приоритет источниковедческих исследований, основанных на тонком анализе исторических источников. По собственному признанию В. Г. Дружинина главную роль в формировании метода исторического исследования сыграли занятия в университетском семинарии В. Г. Васильевского⁷ по истории Византии. Эти занятия, как подчеркивал ученый в своих «Воспоминаниях», были «серьезной школой критики исторических источников»⁸. Осознание самодостаточности исторического источника, его значения как явления культуры определили отношение ученого к таким видам научной деятельности, как сбор и публикация исторических источников. Археографическую комиссию, ставившую именно эти научные задачи, В. Г. Дружинин охарактеризовал как «одно из самых почтенных учреждений, на изданиях которого, — подчеркивал он, — развивалась наука русской истории, русской церкви, истории русского права»⁹.

Представление В. Г. Дружинина в члены Комиссии было составлено Л. Н. Майковым и Е. Е. Замысловским, и на заседании 27 января 1896 г. он был избран единогласно¹⁰. В конце 90-х гг. XIX в. — начале XX в., кроме В. Г. Дружинина, членами Комиссии стали такие блестящие ученые, как С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, Б. А. Тураев, А. Е. Пресняков. Этим и объясняется, прежде всего, тот факт, что два предреволюционные десятилетия явились периодом расцвета деятельности Археографической комиссии. Благоприятно складывалось и ее финансовое положение. 6 мая 1903 г. Археографическая комиссия получила статус Императорской. 2 февраля 1904 г. последовало высочайше утвержденное новое «Положение» о Комиссии, согласно которому ассигнования на ее деятельность были увеличены более чем в два раза.

Заслуга в проведении «Положения» и его утверждении принадлежала председателю Комиссии графу С. Д. Шереметеву¹¹, назначенному на эту должность в 1900 г. Но С. Д. Шереметев жил преимущественно в Москве и в своем имении Остафьево, часто бывал за границей, возлагая решения научных вопросов на С. Ф. Платонова. Ближайшим помощником С. Ф. Платонова стал В. Г. Дружинин, назначенный 5 марта 1903 г. правителем дел Археографической комиссии. Восторженный отклик получило это назначение у С. Ф. Платонова: «Василий Григорьевич Дружинин сделан правителем дел Археографической комиссии, и мы все ликуем», — писал он М. А. Дьяконову¹². С С. Ф. Платоновым связывали В. Г. Дружинина дружеские отношения еще со студенческих лет. Эти от-

ношения, вспоминал С. Ф. Платонов, зародились «на почве общей любви к русской старине и исторической книге». Сблизили ученых и научные диспуты в «Кружке молодых историков»¹³. На несколько десятилетий теснейшим образом связала ученых научная и организационная работа в Археографической комиссии.

Сразу после вступления в должность В. Г. Дружинин вместе с С. Ф. Платоновым вошел в совещание по выработке проекта нового «Положения» Археографической комиссии. Одним из важных результатов этой работы явилось расширение прав Комиссии. «Положение» предоставило ей самостоятельно устанавливать программу изданий, правила своей деятельности, причем достаточно было их утверждения председателем. 22 января 1904 г. В. Г. Дружинин представил на обсуждение Археографической комиссии записку о намеченных изменениях в ее деятельности. В «Записке» он подчеркивал необходимость «выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщит бы Комиссии характер систематического издания материалов». Чтобы избежать случайностей при выборе издаваемых памятников, а затем выработать строгий план издания, предлагалось обсуждать вопрос о публикации того или иного памятника в редакционных комиссиях.

Надеждинская ул., д. 27. (ул. Маяковского, д. 27).
В этом здании размещалась Археографическая комиссия 1903–1925 гг.

Из намеченных В. Г. Дружининым пяти редакционных комиссий были утверждены три: по изданию летописей и литературных памятников во главе с А. А. Шахматовым; четких миней — с Б. А. Тураевым; актов и памятников юридических — с А. С. Лаппо-Данилевским¹⁴. Таким образом, научная работа Комиссии расширялась, становилась более интенсивной. В предложении В. Г. Дружинина отразились назревшие тенденции перехода Комиссии к систематическому изданию источников, а также наметившиеся к началу XX в. тенденции специализации отдельных отраслей источниковедения.

В. Г. Дружинин выступил также инициатором и других важных реформ. На заседании Комиссии 25 января 1905 г. он поднял вопрос о необходимости разработать единые для ее изданий правила¹⁵. Утвержденными (8 февраля 1905 г.) Археографической комиссией стали правила для издания актов¹⁶. Проекты А. А. Шахматова предусматривали лингвистический тип издания для летописных текстов до XV в. включительно. Они были разработаны в 1905–1907 гг., но не были утверждены Комиссией¹⁷. Несмотря на этот факт важно, что был установлен хронологический рубеж — летописные тексты до середины XV в., летописные тексты второй половины XV в., XVI и XVII вв., а также то, что в практику публикации Комиссией летописных текстов вошли два типа издания — лингвистический и более упрощенный, рассчитанный на историков.

Не остались без внимания В. Г. Дружинина вопросы хранения архивного собрания Комиссии, комплектования ее библиотечного собрания, систематизации делопроизводственного архива. По инициативе В. Г. Дружинина и с его участием на специальном совещании 3 апреля 1907 г. были разработаны «Правила хранения архива Археографической комиссии»¹⁸. В докладной записке С. Д. Шереметеву от 20 апреля 1905 г. В. Г. Дружинин, исходя из необходимости комплектования библиотеки с учетом поставленных научных задач, предлагал создать в библиотеке отдел справочных изданий — каталогов и описаний рукописей библиотечных собраний, а также пополнить отдел, содержащий издания литературных памятников и актового материала¹⁹. Из докладной записки В. Г. Дружинина 5 января 1905 г. С. Д. Шереметеву о деловом архиве Комиссии следовало, что он находился в неупорядоченном состоянии. В. Г. Дружинин разобрал документы архива, систематизировал их по тематическому принципу²⁰.

Итак, вступление в должность В. Г. Дружинина ознаменовалось его активной нормотворческой деятельностью. Кроме того, по занимаемой должности в его функции входила организационная работа по подготовке и проведению заседаний Комиссии, составлению протоколов заседаний и отчетов Комиссии и подготовке их текстов к публикации в «Летописи занятий...». В. Г. Дружинин разбирал корреспонденцию,

Экслибрисы библиотеки Археографической комиссии: а) Библиотека Археографической комиссии Министерства народного просвещения; б) Библиотека Императорской Археографической комиссии; в) Библиотека Археографической комиссии

поступающую в Комиссию, выписывал из архивохранилищ других учреждений рукописи, необходимые ученым для работы, вел переписку по поводу издаваемых работ. В 1904—1917 гг. объем изданий Комиссии увеличился в сравнении с периодом 1880—1903 гг. с 34 до 70 томов. В числе корреспондентов В. Г. Дружинина: А. А. Шахматов — по вопросам издания летописных памятников, С. О. Долгов — по изданию Макарьевских четей-миней, И. И. Лаппо — «Литовской метрики», А. М. Андрияшев — писцовых книг, В. Н. Бенешевич — памятников канонического права²¹.

Несомненно, что организация столь интенсивного процесса деятельности Комиссии требовала и времени, и организаторского таланта, и научной эрудиции.

Наряду с большой научно-организационной деятельностью успешно продвигалась и научная работа самого ученого. Вскоре после избрания в члены Археографической комиссии в ноябре 1896 г. В. Г. Дружинин предлагает начать издание донских документов, с которыми он работал в процессе написания магистерской диссертации, и получает поддержку²². Эти документы составили пять капитальных томов «Русской исторической библиотеки»²³. Научное значение издания «Донских дел» не только в его масштабности. Важной особенностью «Донских дел», представляющих собой публикацию донских дел и донских книг Московского Главного архива Министерства иностранных дел, является комплексный характер этого издания, раскрывающего самые различные аспекты истории донского казачества и политики русского правительства на Дону с 1594 по 1663 г.

Работа по подготовке издания велась по подлинным документам, которые присылались в Археографическую комиссию из Московского архива

МИД. В работе принимала участие А. А. Гельвих²⁴, которая копировала документы и вместе с В. Г. Дружининым сверяла тексты копий с подлинниками. Тщательная работа проводилась и с корректурами издания — текст набора опять сверялся с подлинниками²⁵. Редактировал издание В. Г. Дружинин. Пятый том «Донских дел» вышел в 1917 г. В «Воспоминаниях» В. Г. Дружинин отмечал, что были подготовлены к публикации шестой и седьмой тома²⁶, но их тексты обнаружить не удалось.

Активно продолжал ученый собирать и изучать старообрядческие сочинения. К 1918 г. он собрал коллекцию, состоящую почти из одной тысячи старообрядческих рукописей XVII—начала XX вв., редких гектографированных старообрядческих изданий последней четверти XIX—начала XX в., а также фотовоспроизведений с нескольких десятков рукописей из других древлехранилищ. Собрание В. Г. Дружинина включило такие жемчужины русской письменности, как Пустозерский сборник с автографами житий протопопа Аввакума и инока Епифания, автографы многих деятелей и писателей Выговской старообрядческой пустыни и многочисленные рукописные книги из библиотеки этого монастыря²⁷. Одной из важных особенностей Дружининской коллекции является то, что она собиралась ученым-исследователем. Составляя коллекцию в соответствии со своими научными интересами, он сумел придать ей научную ценность и тематическую завершенность.

Большинство исследований В. Г. Дружинина по истории и культуре старообрядчества написано на основе изучения рукописей из его собственного собрания. Творчество В. Г. Дружинина носило углубленный, разносторонний характер — изучение культурных достижений старообрядцев русского поморья в XVII—XIX вв.²⁸, палеографическое исследование автографов старообрядческих писателей²⁹, публикация памятников старообрядчества³⁰. В. Г. Дружинин также создал фундаментальный систематический каталог «Писания русских старообрядцев»³¹, остающийся основным справочным пособием по трудам старообрядческих писателей и для современных исследователей.

После выхода в свет «Писаний...» В. Г. Дружинин продолжал собирать материал для систематического каталога. В результате этой работы были выявлены «указания на 478 старообрядческих сочинений, бывшие доселе неизвестными, что увеличивало число приведенных сочинений в издании 1912 г. на 25%», — докладывал ученый на заседании Археографической комиссии 24 января 1922 г.³² На этом основании он предложил новое дополненное издание «Писаний русских старообрядцев» и получил поддержку Комиссии. Через два года, 12 февраля 1924 г., В. Г. Дружинин сообщил, что издание подготовлено к печати, и Комиссия постановила внести его «в число изданий, под-

лежащих печатанию по возобновлению кредитов»³³. Но публикация так и не состоялась, неизвестна и судьба оригинала издания, подготовленного ученым.

Итогом многолетней работы ученого по исследованию русского старообрядчества стала подготовка издания сочинений старообрядческих писателей XVII в. в серии «Памятники старообрядчества». Работа после одобрения Археографической комиссией началась в 1915 г.³⁴ К работе над подготовкой издания Дружинин привлек Я. Л. Барскова³⁵ и П. С. Смирнова³⁶, а сам выполнял роль организатора, научного консультанта и редактора. Благодаря стараниям ученого в Археографическую комиссию были переданы рукописи более чем из двадцати библиотек, в основном из учреждений духовного ведомства. В условиях войны, а затем и революции, многие хранилища были закрыты, готовились к эвакуации. Много усилий В. Г. Дружинин приложил, чтобы добиться получения рукописей из библиотеки Рогожского кладбища, вел переписку с членами общины³⁷. Ученый отобрал для издания и рукописи из своей коллекции, многие из которых были выбраны в качестве основных текстов для публикации аввакумовских текстов. Организовал В. Г. Дружинин также специальные совещания с целью выработки правил издания³⁸. В 1927 г. вышел первый том «Памятников старообрядчества XVII в.»³⁹, содержащий Житие протопопа Аввакума и все известные в то время остальные его сочинения. Житие протопопа... впервые было издано в трех редакциях. Был подготовлен и второй том, включивший сочинения другого видного идеолога старообрядчества дьякона Федора Иванова, но публикация его не состоялась. Судьба рукописи этого тома остается невыясненной и в настоящее время.

Послереволюционные годы были трудными в жизни ученого и Археографической комиссии не только как период нереализованных научных планов. Революцию В. Г. Дружинин не принял, да и не мог принять в силу своих монархических убеждений. Октябрьские события 1917 г. лишили его всех сбережений и доходов от Уральских заводов⁴⁰. В новых политических условиях необходимо было решить судьбу коллекций. Ученые Археографической комиссии после революции работали даже в труднейших условиях гражданской войны — продолжали готовить издания и два раза в месяц собирались на заседания. «В 1918—1919 гг., когда не было ни угля, ни дров для отопления здания Археографической комиссии, — вспоминал В. Г. Дружинин, — присутствия Комиссии, ее канцелярия и зал заседаний были перенесены в мою квартиру». Здесь же проходили вечерние занятия слушателей архивных курсов, для которых Дружинин читал курс палеографии старообрядческих рукописей⁴¹. В эти голодные и холодные годы Комиссия и вся отечественная наука понесла тяжелые

утраты — в 1918 г. скончался С. Д. Шереметев, в 1919 г. — А. С. Лаппо-Данилевский, в 1920 г. — А. А. Шахматов, Б. А. Тураев. Трагические потери, тяжелые условия жизни были сопряжены с очень сложной общественно-политической ситуацией. Историческая наука была призвана создать новые социальные теории и с этой целью — новую документальную базу. В контексте этих задач и исследования, и публикации источников по истории древней и средневековой России были объявлены неактуальными. Дореволюционные историко-археографические учреждения и научные общества, включавшие в сферу своей деятельности археографическую работу, не получая финансовой поддержки со стороны государства, постепенно прекращали свою деятельность.

В 1920 г. не получила финансирования от Госиздательства и Археографическая комиссия. С целью выяснения причин в Москву были командированы А. С. Николаев и В. Г. Дружинин. Дружинин добился личной встречи с М. Н. Покровским, который объяснял сложившуюся ситуацию недоразумением, заключавшимся в том, что Археографическая комиссия была принята за Археологическую комиссию, которая в 1919 г. была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры. Но все-таки М. Н. Покровский собрал заседание Коллегии Главархива, где высказал мнение о целесообразности подчинения Комиссии Главархиву с целью переключения ее работы на издание источников нового и новейшего времени. В. Г. Дружинин сумел убедить участников заседания оставить Комиссию в составе Наркомпроса и сохранить традиционные направления ее деятельности. В резолюции отмечалось, что к этому вопросу следовало вернуться с наступлением более благоприятных условий в стране⁴². Тем не менее, усилиями В. Г. Дружинина время было выиграно, и с 1 января 1922 г. Археографическая комиссия вошла в состав учреждений Академии наук.

Переход Археографической комиссии в Академию наук сохранил не только само учреждение, но и позволил Комиссии продолжить работу в традиционных для нее направлениях. Но в силу объективных причин, связанных с трудным экономическим положением Советского государства в 20-е годы, деятельность Археографической комиссии в это время протекала в неблагоприятных условиях — бумажного дефицита, вздорожания и прекращения работы типографий, приостановки ассигнований. Достигнутые результаты работы Археографической комиссии в сложившейся ситуации всецело зависели от организаторов ее деятельности — С. Ф. Платонова, избранного после смерти С. Д. Шереметева 31 декабря 1918 г. председателем Комиссии, и его заместителя В. Г. Дружинина, назначенного на эту должность 1 декабря 1921 г.

В послереволюционное десятилетие Комиссия продолжила издание и подготовку летописных памятников, памятников старообрядчества

и канонического права. Из актового материала самым значительным явилось издание 2-го тома «Сборника грамот коллегии экономии», в 1928 г. была начата подготовка издания «Русской Правды». В эти годы ученые Археографической комиссии приложили немало усилий для спасения архивных ценностей монастырей. Среди них богатейшие архивы таких монастырей, как Соловецкий, Антониев-Сийский, Николаевский Корельский, Александро-Свирский, Большой Тихвинский, Кирилло-Новоезерский, Кирилло-Белозерский.

В конце 1929 г. деятельность Комиссии была прервана в связи с начавшимися событиями «Академического дела». 8 ноября 1929 г. С. Ф. Платонов был вынужден подать в отставку со всех занимаемых им постов после обнаружения Комиссией по проверке аппарата Академии наук СССР в библиотеке АН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии «архивных материалов актуального общественно-политического содержания, не подлежащих хранению в академических учреждениях». После этого в ноябре-декабре того же года последовали увольнения и аресты сотрудников этих учреждений. Из Археографической комиссии в эти месяцы было уволено подавляющее количество членов и сотрудников⁴³. Каждый второй из них был арестован. 5 апреля 1930 г. председателем Комиссии стал М. Н. Покровский. В. Г. Дружинин был уволен 13 ноября 1929 г. по 1-й категории. Лица, уволенные по этой категории, лишались всех прав на пособие, пенсию, работу и выселялись из квартир. Формальным поводом для снятия с должности явилось обвинение В. Г. Дружинина, выдвинутое Комиссией по проверке аппарата Академии наук, в том, что он якобы «был личным информатором о настроениях рабочих масс у Плева»⁴⁴. 27 ноября 1929 г. В. Г. Дружинин обратился в Центральную комиссию по чистке советского аппарата при НК РКИ с просьбой о пересмотре его дела⁴⁵. Но ответа ученый не получил. Вскоре целой группе ученых было предъявлено обвинение в участии в деятельности контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». К началу декабря 1930 г. число подследственных превысило 100 человек, и в ОГПУ 18 декабря 1930 г. было принято решение разделить их на две группы. Первой группе была отведена руководящая роль в создании «Союза», основными организаторами которого были признаны С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, М. К. Любавский. В. Г. Дружинин был включен во вторую группу, которой было предъявлено обвинение в принадлежности к «Союзу». Кроме того, лица занимавшие ответственные посты, обвинялись в использовании служебного положения. Так, В. Г. Дружинину инкриминировалось «участие в сокрытии от советского правительства архивных фондов актуального государственного значения»⁴⁶. 25 июня 1930 г. В. Г. Дружинин был арестован и 10 февраля 1931 г. приговорен к

заключению в концлагерь сроком на 5 лет. В 1931—1932 гг. он отбывал свой срок в Соловецком лагере, в 1933—1935 гг. — в ссылке в г. Ростове-Ярославском, где ученый вел борьбу за выживание — не хватало денег на жилье, дрова и даже хлеб⁴⁷. Несмотря на тяжелые условия, по предложению В. Д. Бонч-Бруевича, в ссылке он работал над «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах». «Воспоминания...» содержат очень интересные сведения о друзьях и родственниках В. Г. Дружинина, букинистах, коллекционерах, научной жизни Санкт-Петербурга—Ленинграда почти за полвека и заслуживают издания.

Из ссылки в Ленинград В. Г. Дружинин вернулся в 1935 г. и 15 января 1936 г. на 77-м году жизни скончался. Реабилитирован ученый был в 1959 г.

Археографическая деятельность В. Г. Дружинина велась на протяжении всей его ученой работы. Она приобрела самоценный характер и протекала в традициях петербургской исторической школы. Трудно переоценить роль В. Г. Дружинина в деятельности Археографической комиссии, его талант и ученого, и организатора.

¹ Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.): Сб. науч. трудов / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. Вып. 2. С. 11.

² Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник (далее — А.Е.) за 1983 г. М. С. 113—125; Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). С. 215—227; Плигузов А. И. Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. М., 1994. № 5. С. 19—21; Панченко Е. З. Еще раз о библиотеке Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. М., 1996. № 4. С. 118—120; Смирнова Т. Г. В. Г. Дружинин — историк, коллекционер, правитель дел Императорской Археографической комиссии // Академический архив в прошлом и настоящем: Сб. науч. статей к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2008. С. 347—354; Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX—XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 469—498.

³ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 36 об.

⁴ Замысловский Егор Егорович (1841—1896), историк, профессор Петербургского университета (1884—1896), член Археографической комиссии (с 1869 г.), член-корреспондент АН (1888).

⁵ Дополнения к актам историческим. СПб., 1872. Т. 12 (1684—1700 гг.).

⁶ Диспут в университете // Новое время. 1889. 6 марта. № 4676. С. 3; ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1456 (отзыв С. Ф. Платонова на диссертацию В. Г. Дружинина).

⁷ Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899), историк, византист, академик АН (1890), член Петербургской археографической комиссии (1876—1899).

⁸ Дружинин В. Г. Воспоминания... Ед. хр. 7. Л. 98, 102, 103.

⁹ Там же. Л. 109.

¹⁰ Летопись занятий Археографической комиссии (далее — ЛЗАК) за 1895—1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 26—28. Записка была подписана также К. Н. Бестужевым-Рюминым, С. Ф. Платоновым, И. А. Бычковым, Г. Ф. Штендманом, А. С. Лаппо-Данилевским, А. А. Куником, В. Г. Васильевским.

¹¹ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, государственный деятель, историк, председатель Общества любителей древней письменности (с 1888 г.), почетный член АН (1890), почетный член Санкт-Петербургского университета (1913), председатель Археографической комиссии (1900—1918).

¹² Письмо С. Ф. Платонова М. А. Дьяконову. 22 марта 1903 г. // Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 84.

¹³ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. СПб., 1921. Кн. 2. С. 132.

¹⁴ ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 3, 5—8, 15, 18.

¹⁵ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1^а. Ед. хр. 662. Л. 33—33 об. (Докладная записка В. Г. Дружинина. 3.01.1905).

¹⁶ Проект правил для отдельных изданий Императорской Археографической комиссии // ЛЗАК за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18. С. 10—13.

¹⁷ О разработке А. А. Шахматовым правил издания летописных текстов, обсуждение его проектов в Археографической комиссии см.: Чирков С. В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX— начала XX века. М., 2005. С. 115—119.

¹⁸ «Правила» опубликованы: ЛЗАК за 1907 г. СПб., 1908. Вып. 20. С. 19. Сопровождение проходило под председательством Н. П. Лихачева с участием В. Г. Дружинина, М. Г. Курдюмова, С. А. Адрианова.

¹⁹ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 926. Л. 3, 4, 4 об.

²⁰ Там же. Л. 1, 1 об.

²¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 114, 42, 62, 12.

²² Записка В. Г. Дружинина об издании документов по истории Донских казаков XVII в. // ЛЗАК за 1895—1899 годы. СПб., 1901. Вып. 12. С. 72—75.

²³ Донские дела. Кн. 1—5 // Русская историческая библиотека (далее РИБ). СПб., 1898. Т. 18; СПб., 1906. Т. 24; СПб., 1909. Т. 26; СПб., 1913. Т. 29; СПб., 1917. Т. 34.

²⁴ Гельвих Аделина Августовна — сотрудник Археографической комиссии с 27 декабря 1921 г., но к моменту избрания работала в Комиссии уже свыше 25 лет (ЛЗАК за 1919—1922 годы. Пг., 1923. С. 62). К сожалению в архиве Комиссии не сохранились биографические документы об А. А. Гельвих.

²⁵ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных... Ед. хр. 8. Л. 67, 67 об., 68.

²⁶ Там же. Л. 68.

²⁷ Краткий обзор рукописей собрания В. Г. Дружинина см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. М.; Л., 1958. Вып. 2. XIX—XX вв. С. 129—132. О деятельности В. Г. Дружинина по собиранию старообрядческих рукописей см.: Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 113—125.

²⁸ Дружинин В. Г. 1) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 2) К вопросу о колонизации старообрядцами Олонекского края в конце XVII в. // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 293—305; 3) Значение труда старообрядцев в развитии промыслов // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. Ч. 2. С. 24—26; 4) К истории крестьянского искусства XVIII—XIX вв. в Олонекской губернии (Художественное наследие Выговецкой поморской пустыни) // Известия АН СССР. Сер. 6. 1926. Вып. 15/17. С. 1479—1490.

²⁹ Дружинин В. Г.: 1) Пустозерский сборник: Памятники первых лет русского старообрядчества // ЛЗАК за 1913 г. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1—25; 2) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915; 3) Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. С. 1—66; 4) Дополнения к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в. // ЛЗАК за 1923—1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 100—102.

³⁰ Памятники старообрядчества XVII в. Кн. 1. // РИБ. Л., 1927. Т. 39.

³¹ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний // ЛЗАК за 1912 г. СПб., 1913. Вып. 25. С. I—XIV, 1—534.

³² ЛЗАК за 1919—1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 71.

³³ ЛЗАК за 1923—1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 23.

³⁴ ЛЗАК за 1915 г. Пг., 1916. С. 17—19, 21—22 (Записка В. Г. Дружинина об издании памятников старообрядчества XVII в.).

³⁵ Барсков Яков Лазаревич (1863—1937), историк, архивист, археограф, ученик В. О. Ключевского, делопроизводитель Государственного архива МИД (1908—1917), сотрудник Археографической комиссии (с 1915 г.).

³⁶ Смирнов Петр Семенович (р. 1861), историк церкви, в 1887 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1910 г. — ординарный профессор, автор работ по истории старообрядчества.

³⁷ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1032а. Л. 1—1 об.

³⁸ Там же. (Журналы заседаний 19 октября и 7 ноября 1915 г.).

³⁹ Памятники старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Сочинения протопопа Аввакума // РИБ. Л., 1927. Т. 39.

⁴⁰ Управляющим заводов на Урале В. Г. Дружинин стал после смерти отца в 1889 г.

⁴¹ Дружинин В. Г. Воспоминания... Ед. хр. 9. Л., 236, 237—237 об. Археографическая комиссия с 1903 г. размещалась на Надеждинской ул. (ул. Маяковского), д. 27. В 1914 г. В. Г. Дружинин получил служебную квартиру во флигеле, построенном во дворе этого дома специально для служащих Комиссии. В 1925 г. Комиссия переехала в здание на Тучковой наб. (наб. Макарова), д. 2а. В этом же здании находилась с этого времени и квартира Дружинина.

⁴² Там же. Ед. хр. 9. Л. 2 об, 3, 4, 5, 6 об; ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 209. Л. 15—15 об. (Протокол № 2 заседания Коллегии Главархива от 19 ноября 1920 г.); СПб ФА РНА. Ф. 133. Оп. 1а. Ед. хр. 29 Л. 107—108 (Протокол заседания Археографической комиссии от 30 ноября 1920 г.).

⁴³ 3 декабря 1929 г. были уволены: Н. П. Лихачев, С. В. Бахрушин, А. В. Бо- родин, И. А. Бычков, С. К. Богдавленский, П. Г. Васенко П. Н. Шеффер,

Е. Ф. Карский М. К. Любавский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, С. Б. Веселовский, М. Н. Сперанский Ф. И. Покровский М. Д. Приселков, С. А. Жебелев, Е. В. Тарле С. П. Розанов А. М. Андрияшев, В. Г. Гейман, Д. Н. Егоров, И. И. Яковкин, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов (СПб ФА РНА. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1159. Л. 95). 24 октября 1929 г. был арестован А. И. Андреев, 1 декабря – С. В. Рождественский.

⁴⁴ Выписка из протокола заседания правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук от 10 ноября 1929 г.: СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 5092. Л. 15, 16.

⁴⁵ «Записка» В. Г. Дружинина опубликована: Деятели русской науки XIX–XX веков Л., 2008. Вып. 4. С. 486–491.

⁴⁶ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. Предисловие. СПб., 1993. С. VII.

⁴⁷ *Берестецкая Т. В.* Указ. соч. С. 224.

Е. К. Пиотровская

Из архивных материалов

о закрытии Археографической комиссии

(Постоянной историко-археографической комиссии Академии Наук)

Роль Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936) в истории культуры, сохранения и изучения древностей России, старообрядческого наследия, как теперь становится ясно, изучена недостаточно полно. Она нуждается в тщательном осмыслении, публикации дошедших документов, связанных с жизнью ученого, его окружением (особенно судьбой Археографической комиссии Академии наук) и многими разнообразными направлениями искусствоведческой, историко-филологической науки и истории общества нашего государства в XX в.¹

В дополнение к уже изложенному в статьях Е. М. Юхименко и Т. Г. Смирновой в данном сборнике, хотелось бы привести некоторые факты, которые следовало бы также ввести в хронологический контекст жизни ученого и академической среды конца 20 нач. 30-х гг. XX в. Наше внимание привлекло одно из дел СПб Архива РАН: Ф.133.оп.1, № 11001^a «По поступлению и изъятию рукописных материалов» (началось 17 января 1928 г. Окончилось 1930 г.).

В деле 177 лл. (на листах дела сохранились следы предшествующей перечеркнутой пагинации, выполненной красным карандашом. По-видимому, дело могло быть переформатировано?). В нем много актов и их копий, расписок, перечней отдельных документов и даже личных вещей, которые находились в шкафах и письменных столах членов Археографической комиссии и были обнаружены членами Правительственной комиссии, возглавляемой Ю. П. Фигатнером (1889–1937), который тогда являлся членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции и членом Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Напомним, что с 1 июля 1929 г. в Ленинграде началась т. н. чистка государственного аппарата. Академия наук оказалась в эпицентре идеологической бури взаимоотношений государства, партии, науки. Именно к этому времени восходит начало сфабрикованного в дальнейшем ОГПУ «Академического дела» (контрреволюционного заговора или «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»)².

По-видимому, «история» с этими архивными материалами отражает сложившуюся ситуацию октября 1929 г., когда в результате работы Правительственной комиссии были уволены сотни штатных и сверхштатных сотрудников БАН, Пушкинского Дома, Археографической комиссии, но и были «обнаружены» архивные материалы, имеющие особую цен-

ность для исторических и политических событий государства (в том числе подлинные документы об отречении императора Николая II и его брата вел. князя Михаила, документы разных политических партий др.). Отдельные документы хранились не только в БАН, но и в Пушкинском Доме, и в Археографической комиссии. При этом хранение этих документов в прежние годы было официально обосновано разного рода постановлениями³.

Как теперь стало известно после публикации архивных материалов из государственных ведомств и сохранившейся мемуарной традиции, главный виновник «сокрытия» документов был академик С. Ф. Платонов (после смерти С. Д. Шереметьева он был избран Председателем Археографической комиссии, с августа 1925 г. до марта 1929 г. был директором Пушкинского Дома, с 1925 г. по 1928 — директор Библиотеки АН СССР)⁴.

В одном из документов прямо указывалось на традиционные коллекционерские приоритеты С. Ф. Платонова в деле хранения письменного наследия и невнимание к другим вновь образованным государственным структурам, в частности к Центрархиву⁵. В. Г. Дружинин был зам. председателя Археографической комиссии и другом С. Ф. Платонова.

Их трагедия, их боль за культурное наследие страны была общей, а не — обоснованные обвинения комиссии Фигатнера только еще более убеждали их и их коллег-гуманитариев в правоте отстаивания своих воззрений, идеалов, этики поведения, человеческого благородства. Многим из них было под семьдесят лет, они пережили невероятные лишения, потерю близких, друзей.

Приведем факты из нескольких документов от 2\XI-1929 г.; 15\XI-1929 г.; 16\XI-1929 г.; 17\XI-1929; 22\XI-1929; 28\XI-1929 г.; 10\ IV-30 г. Начнем с Акта от 2\ XI-1929, в котором записано, что «....Председатель специальной Правительственной комиссии по Академии Наук изъял из Архива Археографической комиссии три вязки документов — доклады верховной военной власти с 1902 — по 1917 г. и центрального военного аппарата, записанные в инвентаре за 1922 г. под № 2 (21 — «Разные бумаги исторического содержания»), поступившие от Непр[еменного секретаря] АН СССР, и одну папку с надписью: Студенческое движение. Означенные папки взяты из шкафа, опечатанного в присутствии Ученого секретаря Археографической Комиссии. Андреева. Печать была вскрыта т.Шауро в присутствии Зам. Председателя Археографической комиссии В. Г. Дружинина». Акт был подписан В. Шауро, Викторовым, Фигатнероим, В. Дружининым.

Кроме того, есть свидетельство, что упомянутые в акте «вязки» принял на хранение Зав. I отд[елом] биб[лиотеки] Ак [академии] Наук Викторов (л. 151). Интересна и расписка Викторова, в которой говорится

о том, что из Археографической Комиссии им получены «пять (5) номеров рукописной газеты, издававшейся в Севастопольской тюрьме в 1907—1908 гг. заключенными» (л. 150). 4 ноября 1929 г. за № 1622 было отправлено письмо непременно секретарю АН, подтверждающее, что Археографическая комиссия посылает «копии Акта и расписки об изъятии Специальной правительственной Комиссией по АН документов из Архива АК». Письмо подписано председателем С. Платоновым и секретарем Грековым (л. 152). В интересующем нас архивном деле эти копии сохранились. Акт от 15.11.1929 г. может быть также интересен с точки зрения указанных в нем изъятых членами Правительственной комиссии документов из шкафа академика А. С. Лаппо-Данилевского.

Документы следующие:

«I — Подлинное дело Департамента Общих дел М.В.Д. о Тверском адресе, в составе разных бумаг, к адресу относящихся в их числе подлинник Тверского адреса;

II — Дело Канцелярии Совета Министров по Государственной Думе, часть I, в количестве порядковых листов — 744, включая и чистые, часть II, в количестве порядковых листов — 969; III — дело канцелярии Совета Министров по «делам до Государственного Совета относящимся», в количестве пронумерованных листов 579; IV — Папка № 143 докладов по Академии Наук ее уполномоченного в районе военных действий Е. Шмурло в количестве 7 докладов и 4 приложений инвентарного характера; V — Дневники Е. Шмурло, 4 переплетенные книжки и одна пачка рукописных и перепечатанных на машинке его же дневников, несколько конвертов солдатских писем и блокнот. Все вышеназванные дела описаны без полистной проверки, а лишь в порядке фиксации № последнего листа каждого дела. Инвентарных описей на выявленные материалы в Археографической Комиссии не имеется, за исключением № IV и V настоящего акта» (л. 158).

При анализе текста этого документа следует обратить внимание на большой по объему изъятый архивный материал, а также на имена историков, имеющих к нему непосредственное отношение, и на имена членов государственной комиссии. Упоминание имени академика А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919), которого ко времени работы Правительственной комиссии уже десять лет (!) как не было в живых⁶ и его шкафа с архивными материалами, в которых находились не только бумаги государственного значения, но и материалы дневникового характера, члена-корреспондента АН СССР Е. Ф. Шмурло (1854—1934), исключенного из членов Академии Наук СССР на Общем собрании Академии наук 15 декабря 1928 г. «ввиду утраты, связи с АН СССР», вызывает некоторые недоумения⁷. Известно, что в трудные годы первой мировой войны и последовавших дальнейших трагических событий февраля-

октября 1917 г., гражданской войны, многие ученые, оставляли свои архивные бумаги в главных гуманитарных хранилищах Санкт-Петербурга (Археографической комиссии, Пушкинского Дома, Библиотеки АН и др.). Тем более, что архивные реорганизации, которые начались после революционных событий, находились «в постоянном движении». Может быть, и материалы Е. Ф. Шмурло попали к А. С. Лаппо-Данилевскому еще при его жизни, ведь они были дружны начиная с XIX в. и особенно в свои молодые годы. В этом окружении были и С. Ф. Платонов, и В. Г. Дружинин⁸. Возможно и после смерти А. С. Лаппо-Данилевского материалы Е. Ф. Шмурло для лучшей сохранности (ведь они — то имели инвентари) находились в шкафу А. С. Лаппо-Данилевского (Е. Ф. Шмурло уехал в Прагу в 20-е гг. XX в., после смерти А. С. Лаппо-Данилевского). В тексте Акта говорится, что от правительственной Комиссии были Б. З. Шумяцкий и С. В. Юшков, а от Археографической комиссии АН СССР уже временно исполняющий обязанности Ученого секретаря комиссии Б. Д. Греков и научный сотрудник Н. С. Чаев⁹. Все эти подписи стоят и в конце Акта.

Таким образом, начиная с 15 ноября 1929 года имени С. Ф. Платонова уже в документах не будет, а имя В. Г. Дружинина отсутствовало несколько раньше. Еще один Акт с этой же датой, но под другим № 707 Археографической комиссии, в котором просто перечислены материалы, хотя и обязательная формула присутствующих, тех же самых, что в предыдущем Акте, соблюдена. В этом тексте Акта (карандашом) перечислены:

«I. Карандашная запись от 2 августа и 14 августа 1906 г. за подписью “Николай”, по поводу “дерзновенного их поступка” и “дерзких” грабежей на 1 листе;

II. Дневник, датированный с 30 января по 30 декабря 1907 года за подписью «Николай», на 6 листах, содержащий в себе подлинные или скопированные записи (карандашные) Николая Романова;

III. Конверт из архива С. Е. Смельского с письмами А. Крупенского (восемь писем и почт[овых] карточек).

Названные материалы изъяты из неопищенного архива А. Сиверса» (л. 159). Подписи Б. Шумяцкого, Б. Грекова, С. Юшкова, Н. Чаева. В тексте этого акта следует обратить внимание на то, что документы хранились в Архиве известного ученого-историка, генеалога, сотрудника БАН А. А. Сиверса (1866–1954), который был арестован раньше в 1928 г. (?)¹⁰. На л. 160 на маленькой «осьмушке» от 16 ноября 1929 текст сопроводительного письма, подписанный Б. Д. Грековым, но при этом нет описей: «В секретариат А. Н.

В исполнение устного распоряжения от 16 ноября с.г. Археографическая Комиссия посылает архивные материалы академиков Герца и Фукса в сопровождении составленной на эти материалы описи.

Материалы, относящиеся до истории самоедов согласно распоряжению секретариата от того же числа оставленных в Комиссии для обработки и изучения»¹¹.

16 ноября 1929 года датирован и Акт под № 708: «Присутствовали Представители Представительной Комиссии С. С. Крыжановский и С. В. Юшков, представители Археографической Комиссии Б. Д. Греков и Н. С. Чаев.

В присутствии означенных лиц были вскрыты один из шкафов, ключей от которого не было обнаружено, и письменный стол Ученого секретаря А. И. Андреева, ключей от которого тоже не оказалось.

Во вскрытых шкафу и столе обнаружены были следующие предметы, которые представители Правительственной комиссии сочли необходимыми изъять:

- 1) личная переписка;
- 2) книги, не принадлежащие Археограф[ической] комиссии:
 - а) Остафьево. Материалы о прежних владельцах и к родословию кн. Вяземских.
 - б) Рихтер Евгений. Соц[иал] — демократическая картина будущего в Германии.
 - в) Танков А. А. Историческая Летопись Курского дворянства. Т. I.
- 3) Опись Инвентарная библиотеки А. А. Сиверса.
- 4) Коробка с золотыми часами и цепочкой № 388482 фирмы Буре с изображением двухглавого орла и запиской “из кабинета Его Императорского В[елич]ества студенту Андрееву”.
- 5) Ден[ежные] знаки времени Керенского
- 6) Два “масонских знака”. Следуют и подписи представителей Правительственной Комиссии и представителей Археографической комиссии.

На листе 162 находится машинописная копия на бланке Академии Наук СССР. Это текст выписки из Протокола Заседания Президиума от 14 ноября 1929 § 38: «И.О. Непременного секретаря А[кадемии] Н[аук] — А[р]хеографическую К[омиссию].

Доложена просьба А[рхеографической] К[омиссии] об организации работ по обследованию архивного материала А[рхеографической] К[омиссии].

Положено: просить и.о. [Н]епременного [С]екретаря снести по этому вопросу с тов[арищем] Фигатнером». Подпись И.О. неперменного секретаря академика В. Комарова (вход № 710 от 17.XI-1929 г.). Интересна карандашная пометка внизу в правом углу: «22\XI бумаги взяты Н. С. Чаевым». В левом углу наискось резолюция чернилами И.О. Председателя акад[емика] П.Сакулина: «Приложить к копиям писцовых книг» (л. 163). Через несколько дней 28\XI — 1929г. под №733 в архи-

вном деле помещен рукописный (ченильный карандаш) документ: «Акт о передаче архивных материалов из Археографической Комиссии Правительственной Комиссии.

23 ноября 1929 г. Правительственная Комиссия в присутствии т. Фигатнера приняла из Археографической комиссии архивные материалы, не подлежащие хранению в названной комиссии:

1. Бумаги Яцкевича (по Инвентарю Комиссии № 16\84).

2. Из библиотеки Сиверса:

а) дневник неизвестного лица, по некоторым признакам принадлежавшего к кружку лиц, близких к Распутину; б) бумаги по церемонии [иальной] должности, (три перепл[етенные] книги); в) *liste du corps diplomatique* (одна перепл[етенная] книга).

3. Из бумаг Татищева:

а) Расходная кн[ига] кн. Голицына 1914–1917 гг.;

б) две книги по складу Е. В-ства,

в) родословная кн. Императорского Дома

г) папка «род Романовых». При приемке Правительственной Комиссии от Археографической Комиссии присутствовал Б. Д. Греков». (следует автограф Вр. И.о. Ученого секретаря Археогр[афически]ой Комиссии — Б. Грекова). Далее синими чернилами запись: «По поручению Правительственной Комиссии для сдачи ей перечисленных в настоящем акте документов принял.

Зав. I. Отд. Биб. АН Вл. Викторов.

23.XI. 29 г. Ленинград» (Л. 169).

Из перечня сохранившихся документов следует, что спустя несколько месяцев после активных, почти каждодневных изъятий архивных материалов из шкафов и столов сотрудников Археографической комиссии Правительственной комиссией в ноябре месяце, снова тщательно просматриваются бумаги. Так, от 10.IV.-30 под № 540 в архивном деле содержится копия текста докладной записки Томсинского Управляющему делами АН: «Препровождаю Вам обнаруженные при разборке архива Сиверса в Археографической К[омиссии] кредитные билеты царского времени и расписку нашедшего их В. С. Миролобова» (л. 174). на л. 175 уже текст «подписки» (так!) В. С. Миролобова, в которой указаны «русские государственные кредитные билеты царского времени». Это были три пятидесятирублевых билета, восемь сторублевых и два пятацотрублевых.

К сожалению, место нахождения и хранения всех изъятых материалов нам пока установить не удалось. Возможно, что часть материалов теперь хранится в фондах БАН или в фондах Центрального государственного исторического Архива, или где-то в других архивохранилищах¹².

Следует отметить, что обращение к текстам этих документов поражает, с одной стороны, своим формальным и даже отстраненным отношением членов Правительственной комиссии, выполнявшим «важное задание», по выявлению и изъятию документов, а с другой стороны, поведением членов Археографической Комиссии, их достоинством и благородством. Например, эпизод со шкафом А. С. Лаппо — Данилевского, почти через две недели после начала изъятий 2 ноября 1929 г. Судя по всему, уже были отстранены от работы ведущие сотрудники Археографической комиссии С. Ф. Платонов, В. Г. Дружинин, А. И. Андреев¹³. И как эпизод с вскрытием одного из шкафов комиссии и уже письменного стола А. И. Андреева, когда «не было обнаружено ключей» от кабинетной мебели, которые все равно были вскрыты, созвучен поведению сотрудников Эрмитажа при распродаже музейных ценностей в конце 20-х гг. Это ведь был своеобразный скрытый саботаж, протест и боязнь потери и исчезновения исторических памятников письменности и документов культуры эпохи¹⁴.

По-видимому, в дальнейшем следует подготовить критическую публикацию материалов для полноты сохранения исторической памяти и историографии трагических страниц России и отечественной науки XX века.

¹ См. например: Описание Рукописного Отдела Библиотеки Академии Наук СССР т. 7, Вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984; о приобретении коллекции старообрядческих рукописей В. Г. Дружинина БАН. см.: Кукушкина М. В. Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. Отв. Ред. В. А. Филов. Л., 1988 С. 20–21; Винокурова Э. П. Рукописное наследие. В. Г. Дружинина. Поморское медное литье // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. XLIX. С. 254–277; Леонов В. П., Савельева Е. А. Книжные сокровища Библиотеки Академии Наук // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 61 и др. О В. Г. Дружинине см. также: Бубнов Н. Ю. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 113–125. Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к библиографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) Сборник научных трудов / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. Вып. 2. С. 215–227; Плигузов А. И. Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные Архивы. М., 1994. № 5. С. 19–21; Панченко Е. З. Еще раз о библиотеке Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные Архивы. М., 1996, № 4. С. 118–120; Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 469–498.

² Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб. 1993 С. XI

³ Там же С. XXVI–XXVII.

⁴ Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М. 2010. С. 124–125. В книге приводится обширная современная библиография вопроса.

⁵ Академическое дело 1929–1931... Вып. 1. С. XXXII–XXXIII

⁶ См., например: (б. а.) Письмо Н. П. Лихачева к С. И. Порфирьеву 21/8 декабря 1921 г. // ВИД СПб., 2000. Т. XXVII. С. 358–360. В этом письме Н. П. Лихачев пишет об умерших от голода и лишений академиках.

⁷ См., например: Без ретуши. Страницы Советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях. Авторы-составители М. П. Ирошников, Ю. Б. Шелаев // под редакцией М. П. Ирошникова. Л., 1991. Т. 2. С. 215.

⁸ Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог... С. 21

⁹ Из публикации материалов «Академического дела» известно, что в дальнейшем и Б. Д. Греков, и Н. С. Чаев также стали подследственными, но с разной судьбой и испытаниями. См.: Академическое дело 1929–1931..., Вып. 1. С. VII.

¹⁰ Академическое дело 1929–1931... Вып. 1. С. XX (со ссылкой на работу Ф. Ф. Перченка: Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М. 1991. Вып. 1 С. 183). См. также: *Анциферов Н. П.* Из Дум о Былом. Воспоминания М., 1992. С. 346, 500.

¹¹ По-видимому, это могли быть материалы экспедиций академиков конца XIX — начала XX вв. О. Ф. Герца (1852–1905) и И. Л. Фукса (1833–1902).

¹² Судя по публикации материалов «Академического дела», многое из изъятого Правительственной комиссией до сих пор не обнаружено. См.: Академическое дело 1929–1931 гг... Вып. 1. С. LI.

¹³ 24 ноября 1929 г. был арестован Ученый секретарь Археографической комиссии А. И. Андреев, 12 января 1930 г. — академик С. Ф. Платонов, 29 января 1930 г. — академик Н. П. Лихачев, последним из этого круга ученых — член-корреспондент В. Г. Дружинин 25 июня 1930 г. См.: Без ретуши... Т. 2. С. 204–205 (со ссылкой на работу: Брачев В. С. Дело академика С. Ф. Платонова. Вопросы истории. М. 1989, № 15).

¹⁴ См.: Пиотровский М. Б. Об истории распродажи эрмитажных коллекций // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1928–1929 годов. Архивные документы. СПб., 2006. С. 10. Интересно, что еще на л. 86 «Дела по поступлению и изъятию рукописных материалов» есть копия машинописной выписки из Протокола Заседания Президиума АН СССР от 27 июня 1929 г. § 11, адресованная Библиотеке Академии Наук, Пушкинскому Дому, Археографической комиссии, а также машинописная копия Письма и.о. непременного Секретаря академика Платонова в котором сообщается, что «Должны представлены ПД [Пушкинским Домом] копии актов о запечатании Представителем Госфинконтроля и об изъятии из ПД ящика с документами П. К. Бенкендорфа».

Положено принять к сведению, но предложить Б., ПД. и АК (т. е. Библиотеке АН, Пушкинскому Дому и Археографической комиссии — Е. П.) в подобных случаях предварительно испрашивать разрешения Президиума».

Можно предполагать, что С. Ф. Платонов еще пытался спасти другие, изъятые позже, осенью 1929 г. материалы уже Правительственной комиссией.

Собрание В. Г. Дружинина: итоги и перспективы его научного изучения

Библиотека Российской Академии наук располагает уникальным собранием рукописей и документов, принадлежавших В. Г. Дружинину¹. О непреходящей ценности этого собрания, носящего имя бывшего владельца, свидетельствует его востребованность в научных кругах. Практически ни один из исследователей, изучающих историю Выговской старообрядческой пустыни, не обходит вниманием эти материалы, прибывая к ним либо опосредованно, через обращение к трудам самого Василия Григорьевича, либо непосредственно, в подлинниках². К сожалению, аналогичной возможности лишены искусствоведы — исследователи старообрядческого художественного наследия, хотя известно, что В. Г. Дружинин являлся собирателем не только рукописного материала, но и вещественных памятников староверия. Краткие упоминания об этой части собрания Дружинина рассеяны в печатных и оставшихся не опубликованными работах ученого³, но, главное, в каталоге выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», экспонировавшейся в залах Академии художеств в апреле-июне 1912 г.⁴ Являясь заведующим Церковным отделом выставки⁵, В. Г. Дружинин предоставил для ее старообрядческого отдела 13 икон и 20 настенных листов из своего собрания⁶.

Впервые вопрос о вещественной части собрания В. Г. Дружинина был поднят Т. В. Берестецкой⁷. Исследуя рукописный фонд Дружининых в РГАЛИ, она обратила внимание на переписку Василия Григорьевича с антикварами, реставраторами и коллекционерами — отцом и сыном Большаковыми, Е. И. Егоровым, Ф. А. Каликиным и др., правда речь в статье шла, в первую очередь, все-таки о собрании рукописей. В том же архиве Берестецкой был обнаружен список коллекции медного литья, по непонятным для нас причинам атрибутированный ею как «автограф Дружинина»⁸. Он озаглавлен: «Старообрядческие реликвии (из собрания Дружинина)» и насчитывает 130 порядковых номеров (всего описано 235 предметов литья).

В 1990 г. при подготовке выставки «Русские иконы с надписями, подписями и датами» А. С. Косцова обнаружила в фондах Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа и опубликовала в каталоге несколько икон, имевших на обороте подписи В. Г. Дружинина⁹; в 1990-е гг. З. А. Лучшева выявила в фондах Государственного музея истории религии настенные листы со штампами того же владельца¹⁰; наконец, в 2000-е гг. при подготовке в Русском музее выставки «Образы и символы старой веры» была установлена принадлежность тому же со-

бирателю значительной группы резных икон с изображениями Голгофских крестов и двух живописных икон с образами святого воина Андрея Стратилата и киновиарха Андрея Денисова¹¹. Однако поступление всех этих произведений в музей не было связано с самим ученым, поэтому их отношение к собранию В. Г. Дружинина нуждалось в дополнительном документальном подтверждении¹². К тому же выявленные памятники по-прежнему не давали полного представления о составе и объеме всего собрания.

В недавнее время в Петербургском филиале архива РАН автору настоящей статьи удалось обнаружить значительный блок документальных материалов, касающийся собрания В. Г. Дружинина¹³. Их крайние даты: 1916 — время, когда В. Г. Дружинин решил расстаться со своим собранием, и 1930 — год его ареста. За страницами дел — трагическая судьба ученого, желавшего, но не добившегося достойной участи для своей коллекции¹⁴.

Не останавливаясь вновь на подробностях истории с продажей дружининского собрания Академии наук, обозначим основные моменты, имеющие отношение к вынесенной в заглавие теме. Обнаруженные документы впервые позволяют установить состав и реальные объемы собрания В. Г. Дружинина, которое мыслилось владельцем как цельная коллекция, не подлежащая дроблению и расчленению. Ее научное значение заключалось как раз в том, что она должна была давать разностороннее представление о литературном наследии, художественной деятельности и ремесленном производстве староверов, в первую очередь, насельников Выговской старообрядческой пустыни. Эта сущность собрания была точно подмечена В. И. Срезневским, впервые в 1917 г. подготовившим его развернутый научный анализ¹⁵. Основу собрания составляли рукописи и автографы в количестве 878 номеров, в том числе — труды поморских наставников и рукописи деятелей других старообрядческих течений, исторические и канонические памятники, произведения учительного содержания, полемические тексты, коллекция фотографических снимков с рукописей, оставшихся не доступными для приобретения. 119 наименований содержал второй значительный раздел — иконописный, сформированный из подписных и датированных икон и произведений безымянных мастеров. В их числе — Деисус и Тихвинская икона Богородицы с ворот Выгорецкого монастыря¹⁶, подписной образ работы Даниила Матвеева, исполненный по благословию настоятеля Андрея Денисова¹⁷, «Триодь Постная», мелочного письма, миниатюрные двусторонние иконы-святцы, образы выговских наставников: Андрея Денисова¹⁸; Петра, Даниила, Симеона и Андрея и, наконец, Корнилия и «всего иноческого чина»¹⁹. Приблизительно 650-ю номерами исчислялась коллекция литых предметов; около 250 насчитывал раздел резных деревянных крес-

тов, происходящих из Данилова, Лексы и других селений; около 130 номеров — раздел настенных акварельных листов. В составе коллекции имелось также собрание лестовок, пелен и поясков с ткаными надписями и предметы обихода — кресло из Данилова, посох и налой.

Причина последующего распыления всего этого богатства заключалась в том, что приобретение Академией наук собрания В. Г. Дружинина до его ареста так и не было оформлено юридически. Первоначально предполагалось принять его в полном объеме, затем — только рукописи, с распределением вещественной части коллекции по профильным академическим музеям²⁰. После ареста ученого художественные и бытовые памятники остались в помещении Археографической комиссии. Стремясь предотвратить их распыление, сотрудники Русского музея обратились в Комиссию с просьбой передать собрание в музей²¹. Однако в ответном письме от 10 февраля 1930 г. АК сообщала, что памятники могут быть выданы музею только на один месяц²². В октябре 1930 г. Комиссия направила запрос в Управление делами АН о возможности предоставления собрания Русскому музею²³. Вслед за получением разрешения²⁴ в ГРМ были адресованы два предложения о вывозе памятников²⁵. Резолюция на отношении АК от 17 декабря 1930 г. гласила: «В Художественный Отд<ел>. Прошу направить т. Морозова. 19.ХП». Речь шла о научном сотруднике Русского музея Ф. М. Морозове, являвшемся также представителем Музейного фонда. В делах ГРМ хранится отпуск удостоверения Морозову на получение памятников²⁶. Однако на этом эпопея не закончилась. В марте 1931 г. памятники поморского искусства осматривали в АК научные сотрудники Русского музея Л. А. Дурново и Н. В. Малицкий²⁷, а 6 мая удостоверение «на получение из Археографической комиссии предметов из коллекции В. Г. Дружинина, выделенных для РМ», было оформлено на сотрудницу Историко-бытового отдела ГРМ М. М. Трофимову²⁸. Нами не найдено ни отчетов сотрудников об осмотре собрания, ни описей переданных предметов, но симптоматично, что 17 января 1934 г. от инспектора по охране памятников при Массовом отделе Ленсовета Ф. М. Морозова²⁹ в Русский музей поступают 149 предметов, в том числе собрание старообрядческих резных икон-Голгоф и деревянных надгробных крестов. Это и была часть собрания В. Г. Дружинина, вывезти которую предлагалось в 1930 г. Морозову. Другая часть этого собрания, как можно было заключить из публикаций предшествующих лет³⁰, оказалась в Отделе истории русской культуры Эрмитажа — преемнике Историко-бытового отдела ГРМ. Характерные маркировки синим карандашом, сделанные В. Г. Дружининым на тыльных сторонах этих икон и крестов³¹, позволили в последние годы выявить оставшуюся часть этого раздела собрания В. Г. Дружинина в Государственном музее истории религии³².

Через Ленинградскую закупочную комиссию и Музейный фонд в последующие годы происходила передача в ленинградские музеи и других памятников из бывшего собрания В. Г. Дружинина³³. Не достаточно ясным остается вопрос об источнике появления части из них у «знакомца» Дружинина Ф. А. Каликина³⁴, сообщавшего в письмах в Ригу к И. Е. Заволоко о скупке им дружининской коллекции медного литья, «предназначенной наследниками в продажу в качестве лома на металл» (! — *Н. П.*), в магазинах Внешторга³⁵. Эта часть собрания В. Г. Дружинина в 1954 г. была продана Каликиным Эрмитажу и числится здесь под именем «коллекции Ф. А. Каликина»³⁶.

Как видим, на настоящий момент о собрании В. Г. Дружинина известно уже немало. Обширен и фонд предметов коллекции, идентифицированных в фондах петербургских музеев. Перспективы для дальнейшего его изучения представляются нам достаточно определенными: дальнейшее выявление памятников в музейных собраниях, уточнение на основе существующих описей принадлежности к коллекции предположительно связываемых с ней произведений и, наконец, издание полного каталога собрания В. Г. Дружинина. Хороший задел для этого уже имеется у Библиотеки Российской академии наук³⁷, которая, на наш взгляд, и должна выступить инициатором этого важного научного начинания.

В приложении к настоящей статье публикуются два архивных документа: «Сообщение члена-корреспондента Академии В. И. Срезневского о коллекции В. Г. Дружинина» и черновая опись коллекции, составленная самим владельцем. Документы не только дают хорошее представление о дружининском собрании, но позволяют продолжить выявление предметов из него в музейных фондах.

Приложение 1

II-е приложение к протоколу

II заседания Общего Собрания Императорской Академии Наук 4 февраля 1917 года (к § 66).

Сообщение члена-корреспондента Академии В. И. Срезневского о коллекции В. Г. Дружинина.

Центром поморского старообрядчества, с самого поселения там вероучителей, был Даниловский мужской монастырь, расположенный на берегу реки Выга, на юго-восток от г. Повенца Олонецкой губ. и на восток от озера Онега. По имени этого монастыря назвалось основное, старшее согласие беспоповского старообрядчества/ со словом же Выг связалось представление об особенностях основ жизни и культурных начинаний поморских наставников и их последователей.

Вероучители, пришедшие на Выг от преследований «никонианцев», сумевшие не подчинить свою совесть требованиям власти, которую считали антихристовою, не побоявшиеся ее мести и решившиеся променять привольную жизнь и имущественный достаток на негостеприимные северные леса, озера и топи, были люди крепкого закала и особой силы воли; этою силою воли, в связи с сознанием правоты своего дела, они собрали вокруг себя стойких приверженцев, потомки которых живы и ныне и держатся еще своей веры.

Не просто было доказать православному человеку, что обойтись без священства не только можно, но даже необходимо, если во главе церкви стоят люди, сбившиеся с правого пути. Но, убедив в этом, беспоповским старикам дальше уже было легко идти и, подчинив своему влиянию, изменить по-своему весь стародавний уклад жизни потомков Новгородской вольницы.

И учителя веры создали на дальнем севере нечто совершенно новое, необычайное. На ряду с монастырями, церковными службами без священства, проповеднической и просветительною деятельностью, учением грамоте, письму и школьной мудрости, они обратили внимание на деятельность другого порядка — на расчистку леса, на правильную обработку земли, на устройство рыбных промыслов, на торговые связи с новой столицей. Прекрасные хозяева, они достигли таких результатов, о каких не только тогда, но и теперь странно думать, и которые забылись вместе с разорением скитов русским правительством второй четверти XIX века, для искоренения самого духа поморья заселившим опустошенные земли чуждыми вопросам веры псковичами. Только в последнее время, с общим оживлением севера, начала вспоминаться работа выгоречан, стали высказываться мысли о необходимости попытаться снова провести в жизнь то, что было ими сделано в отношении хозяйства края.

На месте цветущаго монастыря теперь остались одни развалившиеся избы и кладбища с типичными деревянными надмогильничками, идущими ныне на дрова; на месте умело обработанных полей — лесная заросли, книги и иконы частью увезены, частью погибли в огне, разогнанные по Олонецкому краю обитатели почти все перемерли, и очень немногие из унесенных ими святынь сохранились в избах местных крестьян.

Печально кончившаяся культурная работа учителей веры, свыше 1 1/2 столетия державших в своих руках целый край и распространивших свое влияние не только на север к Белому морю и к Ледовитому океану, но и на юг по Волге к Каспийскому морю, как показатель лучших сторон русского человека — умения работать и добиваться результатов труда, — должна остаться вне забвения.

Задачу выяснить отдельные моменты этой работы в ее духовной сущности взял на себя один из лучших современных знатоков старообрядчества, известный историк и библиограф В. Г. Дружинин. Систематически, путем упорного труда и пытливых исследований над разрозненными остатками местной старины, ему удалось счастливо разрешить поставленную себе задачу — возсоздать в стройной цельности забытые плоды работы выгоречан; он собрал такую коллекцию вещественных и письменных памятников ума и рук выгоречанских деятелей, какой не было еще никогда и какой никому и впредь не удастся собрать, потому что теперь начинать это дело уже поздно.

Что же вложил Выг в сокровищницу русской культуры? На этот вопрос и отвечают те памятники, которые сосредоточены в руках В. Г. Дружинина и которые ждут своего места в учреждении вечном, не связанном с случайной волей хозяев и случайным их достатком или нуждой.

Выг дал свою письменность, обособленную от прочей русской письменности и внешним видом — поморское письмо, — и по существу, как заключающую в себе разработку вопросов под особым уклоном и с особой точки зрения.

Он дал особую школу иконописи, — поморския письма, — которая, отойдя от строгановских писем в конце XVII в. и своеобразно видоизменяясь, в конце XVIII в. достигла большой степени совершенства в технике и обработке сюжетов и прекратила свое существование в начале XIX в.

В связи с иконным письмом на Выгу началось литье медных икон, крестов и складней, простых и с украшением финифтью, тонкостью работы и тоже искусной разработкой сюжетов далеко оставившее за собой литье московское. Несмотря на строгий указ Петра I 1723 г., запрещающий вообще лить из металла иконы, оно не только не остановилось, но, благодаря близости к Данилову разрабатывавших медную руду Кончезерских заводов, развилось в большое медно-литейное дело.

К иконному письму примкнуло изображение священных предметов посредством шитья и вышивания. С другой стороны, частью в связи с литьем по своему содержанию, частью самостоятельно, развилась резьба по дереву — кресты, вырезаемые на досках для прикрепления к надгробным плитам или для того, чтобы ставить в сараях и на перекрестках дорог, где их могли бы видеть и неправовые, на глаза которых выставлять святых иконы считалось неприличным.

В связи с стремлением украсить рукописи и иконы на Выгу выработался особый тип орнамента — совершенно своеобразного и характерного.

За отсутствием печатного лубка на Выгу получили в свое время большое развитие акварельные работы — картины, рисованные на бумаге от руки.

Все поименованные отрасли культурной деятельности выгоречан почти исчерпывающе представлены в собрании В. Г. Дружинина.

Главная, основная часть этого собрания — рукописи; число их доходит до 870 номеров.

Среди них на первом месте стоят драгоценнейшие автографы поморских отцов. Основатель и первый киновиярх Выгорецкой пустыни Даниил Викулин и деятельные ее устроители — наставники братья Андрей и Симеон Денисовы — выступают в этих рукописях и как учителя веры и проповедники, и как редакторы с определенной целью пропаганды вероучения составленных сборников святоотеческих писаний, и как простые писцы богослужебных книг; первый уставщик — епископ Петр Прокофьев, руководитель и наставник лексинских скитниц в писании рукописей; историк Выга и потом настоятель Иван Филиппов; Мануил Петров, тоже настоятель Выговской пустыни; Даниил Матвеев, иконописец и писатель; Алексей Родионов, любимый ученик Симеона Денисова, автор книги Зитуменос в защиту двуперстия; Тимофей Андреев, полемист с федосеевцами, выдающийся поморский писатель; Григорий Романовский, автор книги об Антихристе; Федор Бабушкин, один из последних перед разорением настоятель пустыни, первый поморский биб-

лиограф, и многие другие отцы и деятели поморья представлены в собрании В. Г. Дружинина подлинными их руки писаниями, черновиками, приписками к другим текстам, копиями писаний, близких им по духу и вере учителей или отцов древлеправославной церкви.

Помимо трудов поморских наставников и деятелей Даниловского и прилегающих к нему скитов, в собрании В. Г. Дружинина находим ряд рукописей деятелей других старообрядческих течений. На первом месте стоит исключительного значения сборник, заключающий в себе между прочим автограф самого родоначальника старообрядчества протопопа Аввакума — именно первая редакция его знаменитого жития, писанная в Пустозерске, с приписками его духовного отца Епифания. Отметим дальше собственноручные писания федосеевца Евстратия Федосеева, филиповца Ст. Горшкова, автографы бесед попавца Матвея Андреева и пр. Длинный ряд этих замечательных автографов столпов старообрядчества заканчивается обширным трудом недавно, только в нынешнем году, скончавшегося искателя правой веры филиповца отца Симеона Гаврилова, избродившего все скиты близких поморью толков и доподлинно, из первых рук записавшего все сведения об их истории от оставшихся в живых последователей.

Помимо замечательных рукописей «отеческих писем», черновиков, посланий и проповедей наставников и деятелей старообрядчества других согласий, собрание Дружинина включает в себе многочисленные списки их писаний. Очень многие из этих произведений известны только по рукописям Дружининского собрания. По тщательной сверке каталога Дружининской коллекции с каталогами других государственных и частных собраний, таких совершенно неизвестных сочинений (в списках и автографах) насчитывается около 300.

Из исторических произведений этого разряда в коллекции Дружинина можем назвать любопытнейший летописец, составленный в западном крае России последователем федосеевского согласия.

Из канонических памятников можно упомянуть многочисленных соборных постановлений выгорецких монастырей, напр.: о поставлении Даниила Викулина настоятелем, об избрании настоятелем Андрея Денисова, о царемолении, соборных деяния филиповцев (между прочим черновые подлинники) и др.

Из произведений учительного содержания, известных только по собранию Дружинина, назовем сборник слов протопопа Аввакума XVII в., проповеди Андрея Денисова, Даниила Викулина и др. отцов.

Из полемических произведений — уник назовем бегло-поповщинское сочинение о форме крестов с обильными рисунками в тексте, направленное против Керженца, сборник статей против левиков с изложением их учения, сборник с историей полемики даниловцев с федосеевцами.

Нельзя не упомянуть также о рукописях, хотя известных и по другим спискам, но все же замечательных самих по себе. Таковы уставы выгорецкие, риторика с примерами полемического характера, святцы с именами поморских отцов, большие иконописные подлинники, многочисленные крюковые рукописи и пр. К их числу примыкает особняком стоящий в собрании Дружинина подбор рукописей странников или бегунов, самой скрытной и самой крайней из сект старообрядчества.

Замечательные по содержанию и по рукам писцов рукописи чередуются в собрании Дружинина с тщательно написанными, иногда орнаментированными рукописями работы лексинских скитниц, листами с молитвами и стихами крупного поморского письма, которые вешались на стенах молитвенных домов и в красных углах изб.

Собиратель не удовлетворился собиранием подлинных рукописей: в случае, если важные рукописи были не доступны для приобретения вследствие нахождения их в казенных книгохранилищах, он делал с них фотографические снимки, и эта коллекция (в числе около 25 снимков) присоединена к рукописному собранию.

Такова в кратких общих чертах основная часть коллекции Дружинина — рукописная старина выговского старообрядчества.

Собрание икон Дружинина по количеству (119) не велико, но включает в себе все образцы постепенного развития Иконописного дела на Выгу. Кроме того, в собрании есть иконы, замечательные в историческом отношении, как напр.: та тройная икона — Деисус, которая находилась на входных воротах выгорецкого монастыря, икона Божьей Матери Тихвинской, бывшая на тех же воротах, икона с записью иконника Даниила Матвеева, исполненная по благословию настоятеля Андрея Денисова, превосходная мельчайшего тщательного письма икона — Триодь Постная, миниатюрные двусторонние святцы, иконное изображение Андрея Денисова, икона четырех наставников — Петра, Даниила, Симеона и Андрея, икона Корнилия и всего иноческого чина.

Коллекция литых предметов поражает своим богатством (около 650 предм.) и тщательным подбором; по ней можно отчетливо проследить историю этого дела в Поморье и провести интересные параллели с иконописью в орнаментации и разработке сюжетов.

Шитье представлено в удивительных работах местных скитниц — лестовках, мельчайшим узором вышитых шелками, крупных шитых серебром пеленах, поясах с ткаными надписями (есть и рукопись мастерицы с перечнем обычных надписей).

Кресты, резанные по дереву вглубь, в большей своей части взяты из Данилова, Лексы и других селений (около 250 предм.). Образцами резного искусства в собрании Дружинина являются также некоторые предметы обихода — кресло из Данилова, посох и налож.

Чрезвычайно богато собрание акварельных рисунков и текстов, украшенных орнаментом (около 130). Отметить следует ряд изображений сирина и алконоста в постепенном видоизменении разработки их рисунка, изображения струфокамила, иллюстрации к патеричным сказаниям, картины, нарочито подчеркивающие преимущества церкви древней перед новой, изображения поморских отцов, прекрасные изображения Даниловского скита (одно из них очень большого размера).

К числу таких работ примыкают рисунки с текстами, хотя и исполненные в стенах обители, но содержания не монастырского, — результат стремления скитниц к мирской жизни, тяготы разлуки с милыми сердцу; эти запретные рисунки — любопытные бытовые картинки — являются, конечно, очень большими редкостями.

К собранию предметов, в самом Поморье вырабатывавшихся, присоединяются и те предметы, которые были в ходу в Поморье или которые последователями поморского согласия употребляются ныне: говорим о перепечатках московской Иосифовой печати, исполненных в западной России в XVIII и XIX вв., и о так называемых церковно-славянских изданиях, о лубках московской печати, ускользнувших от внимания цензуры, литографированных уставах федосеевцев и пр.

Такова коллекция В. Г. Дружинина. Цельная и законченная в общем, в самых частностях своих резко выделяющая общую идею, она в самой себе неделима и не должна быть раздроблена на составные свои части, с беглаго, поверхностного взгляда как бы не сочетающихся одна с другой. Рукописи — главное, автографы отцов — ее основа; все остальное придаток, но чрезвычайно важный, как показатель работы и влияния отцов на обширный круг их близких и далеких последователей.

Думаем, что долг Академии принять самые решительные меры к приобретению этой драгоценной коллекции, как имущества государственного значения, как полного собрания памятников, дающих ясное и отчетливое изображение важной в общественном отношении страницы истории русской жизни, страницы, которая теперь, в смутное время нашей действительности должна нам напомнить, что сила духа в связи с умением работать и упорством в достижении цели в русских людях в иные минуты может загореться ярким огнем, несмотря ни на какие препоны.

В. Срезневский.

ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (1925), д. 56, л. 5 об.—8 (типогр. экз.); ф. 1, оп. 2 (1917), д. 2, л. 6 об.—9 (типогр. экз.); л. 39—52 (рукопись); ф. 158, оп. 5, д. 27, л. 1—4 (машинопись); л. 5—44 (черновик)

Приложение 2

Опись коллекции В. Г. Дружинина <около 1917 г.>

Створов праздники	(4)	18
— ” —	(3)	3
Девятот	48	48
Деисусы большие	6	6
— ” — средние	11	11
— ” — малые	22	22
Отд. иконы большия	19 (и оклады)	19
Серг<ий> и Варл<аам> и мал<ые> др<угие>	9	9
Резные	8	8
Троица	36	36

Праздни<ки>	21	21
Кресты тельные	57	57
—” — малые	18	18
—” — благослов. бол.	11	11
—” — сред.	8	8
—” — малые	11	11
—” — /неполн./	17	17
—” — с предст. бол.	20	20
—” — с предст. мал.	34	34
Отд. иконы	124	124
Цепочки сер.	6	6
Пряслицы	21	21
Разн<ые> предм<еты>	30	30
Чернильницы	19	19
Кадильницы /каеи/	8	8
Металич. предм<еты>	646	646
Пуговицы сереб<ряные>		
Иконы поморския	110+9 (пом<орского> ст<иля> (писанныя)	119
Дерев. резные иконы кресты	60	60
—” — намогильнички	170	170
—” — резные кресты		
для иереев (? — Н. П.)	15	15
Деревянные предметы	245	245
Пелены	35 полн и 16 крестов (б. парч.) 51	51
Акварели бол<ьшие>	76 мал. 55 = 131	131
Лестовки	23	23
Шитье	25	25
Еванг<ели> в пом<орском> окладе (печатное)		1
Налойники	4 и др. ткан. и шитье 4	8

Ит<ого> предм<етов> 1249

ПФА РАН, ф. 158, оп. 5, д. 27, л. 45–45 об. (автограф В. Г. Дружинина)

¹ Первый обзор собрания: *Бубнов Н. Ю.* В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 113–125.

² В первую очередь отметим работы Е. М. Юхименко. См.: *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. I–II; *Она же.* Литературное наследие Выговского старообрядческого обществительства. М., 2008. Т. 1–2.

³ Данные об одной из икон собрания содержались, например, в брошюре: *Дружинин В. Г.* Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 10–11. Более многочисленным ссылкой на предметы собрания в статье: *Дружинин В. Г.* К истории крестьянского искусства XVIII–XIX веков в Олонецкой губернии. (Художественное наследие Выгорецкой Поморской обители) // Известия АН СССР. 1926. Сер. VI. № 15–17. Среди неопубликованных работ можно назвать статьи: «К вопросу о запрещенных иконописных изображениях», подготовленную к печати в «Иконописном сборнике», издаваемом КПРИ, и «Медное литье. Девятки» (ОР ГРМ, ф. КПРИ, д. 295).

⁴ Первоначально открытие выставки, устраиваемой Императорской Академией наук, планировалось приурочить к 200-летней годовщине со дня рождения М. В. Ломоносова (8 ноября 1911 г.). Однако, в связи с трудностями организационного характера она открылась только 17 апреля 1912 г. и работала в течение апреля-июня. См. РГИА, ф. 472, оп. 48, д. 955, л. 3, 133, 137; ф. 789, оп. 13 (1911), д. 81, л. 118.

⁵ РГИА, ф. 797, оп. 81 (I отд., 1 ст.), д. 78, л. 15 об. Участие В. Г. Дружинина в организационном комитете выставки было воспринято неоднозначно. Так, известный его недоброжелатель, сочлен по Комитету попечительства о русской иконописи, В. Т. Георгиевский 27 апреля 1912 г. писал Н. П. Кондакову: «...хлопочет больше всего Дружинин, пролезший даже на Елизаветинскую и Ломоносовскую выставку в Академию и взявший на себя роль устроителя «Церковного Отдела» с Макаренкой (Н. Е. Макаренко. — *Н. П.*) и жестоко провалившийся, т. к. кроме нескольких нехарактерных вещей из А<лександр> Нев<ской> Лавры на выставку ему не удалось достать ничего, к<а>к человеку неизвестному в дух<овном> ведомстве, где к<а>к Вам известно, не так то легко пиво варить» (ПФА РАН, ф. 115, оп. 4, д. 98, л. 82 об.).

⁶ Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. Отд. XVI: Церковный отдел. С. 42–43. № 210–222; С. 45–47. № 236–258.

⁷ *Берестецкая Т. В.* «Мое исследование было первым опытом...» (Памяти В. Г. Дружинина) // Русское медное литье. Сб. статей. М., 1993. Вып. 1. С. 56–64; *Она же.* В. Г. Дружинин, Ф. А. Каликин, С. Гаврилов — коллекционеры старообрядческих памятников // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М., 1999. С. 439–450.

⁸ РГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 675, л. 7–9 об. См.: *Берестецкая Т. В.* Дружинин В. Г. — собиратель и исследователь поморского литья // Русское медное литье. Сб. статей / Сост. С. В. Гнутова. М., 1993. Вып. 2. С. 31. Список помещен в деле под названием «Прошение уполномоченных Кыштымского старообрядческого общества Екатеринбургского уезда Пермской губернии министру внутренних дел с просьбой разрешить обратиться жилой дом, пожертвованный

Кичиным, в молельню... и другие документы. 22.01.1897–21.09.1906, б/д». Почерк, которым выполнен список, не принадлежит В. Г. Дружинину; орфография новая. Материалом для рукописи послужили листы в клетку из школьной тетради.

⁹ Косцова А. С., Побединская А. Г. Русские иконы XVI — начала XX века с надписями, подписями и датами. Каталог выставки. Л., 1990. С. 21. Кат. 27–30.

¹⁰ Лучшева З. А. Старообрядческий лубок из коллекции В. Г. Дружинина (в собрании ГМИР) // Мир народной картинки (ГМИИ им. А. С. Пушкина. Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1997». Вып. XXX). М., б. г. С. 87–91; *Она же*. Старообрядческий рисованный лубок из коллекции В. Г. Дружинина в собрании Государственного музея истории религии. Каталог // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2005. Вып. 5. С. 15–45.

¹¹ См.: Пивоварова Н. В. О коллекции старообрядческих резных «намогильных досок» из фонда Отдела древнерусского искусства Русского музея // Страницы истории отечественного искусства. XVI–XX века. СПб., 2005. Вып. XI. С. 21–31; *Она же*. О двух старообрядческих иконах из собрания Русского музея // Страницы истории отечественного искусства. Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей. Санкт-Петербург, 2007). СПб., 2009. Вып. XV. С. 28–43; *Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. Альманах. Вып. 217 / Концепция и сост. издания Н. В. Пивоваровой. СПб., 2008. С. 24–25. Кат. 3–4; С. 35–36. Кат. 15–16; С. 37. Кат. 18–19.*

¹² В собрании Русского музея хранятся только две иконы, поступление которых связано с именем В. Г. Дружинина. Это образы «Святой Александр Невский» и «Святые Константин и Елена» из собрания И. А. Шляпкина. На обороте икон сохранились наклейки, указывающие о получении их из Археологической комиссии через В. Г. Дружинина в 1918 г. Иконы опубликованы: *Образы и символы старой веры. С. 58. Кат. 47–48.*

¹³ В первую очередь, это два дела, связанные с продажей собрания В. Г. Дружинина Академии наук. См.: ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (1925), д. 56; оп. 2 (1928), д. 81.

¹⁴ Подробный обзор архивных дел см.: Пивоварова Н. В. Новые архивные материалы по истории собрания В. Г. Дружинина: К 150-летию со дня рождения исследователя русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2008 г. СПб., 2009. С. 110–114; *Она же*. Произведения поморского искусства в собрании В. Г. Дружинина: Новые источники для реконструкции состава и истории бытования памятников // Вестник Поморского университета. Научный журнал. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2009. № 11. С. 236–243 (в расширенном и дополненном виде).

¹⁵ ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (1925), д. 56, л. 5 об.–8. «Сообщение» В. И. Срезневского публикуется в качестве приложения к настоящей статье.

¹⁶ Ныне хранятся в собрании Государственного Эрмитажа. См. примеч. 9.

¹⁷ Ныне — в собрании Русского музея. См.: *Образы и символы старой веры. С. 24. Кат. 3.*

¹⁸ Там же. См.: *Образы и символы старой веры. С. 25. Кат. 4.*

¹⁹ Ныне в собрании Музея истории религии. Принадлежность к собранию установлена нами в работе: Пивоварова Н. В. Новые архивные материалы по истории собрания В. Г. Дружинина. С. 114. Примеч. 19. Икона опубликована: Орлов К. В. Икона «Поморские старцы» в собрании Государственного музея истории религии: к вопросу о почитании старообрядческих святых // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2004. Вып. 4. С. 27–36.

²⁰ ПФА РАН, ф. 4, оп. 2 (1925), д. 56, л. 37–37 об. Так, в выписке из протокола заседания Президиума АН от 15.IV.1927 (§ 4) значилось: «Академия заинтересована в присоединении прежде всего приобретенных от В. Г. Дружинина книг и рукописей к академическим библиотечным собраниям с передачей затем остальных коллекций В. Г. Дружинина в соответственные академические Музеи».

²¹ Вопрос обсуждался в заседании Совета I отделения Русского музея 21 декабря 1929 г. 19 января и 5 февраля 1930 г. были направлены соответствующие ходатайства в ИАК (ВА ГРМ, ф. ГРМ (I), оп. 6, д. 736, л. 12 об.; д. 757, л. 79–79 об., 165; ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, д. 1239, л. 12, 16–16 об., 24).

²² ВА ГРМ, ф. ГРМ (I), оп. 6, д. 796, л. 29; ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, д. 1239, л. 29.

²³ ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, д. 1239, л. 171.

²⁴ Там же, д. 1240, л. 6.

²⁵ ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, д. 1240, л. 7 (отношение АК в ГРМ от 19 октября 1930 № 1043); ПФА РАН, ф. 133, оп. 1, д. 1240, л. 47; ВА ГРМ, ф. ГРМ (I), оп. 6, д. 810, л. 272 (то же от 17 декабря 1930 № 1240).

²⁶ ВА ГРМ, ф. ГРМ (I), оп. 6, д. 810, л. 273.

²⁷ Там же, д. 787, л. 1 об., 8 об., 11.

²⁸ ВА ГРМ, ф. ГРМ (I), оп. 6, д. 863, л. 98.

²⁹ Речь идет все о том же Музейном фонде, подчиненном Ленсовету.

³⁰ Уханова И. Н. Некоторые замечания о резном дереве Северного края // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 25–26; Томсинский С. В. Старообрядческие намогильные доски из Тихвина Бора // СГЭ. 1983. Вып. 48. С. 18–19; *Она же*. Об одном направлении в мелкой культовой пластике Заонежья XIX в. // Там же. 1986. Вып. LI. С. 28–30; Уханова И. Н. О некоторых старообрядческих резных иконах XVII–XIX вв. из собрания Эрмитажа // Церковная археология. Материалы первой всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. Ч. 3. С. 12–14; *Она же*. Резные деревянные иконы Русского Севера // Народное искусство. Исследования и материалы. Сб. статей. К 100-летию Государственного Русского музея. СПб., 1995. С. 54–66; *Она же*. Группа резных деревянных икон с соборами и крестами из собрания Эрмитажа // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура. Вологда, 2001. С. 126–134.

³¹ Подробнее об этом: Пивоварова Н. В. О коллекции старообрядческих резных «намогильных досок» из фонда Отдела древнерусского искусства Русского музея.

³² Лучшева З. А., Ченская Г. А. Старообрядческие резные доски из собрания ГМИР // Старообрядчество: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–30 октября

2008 г. СПб., 2009. С. 98–105. В издании: Старообрядческая коллекция Государственного музея истории религии / Авт.-сост. З. А. Лучшева. СПб., 2008. Иконы-Голгофы опубликованы еще без указаний на принадлежность к собранию В. Г. Дружинина.

³³ Например, двух икон, хранящихся ныне в ГРМ (см. выше: примеч. 17, 18).

³⁴ Например, иконы «Поморские старцы», поступившей в Музей истории религии от Ф. А. Каликина в 1935 г. См.: Старообрядческая коллекция Государственного музея истории религии. С. 51. Кат. 2. Ил. на с. 10. См. об этой иконе выше (примеч. 19).

³⁵ Берестецкая Т. В. «Мое исследование было первым опытом...». С. 61.

³⁶ См.: Принцева М. Н. Коллекция медного литья Ф. А. Каликина в собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа // ПКНО. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 394–408. На неуместность такого определения впервые указала Т. В. Берестецкая: Берестецкая Т. В. «Мое исследование было первым опытом...». С. 62.

³⁷ Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 2001. Т. 7. Вып. 2. Сочинения писателей старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов и др.

Е. З. Панченко

Книги В. Г. Дружинина в фонде библиотеки СПб ИИ РАН

Библиотека С.-Петербургского института истории — приемница библиотеки Археографической комиссии, с которой были тесно связаны профессиональная деятельность и судьба В. Г. Дружинина¹. В помещении Археографической комиссии хранилась и личная библиотека Василия Григорьевича, значительная часть которой после его ареста осталась сначала в библиотеке Историко-археографического института (ИАИ), созданного на месте упраздненной Археографической комиссии, а затем перешла в фонд учрежденного в 1936 г. Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ)².

По оценкам самого В. Г. Дружинина, его библиотека была огромной — 40 тысяч экземпляров³. В настоящее время в библиотеке СПб ИИ насчитывается около восьми с половиной тысяч дружининских книг⁴. Из этого количества примерно 4 тысячи составляют книги, еще столько же — брошюры, оттиски, вырезки, и около 400 томов — периодика⁵. Выявление книг из дружининской библиотеки — непростая задача, так как они полностью растворены в фонде. Каталога книг самого В. Г. Дружинина в библиотеке не имеется, скорее всего, его и не существовало — на дружининских книгах нет сквозных номерных обозначений. В старых инвентарных книгах библиотек ИАИ и ЛОИИ за 1931–1936 гг. в графе «условия поступления» часто встречается «библиотека Дружинина», но выявить по инвентарям состав дружининских книг в фонде можно только весьма приблизительно. Во-первых, книги В. Г. Дружинина заносились в инвентари попеременно с книгами еще двух крупных библиотек — Н. П. Лихачева и А. А. Сиверса⁶, а также с новыми поступлениями того времени; во-вторых, при сопоставлении записей об условиях (т. е. источниках) поступления в инвентарях с книгами *de visu* обнаруживается, что записи зачастую неверны (книги Дружинина могут быть записаны как книги Сиверса, или ему приписаны книги других владельцев); наконец, отметки о поступлениях книг из библиотек репрессированных ученых с конца 1936 г. сменяются безликим «Н.Ф.» (необработанный фонд)⁷.

Книги из библиотеки В. Г. Дружинина (рис. 1) выявлялись в фонде *de visu*. Признаком, по которым книга может быть отнесена к дружининскому собранию, насчитывается немало — это несколько видов переплетов, инициалы «В.Д.» на корешках, штампы-экслибрисы, дарственные надписи, владельческие записи и пометы. Но в оформлении своей библиотеки В. Г. Дружинин не был педантом: он далеко не всегда переплетал свои книги и ставил штампы. В фонде библиотеки СПб ИИ мы мо-

Рис. 1. Полка с книгами В. Г. Дружинина в фонде библиотеки СПб ИИ

жем найти как книги, сочетающие в себе несколько оформительских примет дружининского собрания — владельческий переплет, инициалы, штамп-экслибрис с его именем, так и книги, определенно ему принадлежавшие (на основании хотя бы дарственной надписи), но лишённые каких бы то ни было признаков владельческого оформления.

Поэтому какая-то часть книг В. Г. Дружинина может быть только предположительно отнесена к его библиотеке (например, на основании тематики). Типичный переплет для дружининских книг крупного и среднего формата выполняла фабрика Н. В. Гаевского: картонные крышки обтянуты серой или коричневой тканью разных оттенков с красными кожаными наклейками на корешке, на которых в обрамлении двойных оттиснутых золотом горизонтальных полосок золотом же оттиснуты краткие сведения о книге⁸. Инициалы «В.Д.» на переплетах этого типа могли ставиться, но еще чаще отсутствуют (причем форма самих букв варьировалась). Другой вид переплета был у книг меньшего формата. Крышки оклеивались яркой глянцевой бумагой различных расцветок, уголки и корешок — из ледерина. На корешках таких переплетов Дружинин собственноручно наклеивал бумажные ярлыки со сведениями об авторе и заглавии книги (среди таких ярлыков больше встречаются рукописные, но есть и напечатанные на машинке). Если позволяла толщина блока, он надписывал корешки у непереплетенных книг или мог приклеить самодельный ярлык к книге в готовом издательском переплете. Вероятно, Дружинин не сразу остановился на определенном виде оформления книг, так как среди них встречается и другой тип — полукожаные

переплеты с коричневыми или черными корешками⁹ (выявлены благодаря инициалам «В.Д.»), есть наверняка и другие. Кроме того, в его библиотеке были книги в переплетах предшествующих владельцев или оставшиеся в издательских обложках.

По штампам (рис. 2) (все известные типы воспроизведены на иллюстрации) выявляется большое количество дружининских книг, но

Рис. 2. Шапты-экслибрисы В. Г. Дружинина

никакой системы в их использовании заметить не удалось. Они стоят на переплетенных книгах и на самых скромных вырезках, но могут и отсутствовать. Попадают книги с двумя разными экслибрисами на одном титульном листе (один из них — вензель «ВД»). Лишь однажды встретился рукописный экслибрис¹⁰ (рис. 3). Нам не удалось заметить никаких временных особенностей использования того или иного штампа: разве что вензель «ВД» встречается в основном на книгах более раннего периода формирования библиотеки.

Полноценной частью собрания были брошюры, вырезки, оттиски. Многие из них были подарены В. Г. Дружинину авторами-коллегам или представляли собой текущую научную продукцию. В магазине В. М. Клочкова (судя по ярлычкам и книготорговым записям) он специально приобретал вырезки из старых журналов: статьи О. М. Бодянского, А. Ф. Вельмана, А. А. Куника и др. Количество «неколлекционных» изданий и вольное обращение с ними (Дружинин оттиски, в отличие от Н. П. Лихачева, никогда не переплетал и писал на них, что было ему нужно, довольно размахисто и небрежно) говорит о том, что библиотека его была скорее мастерской, чем музеем¹¹. О сугубо прагматическом подходе Дружинина к собранию брошюр говорит и то, что они группировались им без учета места, времени издания, языка и даже без учета имени автора, только по тематике.

В общем брошюрном фонде библиотеки СПб ИИ принадлежность тех или иных экземпляров к библиотеке В. Г. Дружинина определяется по штампам, автографам (оттиски с дарственными надписями коллег входят в библиотеку любого ученого), но больше всего — по надписям самого В. Г. Дружинина¹². Как и многие его современники, он делал пометы о выходных данных оттиска или вырезки, но намного чаще встречаются его надписи другого рода. На обложке брошюры или на первом же листе вырезки или оттиска в левом верхнем углу наискосок проставлены его рукой чернилами «шифры» в виде дроби: верхняя часть буква (две буквы, римские цифры), нижняя часть — число арабскими цифрами. Буква (числитель) — это код тематического раздела брошюрного собрания, число (знаменатель) — порядковый номер брошюры в данном разделе. Рядом с основным (чернильным) шифром могут быть сделанные синим карандашом дополнительные пометы. Именно брошюры — рабочий материал — позволяют заглянуть в библиотечную «кухню» В. Г. Дружинина и узнать принципы тематической организации его собрания.

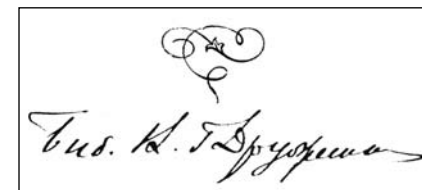

Рис. 3. Рукописный экслибрис В. Г. Дружинина

Для «дешифровки» дружининских обозначений сопоставлялась тематика нескольких (иногда нескольких десятков) брошюр с одинаковыми шифрами (рис. 4).

Шифры «IX–XV», «XVI», «XVII», «XVIII» и «XIX» обозначают соответствующие периоды русской истории. Большая часть тематических разделов зашифрована буквами русского алфавита: «А» — археология; «АЦ» — археология церковная (в значении «древности» — предметы искусства и быта); «Б» — биографии (Дружинина надписывал фамилию персонажа или ее первую букву); также «Б» — библиография, библиотеки; «В» — Выговская пустынь, старообрядцы¹³; «Г» — архивы, архивное дело; «Е» — публикации источников; «Е II» — Екатерина II; «Ж» — жития; «ИН» — иноверцы (иезуиты, католики, протестанты); «К» — казаки (преимущественно донские); «М» — историческая география; «Н» — города; «О» — области России; «П» — письма, путешествия, «П» с подзаголовком «Ин.», «Иностр.» — свидетельства иностранцев о России; «ПВ» или «П I» — Петр Великий; «Р» — русская история; «С» — русские цари XVI–XVII вв.; «У» — русские князья; «Ф» — монастыри России; «Х» — храмы, архитектура церкви; «Ц» — история русской церкви; «Ч» — цер-

Рис. 4. Написанные рукой В. Г. Дружинина тематические шифры на брошюрах

ковное (каноническое) право; «Ш» — общая история, в том числе «Ш Виз.» — Византия; «ЭИ» — этнография инородцев; «ЭР» — этнография русская; «Ю» — юриспруденция; «Я» — русские самодержцы от Екатерины I до Александра III (за исключением Петра I и Екатерины II, которым посвящены специальные разделы); «Яз» — языкознание¹⁴.

Шифры разделов применялись В. Г. Дружининым только в собрании брошюр и не ставились на изданиях книжного формата, но очевидно, что все книги собирались им в соответствии с обозначенным кругом тем. Однако, как показывает наш фонд, тематический охват его библиотеки был еще шире: в нее входили труды по истории философии, географические сочинения, произведения устного народного творчества (что лишь отчасти отражает шифр «ЭР» — этнография русская)¹⁵. В брошюрные шифры не вошли художественная литература¹⁶ и литературная критика, тогда как в дружининском собрании они занимали заметное место. Книг, унаследованных В. Г. Дружининым из библиотеки его дяди А. В. Дружинина, в фонде СПб ИИ выявлено лишь около десятка, но сочинения русских критиков, причем преимущественно демократического лагеря, свидетельствуют об интересе самого ученого к этой стороне русской культуры и общественной жизни¹⁷. Книги, посвященные декабристам, эмигрантские, неподцензурные иностранные издания русских авторов показывают, что литература по отечественной истории для В. Г. Дружинина далеко не ограничивалась рамками шифров «С» и «Я» — биографическими материалами о русских царях¹⁸.

Одна из особенностей дружининской библиотеки — большое количество книг с адресованными ему дарственным надписями. Должно быть, это связано с тем, что в нашем фонде хранится его многочисленное собрание оттисков¹⁹. Среди авторов, даривших свои сочинения В. Г. Дружинину, историки его поколения — члены и сотрудники Археологической комиссии, соученики по С.-Петербургскому университету: С. А. Адрианов, И. А. Бычков, П. Г. Васенко, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Лихачев, Х. М. Лопарев, В. В. Майков, Н. П. Павлов-Сильванский, С. Ф. Платонов, С. П. Розанов, В. И. Срезневский, а также В. Н. Бенешевич, Г. С. Габаев, Ю. И. Гессен, П. Н. Милюков, А. В. Орешников, М. А. Островская, П. К. Симони, П. В. Шейн, Е. Ф. Шмурло, П. Е. Щеголев и многие другие. Самые многочисленные автографы принадлежат С. Ф. Платонову, другу и соратнику В. Г. Дружинина по университетскому «кружку молодых историков» (рис. 5).

Несмотря на то, что в фонде библиотеки СПб ИИ сохранилась лишь часть библиотеки В. Г. Дружинина, книги которой выявляются по внешним владельческим признакам, его брошюры, на которых остались следы разработанной ученым системы шифров, дают достаточно полное представление о тематическом составе его собрания в целом. Профессио-

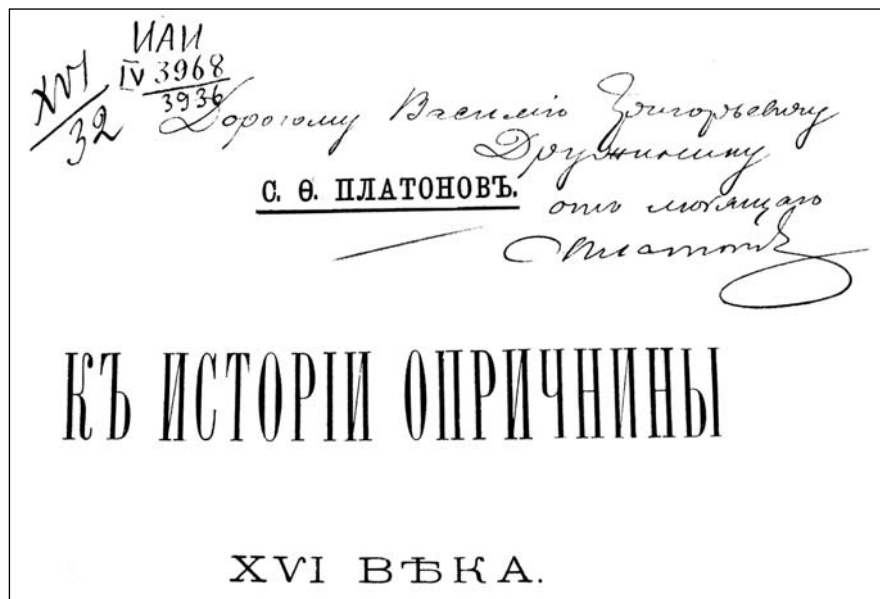

Рис. 5. Автограф С. Ф. Платонова (СПб., 1897)

нальные интересы В. Г. Дружинина были широки и многогранны; книги из его библиотеки придают всему фонду библиотеки СПб ИИ большую глубину и культурное значение.

¹ Непосредственное участие В. Г. Дружинина в делах библиотеки отражено в старых библиотечных инвентарях. Судя по почеркам, инвентари библиотеки Археографической комиссии вели в разное время несколько сотрудников. Инвентарь за 1908 год заполнен рукой Дружинина. Он как автор дарил библиотеке Комиссии свои книги и оттиски статей, но кроме того, среди книг Археографической комиссии десятки томов в «дружининских» переплетах из его личной библиотеки (например, Сочинения преподобного Максима Грека... Ч. 1–3. Казань, 1860–1894. Шифр I 1057. На обложке ч. 1 дарственная надпись: «В библиотеку Императорской Археографической Комиссии (так!) от В. Дружинина»).

² О судьбе личной библиотеки В. Г. Дружинина см.: *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // *Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. / под ред. Е. М. Юхименко.* М., 1994. С. 214–227; *Панченко Е. З.* Еще раз о библиотеке Василия Григорьевича Дружинина // *Отечественные архивы.* 1996. № 4. С. 118–120.

³ См.: *Берестецкая Т. В.* Указ. соч. С. 223.

⁴ Заново проведенные подсчеты дружининских книг дали более скромный результат, чем в 1996 г. (см.: *Панченко Е. З.* Указ. соч. С. 119).

⁵ «Известия имп. Археологического общества», «Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности», «Православное обозрение», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Чтения в Обществе Нестора-Летописца», «Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique» и др.

⁶ Библиотеки Н. П. Лихачева и А. А. Сиверса оказались в фонде библиотеки СПб ИИ также вследствие репрессий, которым подверглись эти ученые в связи с «академическим делом» (см.: *Панченко Е. З.* Книжные собрания историков в библиотеке СПб ФИРИ: судьба коллекций Н. П. Лихачева, В. Г. Дружинина, А. А. Сиверса // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20–30-е гг. XX в.: конф., 1–3 окт. 1996 г.: тез. сообщений / РНБ. СПб., 1996. С. 84–85).

⁷ Для сверки была использована инвентарная книга библиотеки ЛОИИ, шифр «К» № 2571–8120 1936–1940 гг.

⁸ Наклейки из красной кожи с оттиснутым золотом текстом на корешке часто встречаются в оформлении и других библиотек этого времени. Такие же наклейки были на одном из типичных переплетов А. А. Сиверса; в фонде СПб ИИ встречаются подобные наклейки и на книгах других владельцев. Среди книг Дружинина обнаружен переплет и с черной, вместо красной, наклейкой на корешке.

⁹ Комплект «Православного обозрения» (V 295); *Пушкин А. С.* Сочинения. Изд. 3-е. СПб., 1880–1881 (К 3031).

¹⁰ Шифр IV 2462.

¹¹ Коллекция старообрядческих рукописей (в настоящее время находится в отделе рукописей БАН), для которых В. Г. Дружинин заказывал специальные переплеты, конечно, была особенной частью его библиотеки.

¹² В нынешнем фонде библиотеки СПб ИИ стоящие рядом книги, особенно брошюрного формата, иногда «хранят память» о прежних библиотеках. Так, рядом оказались брошюры и вырезки из дружининской подборки биографических материалов, которую он организовал в алфавитном порядке имен персонажей: В. В. Ганка, Я. К. Грот, А. П. Ганнибал, В. И. Григорович, И. Голятовский, Гиббон, А. В. Горский, Д. В. Голицын, патриарх Гермоген (3 издания), Е. Е. Голубинский, М. Гамильтон, барон Гюйссен, А. В. Головатый. Наверняка все они принадлежат к одному — дружининскому — собранию, так как нет никаких других причин, по которым они были бы собраны вместе. В то же время из перечисленных 15 изданий экслибрис В. Г. Дружинина в сочетании с его пометами стоит только на трех, на четырех есть только адресованные ему автографы, еще на четырех — только его пометы, и еще на четырех — никаких следов принадлежности к какому-либо частному собранию.

¹³ Расшифровка «В» как Выга, Выговской пустыни подсказана автору участниками Научных чтений к 150-летию со дня рождения В. Г. Дружинина 5 февраля 2010 г.

¹⁴ Некоторые обозначения раскрыты с помощью записей самого владельца («М» — историческая география, «Н» — города, «Ш» — общая история, «Ч» — каноническое право). Убедительными кажутся формулировки тематических разделов, когда выбранная для их обозначения буква не выглядит случайной (например, «Ж» — жития, «К» — казаки). С другой стороны, неясно, почему буква «Г» обозначает архивы, а буква «Н» — города. Некоторые обозначения,

которые встретились лишь на одной-двух брошюрах, раскрыть не удалось: «АО» (Ковровые изделия Востока / Рус. музей. Л., 1924), «БГ» (Социалистический и откровенный взгляды на будущий строй земной жизни / сост. Н-й С-в. СПб., 1907), «Z» (Геннади Г. Н.; Анастасевич В. Г.; Каратаев И. П.; Глинка Ф. Н. Вырезка. [Б.м., б.г.]).

¹⁵ Например, первое издание «Древних русских стихотворений» Кириши Данилова (М., 1804) и многотомные собрания А. Н. Афанасьева.

¹⁶ Из библиотеки В. Г. Дружинина в фонд СПб ИИ перешли два собрания сочинений А. С. Пушкина (1880 и 1887 гг.), два собрания К. Н. Батюшкова (1887 и 1898 гг.), собрание М. Е. Салтыкова-Щедрина (1894–1895 гг.), И. С. Тургенева (1891 г.), Г. И. Успенского (1896 г.), А. Н. Плещеева (1898 г.), Ф.И. Тютчева (1900 г.) и других.

¹⁷ Собрания сочинений В. Г. Белинского, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева. В первом томе полного собрания сочинений Д. И. Писарева (СПб., 1894) Дружинин сделал записи с подробной характеристикой этого издания, красным карандашом в оглавлении подчеркнуты не публиковавшиеся раньше статьи критика. Это редкий пример видимой работы с книгой Дружинина-читателя; на других книгах он не оставлял ни помет на полях, ни подчеркиваний.

¹⁸ Среди дружининских книг, например, три издания «Записок декабриста» А. Е. Розена (Лейпциг, 1870; СПб., 1870 и М., 1900); Тайное общество и 14 декабря 1825 в России (Лейпциг : Э. Л. Каспрович, [1875]; Путешествие из С.-Петербурга в Москву А. Радищева (Лейпциг : Э. Л. Каспрович, [1876] и первое издание романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» [Женева, 1867] со штампом «Librairie russe» М. К. Эльпидина.

¹⁹ В собрании дружининских оттисков можно найти автографы, адресованные не только ему, но и другим ученым, и, конечно, его дяде А. В. Дружинину.

В. Г. Подковырова,
игумен Стефан (Садо),
А. Н. Михайлов

К вопросу о судьбе библиотеки В. Г. Дружинина. Книги из собрания В. Г. Дружинина в СПб. Духовной Академии

Основываясь на отрывочных сведениях из «Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах»¹ В. Г. Дружинина, цитировавших в статьях Т. В. Берестецкой и др., и на «Записках старого книжника» Ф. Г. Шилова², мы можем составить некоторые представления об истории формирования личной библиотеки В.Г.Дружинина. С 1874 г., еще учась в старших классах гимназии, Василий Дружинин на карманные деньги стал покупать книги русских писателей-классиков, книги и рукописи у букинистов, издания русских летописей³ и тома «Русской исторической библиотеки»⁴ прямо в Археографической комиссии. В студенческие годы он продолжал систематически собирать библиотеку: С. Ф. Платонов уже в ранний период их знакомства (третий –четвертый курсы) отмечал, что все три жилые комнаты Дружинина были заполнены книгами и рукописями⁵. Имея определенные средства, молодой Дружинин довольно быстро собрал неплохую коллекцию книг, которую разместил в своей квартире на Сергиевской улице, д. 45 (именно там собирался студенческий «Кружок русских историков», участники которого постоянно пользовались книгами хозяина⁶). В «Воспоминаниях» Дружинин записывает: «книжные шкафы стояли во всех трех комнатах: в средней комнате ... резной дубовый книжный шкаф в готическом стиле. Вдоль стен пять шкафов с книгами. В соседней комнате стоял большой письменный стол, а кругом у стен — шкафы с книгами, в третьей — спальне вдоль одной стены полки с журналами»⁷. Вот как Дружинин описывает жизнь тех лет: «Пребывание в университете и первые годы по окончании курса было лучшей порой моей жизни, когда можно было всецело предаваться научным работам. Я не имел надобности добывать средства для жизни, родители давали мне достаточно карманных денег, и я жил у них на всем готовом. Средств этих было настолько достаточно, что я постепенно собрал себе хорошую специальную библиотеку»⁸. По воспоминаниям Федора Григорьевича Шилова владелец книжной лавки М. П. Мельников, у которого он работал мальчиком-приказчиком, очень почитал Василия Григорьевича: «Когда он [Дружинин] приходил, спрашивая чего-нибудь новенького, Максим Павлович приказывал все за последнее время книги выкладывать перед ним на стол. Дружинин в течении многих лет собирал книги, но держась своего плана и не уклоняясь в сторону. У него образовалась библиотека, помещавшаяся-

ся в пятидесяти шкафах... В последствии Дружинин покупал книги очень мало (у него было уже все, что входило в план его собрания), но всецело отдался собиранию поморских рукописей»⁹.

Библиотека росла, к 1903 г. насчитывала более 10 тыс. книг и попала уже в печатные обзоры библиофильских собраний¹⁰. Сам Дружинин в «Воспоминаниях о литературных встречах и знакомствах» назвал общую цифру книг своей библиотеки к моменту ареста в 1930 г.: 40 тыс.¹¹ В то время ученый жил в казенной квартире при Археографической комиссии. Книги в ней не помещались, и Дружинин получил специальное разрешение неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга на размещение шкафов и полок со своими книгами в помещении самой комиссии. После печально известных событий 1929–1930 гг. помещение Археографической комиссии со всем находящимся в ней имуществом, включая и личную библиотеку Дружинина, передали «новой канцелярии Правления АН», которая «присвоила ее совершенно незаконно»¹². Описи или картотеки своей библиотеки Василий Григорьевич не составлял (или она в настоящее не известна).

Первая заметка собственно о библиотеке Дружинина появилась в журнале «Отечественные архивы» № 5 за 1994 г. Ее автор А. И. Плигузов в 1990 г. обнаружил в Вайднеровской библиотеке Гарвардского университета (США) три книги из собрания В. Г. Дружинина и машинописную опись 2670 книг, видимо составленную акционерным обществом «Международная книга» для части конфискованной при изъятии книжной коллекции¹³. Автор заметки написал о библиотеке Дружинина как о пропавшей и сделал вывод о том, что она могла быть полностью продана за границу через «Международную книгу», а следы собрания нужно искать на полках библиотек США¹⁴. Через 2 года в этом же журнале сотрудник филиала БАН при ЛОИИ Е. З. Панченко опубликовала ремарку на статью Плигузова под названием «Еще раз о библиотеке В. Г. Дружинина», в которой была представлена информация о том, что более 10 тыс. книг из этой библиотеки хранятся в библиотеке ЛОИИ¹⁵. Кратко было рассказано и о том, как книги Дружинина из Археографической комиссии попали в библиотеку ЛОИИ¹⁶.

Вот некоторые сведения о судьбе дружининских книг. С 1925 г. территориально помещение Археографической комиссии (107 комнат и конференц-зал) и квартира самого В. Г. Дружинина находились по адресу Тучкова наб., д. 2 А. Это территориально совсем рядом со зданием БАН, где на втором этаже с 1931 г. помещался Историко-архивный институт и куда были свезены книги из помещения ликвидированной Археографической комиссии: собственно ее библиотека и библиотека В. Г. Дружинина (вернее, ее оставшаяся часть, так как в 1929 г. книги Дружинина уже имелись, например, у антиквара в Нью-Йорке¹⁷). Некоторые кос-

венные данные о том, что каких-либо ценных книг или комплектов периодических изданий из библиотеки В. Г. Дружинина к послевоенным годам директорства И. И. Яковкина (был директором с 1930 по 1949 гг.) в БАН уже не было, можно найти в уже упоминавшихся «Записках...» Ф. Г. Шилова, где в главе седьмой он рассказывает о своей работе в БАН. Федор Григорьевич, кроме прочего, занимался разбором хранившихся в россыпи купленных или полученных иным путем книг запасного фонда. Шилов перечисляет много ценных изданий и имен владельцев. Среди них упоминания о В. Г. Дружинине нет, хотя ему посвящена целая специальная главка в начале «Воспоминаний...»¹⁸.

О судьбе 10 тыс. книг, попавших цельным блоком в библиотеку ЛОИИ, рассказано в работе Е. З. Панченко. В 1931 г. Археографическая комиссия была преобразована в Историко-археографический институт (ИАИ), в 1939 г. на основе ИАИ и Института книги, документа и письма (ИКДП) создано Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ). Библиотеки существовали при всех этих появлявшихся и реформированных институтах. Мемориальной библиотеки репрессированного ученого в них, разумеется, не создавали. Из наименее ценной части библиотеки В. Г. Дружинина (не заинтересовавшей в свое время «Международную книгу» и других аналогичных деятелей и организации) отбирали необходимые для фонда материалы. Обработка собрания шла очень долго. Часть книг была передана в другие библиотеки системы БАН, в Основной фонд и в организованный в 1932 г. Музей истории религии и атеизма¹⁹.

Таким образом книги из библиотеки Дружинина оказались рассеянными по разным отделам БАН. Нам удалось обнаружить несколько экземпляров книг из библиотеки В. Г. Дружинина в подсобной библиотеке НИОР и в собрании НИОРК. Поиск книг из библиотеки В. Г. Дружинина возможен благодаря эксlibрисам, которыми владелец, на наше счастье, снабдил часть своих книг²⁰. На настоящее время известны пять штампов его библиотеки (См. рис. 2 в статье Е. З. Панченко в данном сборнике).

В Отделе рукописей обнаружено 3 тома J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca*²¹, два из которых (т. 143 и 144) имеют круглый владельческий штамп В. Г. Дружинина Третий том (№ 137) без каких-либо владельческих штампов, но имеет аналогичные карандашные пометы (курсив «PM (вероятно: *Patrologiae Migne*) — 955»²²) (рис. 1) на титуле и поступил в подсобную библиотеку Отдела рукописей по одному акту 21/4 от 10.03.1964 с другими двумя томами из Сектора обменного фонда БАН. Книги были найдены по аналогии с имеющимся одним томом из этого издания в Библиотеке СПбДА²³. На настоящий момент подсобная библиотека не просмотрена полностью *de visu*. Поиск ведется

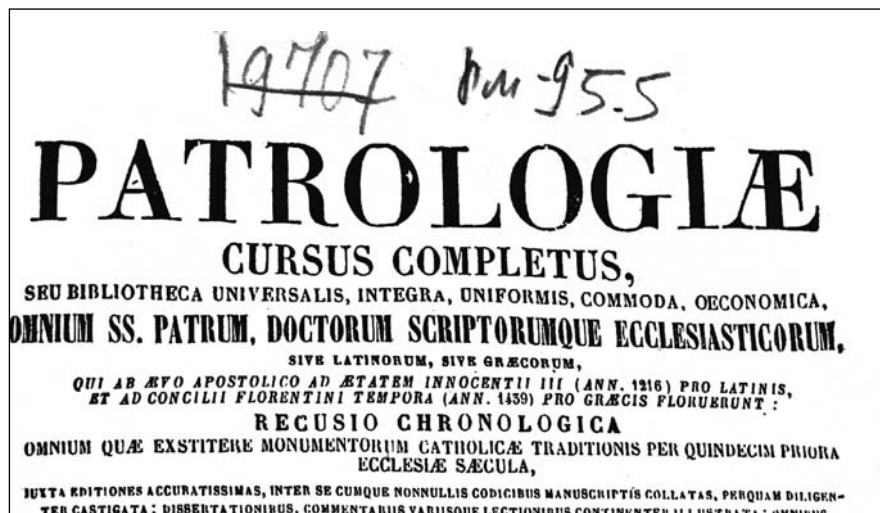

Рис. 1

по карточкам топографического каталога подсобной библиотеки НИОР, так как благодаря инициативе гл. библиотекаря НИОР Л. Б. Беловой в них была внесена информация об имеющихся на экземплярах книг подсобной библиотеки НИОР экслибрисах. Пока (просмотрено более $\frac{3}{4}$ фонда) больше книг В. Г. Дружинина не выявлено. Кроме книг из библиотеки самого Дружинина в фонде подсобной библиотеки НИОР хранится несколько книг со штампом самой Археографической комиссии и Биб-ки Историко-Археографического института, т. е. тех хранилищ, где располагалась в свое время значительная часть библиотеки В. Г. Дружинина.

В НИОРК выявлено 4 книги из библиотеки Дружинина²⁴:

1. «Историческое известие о возникшей в Польше унии». М., Синодальная библиотека. 1805. Круглый штамп Дружинина и 2 штампа «Отдельного особого фонда» Библиотеки АН СССР. На форзацном листе у задней крышки переплета более ранняя владельческая запись: «Сия книга принадлежит тульскому оружейнику».

2. Пансалвин. «Князь тьмы. Был? Не был? Однакожь и не сказка». М., 1809. В университетской типографии. Круглый штамп Дружинина и штамп Историко-археологического инт-та. Пометка об изъятии экземпляра как дублета.

3. Творение госпожи Гион «О последовании младенчеству Иисуса Христа». СПб., 1823. Круглый штамп Дружинина (рис. 2).

4. Иоанн Екзарх Болгарский. Соч. Калайдовича. М., 1824. Круглый штамп Дружинина. Дубл. Q I-149

Все четыре книги поступали по актам с января 1954 по ноябрь 1955 г. из Основного фонда хранения БАН в фонд изданий «XVIII века». Процесс выявления экземпляров книг из библиотеки В. Г. Дружинина в фондах БАН только начат.

А вот в фондах Библиотеки СПб. Духовной академии эту работу можно считать завершённой.

Прежде чем рассказать о ее результатах, остановимся кратко на возможной истории поступления книг Дружинина в библиотеку возрожденной Ленинградской Духовной академии. Крупное «поступление» в библиотеку состоялось с лета 1956 г. по май 1957 г. Из БАН было передано около 100 000 книг, брошюр, периодических изданий. Осуществлялось это очень быстро, даже без списка передаваемых изданий. ЛДА было предложено самой вывезти отобранные книги по богословию, уже связанные в пачки, из здания БАН, а также из ее филиала — Музея истории религии и атеизма, располагавшегося в Казанском соборе. Книги были вывезены в Академию, с трудом размещены на ограниченных площадях и еще долго продолжалась работа по их учету и каталогизации. Среди поступивших книг были очень ценные комплексы духовной литературы. В частности БАН передала многие обязательные экземпляры духовных книг, учебников, религиозных брошюр, которые она получила по закону об обязательном экземпляре. Много книг было из собраний Н. К. Никольского, И. И. Срезневского, Михалковых, Строгановых с инскриптами и экслибрисами музея церковных древностей из Ростова Великого, Римско-Католической Академии. Из музея истории религии и атеизма поступило множество богослужебных книг, в т. ч. старопечатных, а также книги со штампами Московского центрального антирелигиозного музея, фонды которого после закрытия (в 1947 г.) были перевезены в Ленинград²⁵.

Это абзац представляет собой цитату из машинописи «Книжные записи и дарственные знаки на книгах СПб. ДА». Данный труд является результатом деятельности инициатора работы игумена Сефана (Садо), заведующего Библиотекой СПб Духовной Академии и Александра Николаевича Михайлова, члена секции Книги и графики общества книголюбов и экслибрисистов при Доме ученых. Целью проделанной работы было выявление и фиксация всех ликвидированных в годы советской власти личных и общественных библиотек, книги из которых в значи-

Рис. 2

тельной степени сформировали фонд возрожденной библиотеки Духовной Академии. Первый том представляет собой перечень библиотек частных владельцев с их краткими биографиями и приложениями, в виде воспроизведенных экслибрисов и инскриптов. Второй том посвящен книжным знакам и записям на книгах, принадлежавших духовным и светским учреждениям. Занял свое место среди имен владельцев и В. Г. Дружинин: на с. 142 находится его краткая биография с воспроизведением двух владельческих штампов; на с. 158: 2 штампа круглый Д-111 и овальный Д-112; еще один штамп воспроизведен в описании собрания Бенешевича, так как книга — владельческий конвалют с подборкой статей о расколе, была подарен Дружининым Бенешевичу²⁶ (рис. 3).

Всего в настоящее время в собрании СПб Духовной Академии выявлено 49 книг из библиотеки В. Г. Дружинина²⁷, 10 на иностранных языках, среди них 2 тома Истории Церкви. Fleury²⁸, один том J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca (также как и хранящиеся в НИОР). Основное место по объему принадлежит периодике, подбору полного, необходимого по работе, комплекта которой Дружинин всегда уделял особое внимание. По воспоминаниям Ф. Г. Шилова знаем, что «из журналов он имел комплекты «Русского архива», «Русской старины», «Исторического вестника» и целый ряд других периодических изданий, в том числе все собрания актов»²⁹. Сохранившаяся в библиотеке СПбДА

Рис. 3

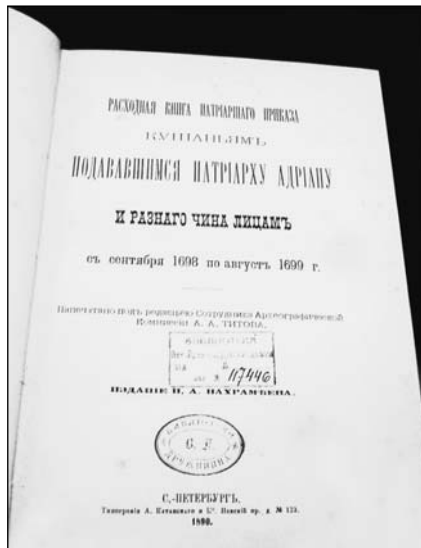

Рис. 4

периодика представлена 14-ю томами журнала «Христианские чтения», 5-ю томами «Православного обозрения» (на них имеется и штамп ЛОИИ), 4-ю томами «Православного собеседника» и одним томом Трудов Казанской духовной академии³⁰. На корешке переплетов части журналов имеется суперэкслибрис «ВД» (См. рис. 1 в статье Е. З. Панченко в данном сборнике).

По экслибрисам, инскриптам и пометам в некоторых книгах можно проследить судьбу их бытования до и после прибытия в собрании Дружинина (рис. 4).

Например, экслибрисы на «Расходной книге патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного рода лицам с сентября 1698 по август 1699 г.» (СПб., 1890) говорит о принадлежности книги вначале В. Г. Дружинину, затем П. И. Савинову, известному в Петербурге повару. О следующем владельце можно судить по карандашной пометке на обороте форзацного листа задней крышки переплета, которая свидетельствует о принадлежности книги митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (в миру — протоиерей Николай Чуков), арестованному по делу митрополита Вениамина в 1922 г., позднее реабилитированному. Библиотека митрополита Григория была передана в Духовную академию после его смерти в 1955 г.

Большая часть книг В. Г. Дружинина, влившихся в фонд Библиотеки ДА из БАН, так или иначе относится к духовной литературе. Целый блок представляют собой брошюры, содержащие жития русских святых для популярного чтения. Среди них нет особо ценных изданий, имеются, однако, интересные владельческие конволюты³¹.

Подводя некоторые итоги всем сведениям о судьбе библиотеки Дружинина, изложенным выше, имеем следующую картину: сам Дружинин называет количество книг в своей библиотеке около 40 тыс. На настоящий момент библиотека рассредоточена следующим образом: в СПб ФИРИ находятся более 10 тыс. книг, в Америке (?) — 2670 книг в соответствии со списком «Межкниги», из них в Гарвардском университете — 3 тома «Русской исторической библиотеки»; а также в Основном фонде и подсобных библиотеках отделов БАН, в филиалах (помимо СПбФИРИ) БАН при академических институтах и в Государственном Музее религии.

Есть книги В. Г. Дружинина и в библиотеке Ватикана. В «Описании славянских рукописей Папского восточного института в Риме» Ан. Джуровой и Кр. Станчева³² говорится о том, что из хранящихся в фонде «большая часть рукописей XVIII — нач. XX в. связана с традицией старообрядчества. Мы здесь не касаемся старообрядческих гектографов³³. Отметим только два из них, в которых имеются рукописные фрагменты. Р I. О 114-2-128. конвалют из пяти частей, вторая пол. XIX в. части II

и III не переплетены. На л. I и в начале IV части штамп «Из библиотеки В. Г. Дружинина». <...> Надо отметить, кстати, что в РЮ находится и часть библиотеки выдающегося исследователя старообрядческой литературы В. Г. Дружинина»³⁴.

Процесс выявления отдельных экземпляров и блоков книг из библиотеки В. Г. Дружинина еще далеко не завершен. Бытование его книг очень интересно и может составить отдельный предмет исследования.

Авторы благодарят члена Генеалогического общества России Е. Г. Попову-Яцкевич и ст.н.с. СПб ИИ РАН Т. Г. Смирнову за консультации и помощь в работе над темой.

Приложение I

Список книг

из библиотеки В. Г. Дружинина, выявленных в Библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии по экслибрисам и записям

Книги на русском языке

1. Беседа Ф. Е. Мельникова с безпоповским начетчиком А. А. Коноваловым о крещении митр. Амвросия и о 500 червонцах. М., 1913.
2. Благоверные князья Ярославские Феодор, Давид и Константин / Житие и чудеса от святых мощей их. Ярославль. Типография губернской земской управы. 1879.
3. Житие преподобного Лазаря, основателя Муромского монастыря. СПб., Типография Дома презрения малолетних бедных. 1886.
4. Жития святителей Ростовских Леонтия, Исая, Игнатия. Ярославль. Типография губернского правления. 1884.
5. Житие святых благоверных равноапостольных великия княгини Ольги, нареченных во святомъ крещении Елены. Псков. Славянская типография. 1883.
6. Житие и труды преподобных матери наша Феодоры, иже в мужестем образе подвизася. Киев. Типография Киево-Печерской лавры. 1886.
7. Житие и чудеса святителя Николая. М., 1901.
8. Летопись раскола за 1876–1879 г. М., 1880.
9. Н. Н. Блаженный Петр ордынский царевич, Ростовский чудотворец. Ростов. Типография губернской земской управы. 1880.
10. Преподобный Иринарх, затворник Ростовского Борисо-Глебского монастыря. Ярославль. Тип. Г. В. Фальк. 1884.

11. Путешествие во Иерусалим Саровския общежительных пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., Губернская типография. 1800.

12. Расходная книга патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного рода лицам с сентября 1698 по август 1699 г. СПб., 1890.

13. Святой Леонтий, епископ Ростовский / Житие и чудеса от святых мощей его. Ярославль. Типография губернской земской управы. 1877.

14. Современные летописи раскола. Выпуск первый. Белокриницкий собор 1869 г. и относящиеся к нему акты и письма. М., Университетская типография (Катков и К°). 1869.

15. *Терновский Ф. А. Терновский С. А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских соборов / Чтения по церковной истории Византии от императора Константина великого до императрицы Феодоры (312–842 гг.) с приложением русской и иностранной библиографии по предмету чтения. Киев. Университетская типография. 1883.

16. *Терновский Ф. А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских соборов / Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842 гг.) Киев. Университетская типография. 1883.

17. *Тихомиров Ф.* Трактаты Феодана Прокоповича о Боге едином по существу и троичном в Лицах. СПб., 1884.

18. Сборник статей по церковному праву из журналов. Конволют из собрания В. Н. Бенешевича (См. дарственную надпись ему В. Г. Дружинина на рис. 4).

Алл. 1. Иоанн Смоленский Об основаниях русской церкви. Исторический очерк (Начало) // Христианские чтения. 1846. Ч. 4. С. 302–344.

Алл. 2. То же. Окончание // Христианские чтения. 1846. Ч. 1. С. 416–440.

Алл. 3. Значение Восточного церковного законоположения в истории русской церкви // Христианские чтения. 1852. Ч. 1. С. 65–84.

Алл. 4. Б/а О первоначальном составе славянской кормчей // Христианские чтения. 1851. Ч. 1. С. 535–560.

Алл. 5. Обзорение основных законов русской церкви // Христианские чтения. 1852. Ч. 1. С. 282–308.

Алл. 6. Охранение православной веры в древней вселенской церкви // Христианские чтения. 1862. Ч. 2. С. 153–202.

Алл. 7. Охранение православной веры в отечестве (Начало) // Православный собеседник. 1858. Ч. 2. С. 3–54.

Алл. 8. То же. Окончание // Православный собеседник. 1858. Ч. 2. С. 199–237.

Алл. 9. Устройство Богослужения в отечественной церкви // Православный собеседник. 1858. Ч. 2. С. 487–536.

Алл. 10. *Парвов А.* Изложение канонических постановлений о православном клире или белом духовенстве // Христианские чтения. 1860. Ч. 2. С. 382–440.

Алл. 11. Основания поместного управления православных церквей // Православный собеседник. 1858. Ч. 1. С. 319–332.

Алл. 12. Обозрение древних форм поместного церковного управления (начало) // Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 3–41.

Алл. 13. То же. Продолжение // Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 149–173.

Алл. 14. То же. Окончание // Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 259–290.

Алл. 15. О способах обращения иноверцев к православной вере // Православный собеседник (?). 1858. Ч. 1. С. 451–482.

Алл. 16. Обзор церковных постановлений о крещении и миропомазании (Окончание) // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 147–180.

Алл. 17. Обзор церковных постановлений. О причащении и покаянии (Начало) // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 259–297.

Алл. 18. То же. Окончание // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 377–394.

Алл. 19. Церковные постановления о священстве // Православный собеседник. 1859. Ч. 2. С. 121–161.

Алл. 20. То же. Продолжение // Православный собеседник. 1859. Ч. 2. С. 241–413.

Алл. 21. Церковные постановления. О браке в православной церкви // Православный собеседник. 1859. Ч. 3. С. 3–45.

Алл. 22. То же. Продолжение // Православный собеседник. 1859. Ч. 3. С. 119–152.

Алл. 23. То же. Продолжение // Православный собеседник. 1859. Ч. 3. С. 217–254.

Алл. 24. То же. Окончание // Православный собеседник. 1859. Ч. 3. С. 325–351.

Алл. 25. О. Алексей (Парвов) Пост в четырехдесятницы по правилам древлеканоническим, обычаем древних христиан и законам греко-римских императоров // Христианские чтения (?). 1863. Ч. 1. Отд. I. С. 307–322.

Алл. 26. Основание церковного суда // Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 325–360.

Алл. 27. Древние правила церковного суда // Православный собеседник. 1859. Ч. 2. С. 3–44.

Книги на иностранных языках

1. Fleury l'abbe. Histoire ecclesiastique. Tome 4, 5. Paris. 1855.
2. *Kuenen A., Pierson N. A., Renan E. M.* Histoire critique des livres de l'Ancien Testament. Tome deuxieme. Paris. 1879.
3. *Migne J. P.* Vitae patrum. Tome posterior. Parisiis. 1850.
4. *Pitzipios J. G.* L'eglise orientale. Rome. 1855.
5. *Renan E.* L'eglise chretienne. Т. 6. Paris. 1879.
6. Straus-Durckheim H. Theologie de la nature. Tome 3. Paris. 1852.
7. *Kurtz J. H.* Handbuch der allgemeinen kirchengeschichte. Mitau. 1856.
8. Αποφασεις υνοδικαι και διαταξεις των Κωνσταντινουπολεως, αρχιεπισκοπων και πατριαρχων. Αθηνησιν. Т. 5. 1855.
9. Γ. Α. Ραλατ, Μ. Ποταп. Συνταγμα των δειων και ιερων κανωνων των τε αγιων και πανευφημων, αποστολων, και των ιερων οικουμενικων και τοπικων συνοδων, και των ката μερος αγιων πατερων. Т. 5. Αθηνησιν. 1855.

Периодика

- 1-5. Православное обозрение (на всех экземплярах имеется супер-эклибрис «В.Д.» на корешке и штамп ЛОИИ) 1862. Т. 7: янв.-апр.; 1862. Т. 8: май-авг.; 1862. Т. 9: сент.-дек.; 1865. Т. 16: март-апр.; 1865. Т. 17: май-авг.
- 6–10. Православный собеседник 1872. Ч. 1–3: янв.-дек.; 1873. Ч. 1–3: янв.-дек.; 1880. Ч. 1–3: янв.-дек.
11. Труды Казанской духовной академии 1 том.
- 12–26. Христианские чтения: комплекты за 1883, 1884, 1885 годы.

¹ «Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах» // РГАЛИ. Ф. 167, Оп. 1, Д. 6–10.

² *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. М., 1959. С. 27–28.

³ *Берестецкая Т. В.* Дружинин В. Г. — собиратель и исследователь поморского литья // Русское медное литье. М., 1993. С. 30. (Глава «Букинисты с 1874 по 1915 г.» в «Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах», см. ссылку 1).

⁴ Плигузов А. И. Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 21–22.

⁵ *Смирнова Т. Г.* Жизнь и научная деятельность В. Г. Дружинина // Судьбы русских ученых XIX–XX в. СПб., 2009. С. 472.

⁶ *Берестецкая Т. В.* Дружинин В. Г. — собиратель... С. 30.

⁷ *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 215–216.

⁸ *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: Новые материалы... С. 217

⁹ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. М., 1959. С. 27–28.

Рисованные лубки из коллекции В. Г. Дружинина

¹⁰ *Параделов М. Я.* Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. М., 1904. С. 37; *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России: опыт библиографического описания // *Русский библиофил.* 1911. № 7. С. 79.

¹¹ *Берестецкая В. Г.* Дружинин: Новые материалы... С. 222–223.

¹² Там же. С. 222.

¹³ *Плигузов А. И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // *Отечественные архивы.* 1994. № 5. С. 21–22.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ *Панченко Е. З.* Еще раз о библиотеке В. Г. Дружинина // *Отечественные архивы.* 1996. № 4. С. 119–121.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Плигузов А. И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина... С. 21.

¹⁸ *Шилов Ф. Г.* Записки... С. 150–160.

¹⁹ Там же.

²⁰ Как выяснила Е. З. Панченко, в течении многих лет хранящая и изучавшая книги В. Г. Дружинина в филиале БАН при ЛОИИ, а теперь — СПб ФИРИ, далеко не все книги ученого имеют экслибрисы. Но выявление этих книг будет возможно только после опубликования признаков принадлежности к этой библиотеке, которые должны быть опубликованы в этом сборнике.

²¹ *Migne J. P.* *Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca.* Т. 137, 143, 144. Parisis, 1865.

²² Ср. с рис. 4 в статье Е. З. Панченко в данном сборнике.

²³ См. Приложение I.

²⁴ Автор благодарит Е. В. Лудилову за указание на книги В. Г. Дружинина, выявленные по картотеке НИОРК.

²⁵ *Книжные знаки и записи на книгах библиотеки СПбДА. Ч. I.* СПб., 2009. (На правах рукописи). С. IV.

²⁶ Там же. С. 42, 55 (рис. Б-50).

²⁷ Полный перечень см. Приложение I.

²⁸ См. Приложение I.

²⁹ *Шилов Ф. Г.* Записки... С. 27.

³⁰ См. Приложение I.

³¹ См. Приложение I.

³² *Джурова Ан., Станчев Кр.* Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме. Roma. 1997. Серия: *Orientalia Christiana Analecta.* № 255. P. XLI.

³³ Значительная часть гектографированных изданий В. Г. Дружинина хранится в фонде НИОРК БАН. В настоящее время Н. Ю. Бубнов составляет каталог старообрядческих гектографов и занимается описанием этой части собрания В. Г. Дружинина, которая в БАН составляет 105 ед. хр.

³⁴ *Джурова Ан., Станчев Кр.* Описание... С. XLII.

В собрании Государственного музея истории религии хранятся более 100 экспонатов, которые происходят из коллекции В. Г. Дружинина. В частности, в фондах ГМИР хранятся 4 иконы, более 20 единиц памятников мелкой пластики из дерева — резные доски и кресты с изображением на них Голгофского креста. Но основная часть коллекции — это старообрядческие рисованные лубки. В данной статье я пользуюсь термином «рисованные лубки», введенным в научный оборот применительно к данному виду народного изобразительного искусства, исследовательницей Е. И. Иткиной, которая опубликовала каталог рисованных лубков из собрания Государственного исторического музея в 1996 г. Многие исследователи пользуются другими определениями, в частности, «настенные листы» или «настенные картинки», так как их обычно вешали на стенах в старообрядческих домах и молельнях. Мне представляется, что термин «рисованные лубки» более точен, так как отражает и содержание, то есть соединение на одном листе изображения и текста, что как раз характерно для лубков, и технику. Техника исполнения рисованного лубка своеобразна. Она заключается в нанесении жидкой темперы по легкому карандашному рисунку, следы которого заметны там, где он не стерт. Живописные возможности темперы весьма широки и при сильном разведении она позволяет работать в технике прозрачной живописи подобно акварели. Поэтому раньше иногда рисованные лубки ошибочно причисляли к акварелям.

Хранящиеся в настоящее время в Государственном музее истории религии рисованные старообрядческие лубки из коллекции В. Г. Дружинина поступили в ГМИР в 1939 году из Института истории АН СССР. В Институт они попали из Археографической комиссии, которая была упразднена в 1932 году и преобразована в Институт истории. Известно, что В. Г. Дружинин, являясь в течение многих лет секретарем комиссии, из-за недостатка площадей хранил часть своей коллекции в помещениях, принадлежащих ей. После революции эта часть коллекции перешла в собственность сначала Археографической комиссии, а затем Института истории АН СССР. Опись коллекции при передаче ее в ГМИР была, к сожалению, утрачена, но в архиве музея сохранился «Справочный указатель», составленный научным сотрудником Н. Ф. Платоновым и датированный 1 ноября 1939 года. Согласно этому документу, в коллекции, получившей номер 982, находилось 152 единицы ручных рисунков и текстов, по преимуществу конца XVIII — начала XIX века, поморского толка русского старообрядчества. О принадлежности лубков к собранию

В. Г. Дружинина можно судить по штампу на некоторых листах с обратной стороны — «из библиотеки В. Г. Дружинина». По всей видимости, это те самые лубки, что экспонировались в 1912 г. на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» в Санкт-Петербурге. Согласно каталогу, на выставке было представлено 20 лубков из собрания В. Г. Дружинина. Всего же на этой выставке было представлено около 60 экспонатов из коллекции Дружинина — рукописи, иконы, лубки. Количество и названия лубков, которые экспонировались на выставке, совпадают с рисунками из фонда ГМИР, имеющими штампы. И наконец, большинство лубков данной группы имеют общее оформление: все они наклеены на большие листы картона одного формата, а на обратной стороне есть надписи, сделанные, скорее всего, рукой самого Дружинина с названиями и номерами памятников в его собрании. Так что можно с уверенностью утверждать, что старообрядческие лубки, хранящиеся в настоящее время в нашем музее, входили в свое время в коллекцию Василия Григорьевича Дружинина. Думается, что у нас хранится вся, или почти вся дружининская коллекция настенных листов, так как согласно некоторым архивным данным, опубликованным недавно Н. В. Пивоваровой, в собрании Дружинина насчитывалось около 130 единиц настенных листов.

Тематика рисованных лубков, представленных в коллекции Дружинина, весьма разнообразна. Тематически все листы можно разделить на несколько разделов. К первому разделу относятся рисунки, посвященные истории старообрядчества и Выговской пустыни: это изображения видов Выгорецкого общежития, портреты киновиархов, сравнительные изображения «старой» и «новой» церквей. Так, на лубке инв. № Б-975-IV мы видим, что художник разделил лист на две равные части: слева изображены старые, дониконовские обряды (внизу текст: «От лета 988 князя Владимира старороссийской церкви содержание»), справа — Никоновские нововведения (текст: «От лета 1666 Никонovo новое Российской церкви предание»). Лубок наглядно иллюстрирует те отличия, которые существуют в практике богослужения и обрядов между старообрядцами и последователями реформы Никона: это отличия в изображении Голгофского креста, патриаршего жезла, способа перстосложения, печатей на просфорах и некоторые другие.

Следующий лубок — инв. №№ Б-1093-IV, Б-954-IV. Это изображение Выгорецкого общежития, причем как мужской его части, так и женской. Лубок также разделен на две части. Справа изображение «мужского собрания» (как гласит надпись в центре рисунка). На рисунке представлен общий вид мужского Данилова монастыря: на берегу реки, за деревянным забором расположены многочисленные деревянные строения — одноэтажные и двухэтажные. Это подробный план-схема,

на котором все постройки изображены в масштабе в соответствии с реальностью. Над каждым зданием имеется надпись, объясняющая его назначение. В центре территории — большая двухэтажная часовня, соединенная с трапезной (надпись «столова»), за ней — колокольня с часами — редкость по тому времени и предмет гордости выговцев. Слева от главных ворот — пять построек, предназначенных для руководящих лиц общежития: настоятельская, «старцова», «прикачица», «большак» и «казначейя». Справа — мастерские: «кузнецка» и «медня». В верхней части листа изображена больница, а слева, за забором — небольшая часовня и кладбище, которые обнесены отдельным забором.

В левой части листа — изображение «девичьего собрания», то есть женской части Выговского монастыря. Здесь, в отличие от мужской части, присутствуют такие строения, как «грамотна», т. е. школа, а также такие хозяйственные постройки, как коровий двор и «молошница». Над многими домами для проживания есть надписи, соответствующие фамилиям, или названия губерний, откуда пришли поселенцы: Романовы, Архиповы, Питерские, Олонецкие, Зарайские, Березовские, Тихвинские.

По всей видимости, данный рисунок был создан в первой четверти XIX века, так как в верхней части рисунка, где в круглых рамках изображены основатели и первые настоятели монастыря — Даниид Викулин, Андрей и Семен Денисовы, Петр Прокопьев, Андрей Борисов, крайним справа изображен Кирилл Михайлов, который являлся настоятелем Выговской пустыни с 1809 по 1825 г.

Важное место среди изображений на лубочных листах занимают портреты основателей и наставников Выговской пустыни. Существуют индивидуальные и групповые портреты. Самым распространенным типом изображений старообрядческих наставников является портретное поясное изображение в фас, или в повороте, заключенное в овальную рамку с характерными украшениями барочного типа, как, например, на портрете Никифора Семенова-ученика А. Денисова, шестого киновиарха Выговского монастыря. Следующий лубок — инв. № Б-871/2-IV — относится к групповым портретам. В данном случае термин «портрет» использован не случайно. Действительно, хотя портреты выполнены условно, по единому канону, в одинаковых позах, тем не менее художники сумели передать индивидуальные черты персонажей. Например, у изображенных на этом лубке основателей Даниила Викулина, Андрея и Семена Денисовых, Петра Прокопьева разной высоты лоб, разная форма головы, по разному переданы волосы. У Андрея Денисова на всех рисунках прямой удлиненный нос, пышные волосы, вьющиеся ровными кольцами вокруг лба, широкая окладистая борода. Изображения не только узнаваемы, но и соответствуют тем описаниям внешне-

сти выговских наставников, которые дошли до нас в литературных источниках.

Следующую, весьма немногочисленную группу, составляют лубки на библейские сюжеты. Объясняется это тем, что большинство евангельских сюжетов было воплощено в иконописи, а старообрядческий лубок никогда не обращался к темам, составлявшим прерогативу иконописи. Старообрядцы не признавали так называемых «бумажных» икон, поэтому среди сюжетов рисованных лубков мы не найдем ни иконографии Богоматери, ни изображений Иисуса Христа или святых.

Из нескольких лубков, созданных на библейский сюжет, наибольший интерес представляет рисунок с изображением райского сада и сценой изгнания из него Адама и Евы. На лубке представлена многосюжетная композиция, построенная по принципу рассказа. Рай изображен в виде обнесенного каменной стеной прекрасного сада, в котором растут необычные деревья и гуляют разные животные. Мастер показывает, как создатель вдохнул душу в Адама, сделал из его ребра жену. В повествование включены сцены, где Адам и Ева, поддавшись уговорам змея, срывают яблоко с запретного дерева, как, изгнанные, уходят они от райских врат, над которыми парит шестикрылый серафим и сидят затем перед стеной на камне, оплакивая потерянный рай.

Имеют отношение к изображению рая, хоть и косвенное, и лубки с изображениями «райских птиц» Сирина и Алконоста. Особенно часто старообрядческие мастера любили изображать птицедеву Сирина. Причем существуют два варианта ее изображения: когда она изображается одна и развернутый сюжет, когда она изображается в сопровождении легенды, позаимствованной из Хронографа в редакции XVII в. В текстах, которые, как правило, помещены на листах, говорится о том, что птицы эти (а вернее — полуптицы, полудевы, т. е. птицы с женскими головами, увенчанными часто коронами и нимбами) обитают «на востоце, во Эдеме», т. е. в раю, но обычай имеют являться иногда на землю, чтобы своим сладкоголосым пением возвещать праведникам об ожидающем их вечном блаженстве. Но пение этих птицевов так сладостно, что человек, заслышав его, забывает обо все на свете и идет за птицей до тех пор, пока не падает замертво от усталости. Художник изобразил на лубке справа человека, слушающего пение Сирина и затем его же, лежащего мертвым (здесь, замечу, прослеживается, конечно, прямая аналогия с античными сиренами). Справа же изображена группа людей, которые стараются прогнать птицу, испугав ее шумом, для чего они стреляют из пушек и ружей (а не для того чтобы убить птицу), бьют в барабаны, трубят в трубы, звонят в колокола. Надо сказать, что такой сюжет не встречается в печатном лубке, только в рисованном, хотя изображение одной птицы Сирина и в печатном лубке и в

произведениях декоративно-прикладного искусства отнюдь не редкость.

Еще одна райская птица — Алконост. Единственное ее отличие от Сирина — это то, что она изображается с руками, в то время как птица Сирина — без рук. Алконост изображается обычно с букетом цветов в руке. Но самая удивительная птица старообрядческих лубков — это струфокадил. Необычное название птицы происходит от латинского «струфокамелус» — страус. Изображение этой птицы на старообрядческих лубках встречается крайне редко (мне не известно, кроме нашего, больше ни одного лубка с изображением струфокадила). В центре лубка — изображение крупной белой птицы, действительно напоминающей страуса, которая смотрит на большое яйцо, лежащее перед ней. Смысл данного сюжета раскрывается в тексте, помещенного внизу листа. Это отрывок из небольшого сочинения Максима Грека «Слово о хранении ума», в котором говорится что птица струфокадил, находящаяся в странах ливийских, замечательна тем, что откладывает только одно большое яйцо и, чтобы оплодотворить его, должна непрерывно смотреть на него. Если же по какой-либо причине птица отведет от яйца свое око, то яйцо загнивает и цыпленок в нем не зачинается. Легенда гласит, что существует якобы обычай вешать яйцо струфокадила в церкви под паникадиллом для назидания верующим. Они должны, как и эта птица, свой ум, свои мысленные очи, всегда во время молитвы иметь устремленным к Богу с прилежным вниманием, не отвлекаясь на посторонние вещи. Таким образом, изображение струфокадила имеет символический характер и олицетворяет собой образцовую внимательность и сосредоточенность, требующуюся от верующего во время его присутствия в храме.

Третью, наиболее многочисленную, группу составляют лубки духовно-назидательного характера с изображениями различных древ. Так, в центре композиции «Дерево полезные советы» изображено стилизованное дерево, ствол и ветви которого образованы из рамок разнообразной формы — круглых, четырехугольных, овальных и т. д., в которых помещены тексты религиозно-назидательного характера.

Близок к нему по композиции и другой лубок — «О добрых друзьях двенадцати». На дереве, обильно увешанном плодами, в круглых медальонах также помещены изречения морально-назидательного характера: в них перечислены 12 добрых друзей человека — добродетелей, которым он должен следовать в жизни, чтобы заслужить спасение души. Среди них такие, как друг-правда, друг-любовь, послушание, воздержание, покаяние, молитва и др.

И наконец, последняя группа листов, так называемые текстовые листы, — это духовные стихи, молитвы, песнопения, которые, как правило, размещены в овалах в характерном обрамлении из гирлянды цветов

и плодов, поднимающейся из вазона. Эти листы часто содержат дату и даже инициалы художника. Так, на листе со стихами «Прекрасно де-вство» стоят дата 1826 г. и инициалы внизу листа, справа и слева от текста «АН.....ГМ». На другом лубке с текстом 144-го псалма Давида «Вознесу тя, Боже мой» проставлена дата 1839 г.

Особый раздел в этой группе листов представляют Месяцесловы — годовые росписи праздников, служб и поминаний, которые являются разновидностью Святцев, выполняющих роль настенных календарей и поэтому пользовавшихся большим спросом.

Ф. В. Панченко

Музыкальные рукописи в собрании В. Г. Дружинина

В многогранной научной и общественной деятельности В. Г. Дружинина главным для него всегда оставалось собирание и изучение памятников старообрядческой культуры. Его коллекция рукописей, хранящаяся ныне в БАН, и сегодня является незаменимой источниковой базой для проведения исследовательских работ по истории старообрядчества¹. Среди материалов собрания — уникальные документы, целые архивы и отдельные памятники книжности разных старообрядческих толков и согласий. Большую часть составляют рукописи поморской традиции, которые были предметом особого внимания В. Г. Дружинина. Основываясь на своей коллекции, В. Г. Дружинин проводил поистине фундаментальные исследования, о чем свидетельствуют его хотя и лаконичные, но чрезвычайно содержательные публикации. В них были сформулированы практически все основные характеристики творческого наследия старообрядцев, особенно поморцев². Каждый раз, работая с какой-либо его рукописью, невольно задаешься вопросом: почему именно она оказалась в собрании ученого? Что в ней привлекло Дружинина? Нередко ответы мы находим здесь же на полях книг, на переплетных листах и обложках — в пометках ученого. По этим записям понимаешь, что многие памятники были открыты и основательно изучены Дружининым, хотя и не все сделанные открытия отразились в публикациях. Сами рукописи теперь служат едва ли не столь же значимым источником научных идей Дружинина, что и его публикации.

Для современных исследователей певческих традиций старообрядцев работы Дружинина незаменимы: наряду с обилием изложенных наблюдений, высказанных идей и обобщений в этих статьях показаны методологические подходы в изучении старообрядческой культуры. В. Г. Дружинин, хотя специально и не изучал певческую традицию старообрядцев, все же отдал должное и музыкальной культуре, процветавшей в старообрядческих обителях, поставив ее в один ряд с другими художественными явлениями: *«Коснулись поморцы и крюкового пенья: они внесли некоторые изменения в нотациях, усердно переписывали сборники духовных стихов и псалм, снабжая их нотациями для пения. Эти песнопения исполнялись в свободное время клирошанами и клирошанками и умеющими их петь простецами»*³. Нет сомнения, что с музыкальной культурой старообрядцев, В. Г. Дружинин был хорошо знаком. Этому содействовали старообрядческие корни его семьи, дружеские отношения и сотрудничество с Ф. А. Каликиным и другими старообрядцами-

книжниками, научные контакты в Обществе любителей древней письменности⁴.

В предлагаемом кратком обзоре музыкальных книжных памятников из собрания В. Г. Дружинина будут представлены наиболее интересные и ценные. Из 52 нотированных рукописей⁵ только пять относятся к средневековому периоду (XVII век), остальные — старообрядческие, из которых абсолютное большинство поморские. Здесь имеются прекрасные образцы поморской и гуслицкой певческой книжности, содержащие произведения старообрядческих мастеров, автографы старообрядческих деятелей, рукописи, с исторически значимыми писцовыми или владельческими записями, а также имеющие особую художественную ценность.

Начнем обзор с певческого сборника поповской старообрядческой традиции (Друж. 953). Подробная писцовая запись заключена в заставку-рамку гуслицкого стиля: «Сия книга, глаголемая октай с обиходами московскаго старообрядческаго Рогожскаго кладбища уставщика московскаго купца Терентия Иванова сына Заболоцкаго, а написана оная трудами и движением гуслицкой волости деревни Беливой крестьянином Иваном Никитиным 1802 году сентября 20». Эта книга замечательна с нескольких позиций. Выполненная по заказу уставщика Рогожского кладбища, она содержит певческий репертуар крупнейшего поповского старообрядческого центра, включающий песнопения знаменного и демественного стилей. Кроме того, она является одним из ранних образцов книжной продукции гуслицких мастеров зрелого стиля. Кроме затейливых заставок и инициалов она снабжена искусно выполненной миниатюрой, изображающей Иоанна Дамаскина (рис. 1), а также миниатюрами, иллюстрирующими великопостные песнопения «Покаяния отверзи ми двери» и «Множество содеянных ми зол». Особо следует отметить переплет, шитый серебряными нитями и украшенный цветной фольгой. Подобный переплет совершенно не характерен для древнерусских и старообрядческих певческих книг. Вероятно для придания сборнику большей значимости был использован переплет от другого кодекса, возможно, евангелия.

В собрании Дружинина имеется несколько типовых поморских певческих рукописей, в частности, лексинского письма с характерными украшениями в виде заставок-рамок и инициалами поморского стиля, например, Стихирарь начала XIX века (Друж. 955)⁶ (рис. 2).

Отдельные экземпляры среди поморских книг являются чрезвычайно ценными. Крюковой Обиход (Друж. 952)⁷, несомненно, привлек Дружинина своим происхождением. На переплете сохранилась запись: «Сия книга глаголемая Обиход куплена у Ильи Алексеича на кладбище» (Рис. 3). Очевидно, имеются в виду Преображенское кладбище в Москве и его основатель Илья Алексеевич Ковылин. Рукопись датируется 80-ми

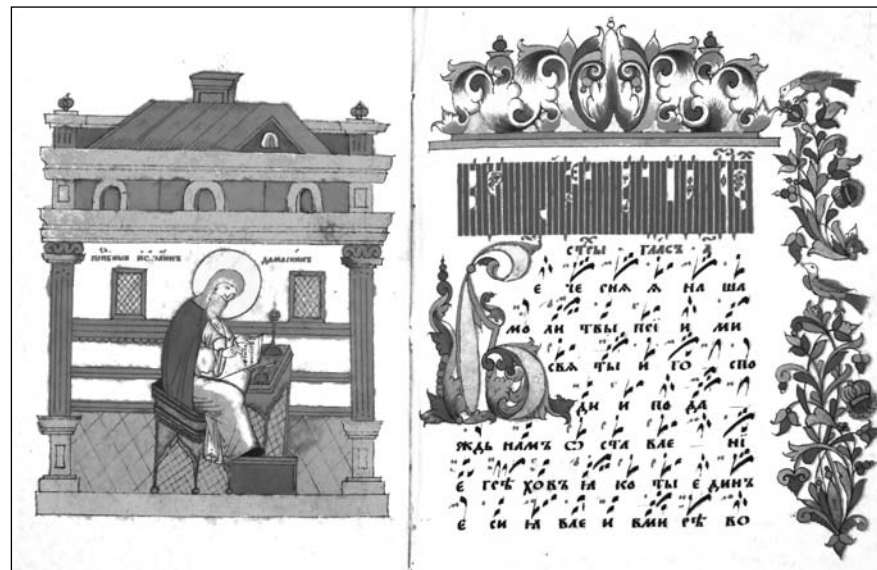

Рис. 1. Разворот с выходной миниатюрой «Иоанн Дамаскин» перед началом Октоиха в певческом сборнике гуслицкого письма 1802 г. (Друж. 953, л. 6 об. — 7)

Рис. 2. Стихирарь лексинского письма начала XIX века (Друж. 955, л. 2 об. — 3)

Рис. 3. Начальная страница
Обихода 80-х годов XVIII века
(Друж. 952, л. 1)

Рис. 4. Ярлык на выговском
Обиходе из «кельи большако-
вой» второй половины XVIII в.,
(Друж. № 656)

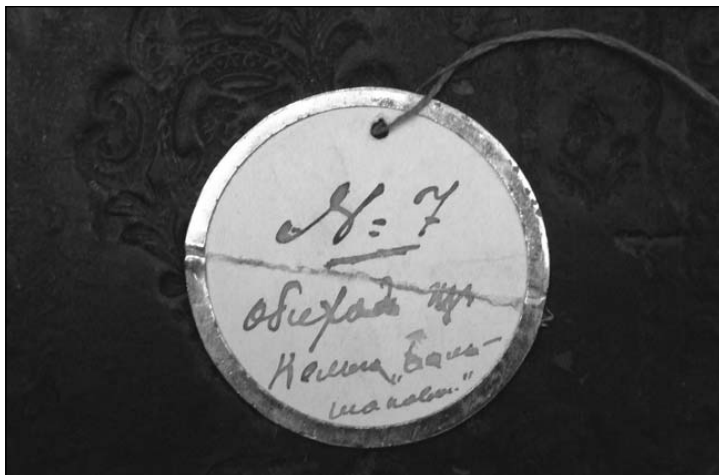

Рис. 5. Автограф Трифона Петрова в сборнике XVIII века (Друж. 836, л. 2)

Рис. 6. Разворот с миниатюрой, изображающей Андрея Денисова перед «Рифмами воспоминательными» в сборнике-конволюте 60-х гг. XVII и первой четверти XIX в. (Друж. 199, л. 166 об. – 167)

Рис. 7. Миниатюра из выговского «певческого синодика» второй половины XVIII в. (Друж. № 725, л. 9 об.)

годами XVIII века и, вполне вероятно, была приобретена кем-то из старообрядцев еще при жизни И. А. Ковылина. Книга выполнена в поморской традиции, но имеет выраженные индивидуальные черты. Она написана красивым ровным почерком, отличающимся от писарских поморских. Редкий случай для певческих книг, когда писец оставил нам свое имя, хотя и в виде инициалов «Труд Ф.С. и проч.».

Другой Обиход (Друж. № 656)⁸, судя по сохранившимся записям на ярлыке, привязанном к переплету, происходит из Выговского монастыря: «№ 7, Обиход из кельи “Большаковой”, Данилов, 1912» (рис. 4). Известно, что некогда огромная монастырская библиотека, как и личные библиотеки выгорецких большаков, не сохранилась. Для их воссоздания в настоящее время проводится кропотливая работа по выявлению экземпляров в книгохранилищах и их идентификации по старым описям⁹. Большой редкостью является обнаружение рукописей, сохранивших свидетельства их отношения к этому кругу источников. Кодекс Друж 656 — это типовой по содержанию поморский обиход, который, однако, имеет и некоторые приметы именно монастырской принадлежности. В частности, в подборке праздничных тропарей и кондаков содержатся песнопения Андрею Стратилату — тезоименитому святому основателя Выговского монастыря Андрея Денисова¹⁰. Исследования поморской певческой традиции показали, что наличие песнопений этому святому может являться признаком принадлежности рукописи Выговскому монастырю. Этот Обиход, несомненно, отражает реальную монастырскую богослужебную практику второй половины XVIII века, о чем красноречиво свидетельствуют страницы, обильно закапанные воском.

В. Г. Дружинина особо привлекали ранние выговские сборники, нередко содержащие автографы первых отцов Выгореции, со следами их большой текстологической и редакторской работы. Обращение к таким сборникам позволило Дружинину исследовать процессы формирования выговской литературной школы. Замечу, что ранние певческие нотированные сборники столь же интересны с точки зрения становления певческой традиции на Выгу и свидетельствуют о работе, проведенной Выговскими мастерами знаменного пения. Исключительной ценностью как для истории культуры Выга в целом, так и для его певческой традиции обладает рукопись из собрания В. Г. Дружинина (№ 836)¹¹. Судя по записям, она является автографом Трифона Петрова — одного из самых образованных и деятельных на Выгу «большаков»: «Книга писана Трифоном Петровым, вторым еклисиархом по Петре Прокопьевиче выгорецка общезительства брацкой часовни — им и роспеты первоначально и с сей тетради и во обиходы писали» (л. 1) (рис. 5); «первоначальные роспевы Трифана Петровича» (л. 2). Трифон Петров жил на Выгу с первых лет

основания общежительства и был одним из немногих, кто владел искусством знаменного пения. Выговский историограф Иван Филиппов свидетельствовал: «понеже преже того мало в монастыре знающих певцов было по знамени, токмо отец Даниил и Петр Прокопиев, да Леонтей Федосиев, а иные наслышкою пояху за ними по крыласам, точю Трифон Петров добре научися от Псковского Ларионова»¹². Дошедший до нас певческий сборник Трифона Петрова едва ли не единственная известная в настоящее время певческая рукопись-автограф известного выговского книжника. Ценность этой рукописи была определена самими выговцами, которые в записи сохранили нам имя писца и берегли ее как реликвию многие годы. Оценена она была и позднее, когда Ф. А. Калинин преподнес ее в дар В. Г. Дружинину в 1923 г. ко дню ангела¹³.

Сборник составлен из нескольких подборок и отдельных списков тропарей и кондаков на праздники годового месяцесловного круга. Он изобилует правками и вариантами музыкального текста и отражает процесс формирования устойчивого корпуса праздничных тропарей и кондаков, вошедшего впоследствии в «типовой» поморский Обиход. Отдельные песнопения зафиксированы в двух, трех, четырех и более вариантах, которые имеют указания: «ин перевод», «ин распев», «другий перевод», «другий перевод на извол» (вариант «на произвол»). Есть также малый и большой распевы. На полях возле некоторых текстов стоят пометы: «сие писать», «не писать», «сие писать прежде сих тропарей», «До сего», «Писать сие в строку рядом», «Сего тропаря zde не писать, но писать его во июле в 8 день» и т. п. Эти пометы были оставлены составителем типовой подборки тропарей и кондаков для поморского Обихода и отражают этап отбора материала.

В рукописи имеются также записи об источниках песнопений: «выписано с обихода в 4 листа 209» (л. 146). Особо привлекает внимание ремарка «Ис книги золотья и серебряныя полаты Государева знаменщика Андрея Гомулина» (л. 147 об.). Имя Андрея Гомулина мы находим среди государевых иконописцев середины XVII в.: «Гомулин Андрей, кормовой иконописец; был у иконного письма в церкви Евдокии мученицы в 1666 г.»¹⁴ Иконник Андрей Гомулин, возможно, доводился родственником известному московскому роспевщику и музыкальному теоретику XVII века Кирилу Гомулину¹⁵. И хотя сам Андрей Гомулин не был роспевщиком (впрочем, выговцы могли ошибочно понять слово “знаменщик” не как иконописец, выполнявший первоначальный рисунок, но как роспевщик или писец крюковой нотной строки), главное — принадлежность его к государевым мастерам придавала авторитетность источнику.

Особо следует подчеркнуть, что минейные тропари и кондаки, сведенные в самостоятельный цикл, — явление сугубо поморской старообрядческой традиции. В средневековый период тексты отпустительных

тропарей, как правило, не нотировались. В этой работе Трифон Петров проявил себя как музыкальный текстолог, редактор и роспевщик. В созданной Трифоном Петровым подборке «тропарей и кондаков в распеве» отразился круг избранных святых и праздников, особо почитаемых на Выгу.

В. Г. Дружинин целенаправленно собирал списки старообрядческих стихов. В его коллекции есть удивительные по полноте сборники покаянных и духовных стихов, сборники выговского письма, различного объема тетрадки, отдельные списки духовных стихов — всего 16 единиц хранения. К сожалению, Дружинин успел опубликовать лишь свои первоначальные исследования по духовным стихам. Так, в «Писаниях русских старообрядцев» учтено 33 стихотворных текста, из них 16 выбраны из каталога Павла Любопытного¹⁶, остальные по рукописям, при этом из собственного собрания им были задействованы только 7 сборников¹⁷. После выхода в свет Справочника «Писания старообрядцев» (1912 г.) и статьи «Словесные науки в Выговской пустыни» Дружинин продолжал работать над темой выговского стихотворства, собирал новые тексты.

Многие рукописи его собрания имеют отметку о выполненном описании самим Дружининым или его помощниками Е. Пятаевой, В. Треуховой, А. С. Любимовой, Богдановой в 1914, 1922, 1916, 1928 гг. Отдельные записи содержат атрибуцию произведений, наблюдения над филигранями: «Бум[ага]. Pro Patria Лих[ачев]. 1 изд[ание]. № 503, 1727 г.» (Друж.656), «бумага 1816 г.» (Друж. 643). Важными являются редкие записи о месте и времени приобретения или происхождения рукописи: «Стих плачь Иосифа найд[ен] в дер[евне] (Шолтопорога...), № 13» (Друж 442), «Куп[лена] 1919» (Друж. 850); «(Данилов)» (Друж. 319), «Ркп. странническая» (Друж. 496) и др.

О содержании сборников стихов В. Г. Дружинин, в частности, писал: «В сборниках помещены духовные стихи; но наряду с ними вновь составленные Поморцами стихотворения, в коих прославляется держава Российской (псалмы об орле Российском), Выгорецкие настоятели (А. Денисов) и благодетели обители; любопытно отметить, что встречаются некоторые оды Ломоносова, положенные на крюки»¹⁸. Из всего репертуара духовных стихов, бытовавших у старообрядцев в письменной традиции, Дружинина привлекало в первую очередь выговское творчество. Это стихи о Выгорецкой пустыни «О пустыне, место Выгорецко», стихи на память Андрея Денисова «Придете, помянем вси Андрея премудраго», «Приидите, восплачем вси отца нашего», «Женише мой, агньче», «Рифмы воспоминательны», «Печальный терн мене убодает», «Плачь» о Симеоне Денисове, стих и стихира надгробная Илье Ковылину, «Рифмы воспоминательны о Петре Прокопьеве», «Плачь о киновиарсе Данииле Викулине», на тезоименитство стихи на память Андрея Борисова, на день тезоиме-

нитсва Кирилла Михайловича, приветственные рифмы Наталье Козмиичне Галашевской, псалма Лексинских девиц. Некоторые другие известные в настоящее время тексты стихов выговского происхождения остались у Дружинина без комментариев, например незатейливый стишок, записанный лексинской грамотницей в одной из рукописных тетрадок¹⁹:

«На сем листочке
написано три строчки,
ис почтенья моего
Вы не вырвите его.
В пустыни очень кстати
много всякой благодати.
Пожелать тебе я рада
в жизни будущей отрада,
во всем счастлив будь,
ут, ре, ми, фа, соль не забудь»

В собрании Дружинина имеется чрезвычайно важный для изучения русской средневековой стиховой культуры сборник (Друж. 199)²⁰. Это конволют, первая часть которого является наиболее полной подборкой (93 текста) стихов покаянных. Именно этот список 60-х гг. XVII в. лег в основу справочника-инципитария «Ранняя русская лирика»²¹. Вторая часть сборника — подборка выговских и других наиболее популярных старообрядческих стихов, среди которых уникальный список стихир на погребение И. А. Кавылина²². Эту стихиру, а также стих, посвященный Андрею Денисову (рис. 6), предваряют миниатюры с изображениями отцов-основателей двух крупнейших старообрядческих центров: Преображенского федосеевского кладбища в Москве и поморского Выголексинского общежития.

В собрании В. Г. Дружинина привлекает внимание небольшая тетрадь в четвертую долю листа второй половины XVIII в. (№ 725)²³, представляющая собой оригинальную подборку гимнографических текстов. В записи, сделанной Дружининым, говорится о ее приобретении у заведующего Лодейнопольским начальным училищем Кирсанова, вывезшего ее из Данилова в 1913 году. Все тексты этой рукописи, за исключением одного, заимствованы из заупокойных чинов (стихиры покойны Иоанна Дамаскина и Феофана, канон Андрея Критского «на исход души» и Иоанна Евхаитского «канон молебен святей Богородицы от лица человеку душа разлучающуся и не могушу глаголати»). Все тексты тематически сгруппированы, а группы озаглавлены: «Воспоминание о мертвых», «Воспоминание о смерти», «Воспоминание о смертности» и «От лица смертьствующего человека». В подборке 16 текстов, четыре из которых

известны в средневековой традиции как покаянные стихи²⁴, остальные тексты ранее не распевались. В Выговской подборке все песнопения имеют совершенно оригинальные роспевы.

Примечательным является также художественное оформление рукописи: в ней содержится 4 миниатюры: «Исход из тела души праведной», «Исход из тела души грешной», изображение инока, склонившегося над разверстыми гробами (рис. 7) и миниатюра, иллюстрирующая следующие вирши: «Смертный приход горестно всякого устрашает. Иоанн, то поминая, слезы источает. Увы, аще на пути кого постигнет напрасно, ни стару бо, ни младу не уступает все равно».

Данная подборка по тематике текстов и их художественному оформлению тяготеет к широко распространенным в конце XVII—XVIII в. лицевым синодикам, которые, как известно, включали литературную часть с назидательными повестями, риторическими словами, а также отдельными гимнографическими текстами из заупокойных чинов, иногда заупокойные чины помещались целиком²⁵. В нашей подборке стихов имеются иллюстрации к тем же сюжетам, что и в лицевых синодиках²⁶. На Выгу был составлен также свой особый тип синодика — поморский Синодик²⁷. Все сказанное свидетельствует, по нашему мнению, о попытке выговцев создать своеобразный «певческий синодик», в котором ритуальные тексты теряют свою первоначальную связь с конкретным чинопоследованием и выстраиваются согласно новой композиционной логике. При этом «певческий синодик», по сути, является новой подборкой покаянных стихов, так как здесь известные литургические тексты, выходя из богослужебного обихода, приобретают новое художественное осмысление. Но в отличие от средневековых подборок, организованных по системе осмогласия, тексты в выговской подборке расположены по тематическому принципу. Следует отметить, что для выговцев тематический принцип организации текстов в книгах вообще был весьма свойственен, в частности в сборниках духовных и покаянных стихов.

Каждый из представленных в этом обзоре памятников собрания красноречиво свидетельствует о тщательном их отборе В. Г. Дружининым при формировании собственной коллекции. Очевидно, что в собирании музыкальных рукописей напрямую отразились научные интересы В. Г. Дружинина, поэтому здесь нет случайных рукописей и каждая обладает уникальными и весьма значимыми для истории культуры старообрядчества свойствами.

¹ См.: Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // АЕ за 1983 год. — М., 1985. — С. 113—125.

² См.: Дружинин В. Г. К истории крестьянского искусства XVIII — XIX веков в Олонецкой губернии (художественное наследие Выгорецкой помор-

ской обители) // Изв. АН СССР. Серия 6. Л., 1926. Вып. 15–17. С. 1479–1490; Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев / Изд. ОЛДП. Вып. 134. Пг., 1915; Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912; Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1923; Дружинин В. Г. Поморский торжественник // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34–55; Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

³ Дружинин В. Г. К истории крестьянского искусства ... С. 1490.

⁴ Отделом «по разысканию и изданию памятников старинного русского певческого искусства» в ОЛДП заведовал С. В. Смоленский — крупнейший исследователь древнерусской церковно-певческой традиции, глубокий знаток старообрядческой певческой культуры, а с 1909 г. — А. В. Преображенский. Оба исследователя могли консультировать В. Г. Дружинина по вопросам старообрядческого пения.

⁵ Большая часть рукописей имеет опубликованные научные описания, см.: Певческие рукописи в собрании Библиотеки Российской академии наук: Каталог выставки / Сост. Ф. В. Панченко. — СПб.: БАН, 1994. В каталоге краткие описания имеют рукописи собрания: Друж. 856 — С. 21. (№ 18), Друж. 199 — С. 28–29 (№ 23), Рис. 16, Друж. 496 — С. 31 (№ 28), Друж. 953 — С. 33 (№ 32). Описания 44 старообрядческих поморских певческих рукописей вошли в книгу: Певческие книги выголексинского письма: XVIII — первая половина XIX в. / Сост. Ф. В. Панченко. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. (Описание РО Библиотеки РАН. Т. 9, вып. 1.

⁶ Певческие книги выголексинского письма ... С. 291–295.

⁷ Там же. С. 104–108.

⁸ Там же. С. 84–93.

⁹ См.: Юхименко Е. М. Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежития // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 45–125.

¹⁰ См.: Юхименко Е. М. Дни тезоименитств выговских наставников // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 627–632.

¹¹ Певческие книги выголексинского письма... С. 427–433.

¹² История выговской старообрядческой пустыни. Издано по рукописи Ив. Филиппова. СПб., 1862. С. 141.

¹³ На л. I рукописи сделана запись чернилами: «Глубокоуважаемому и дорогову Василию Григорьевичу в день ангела 1923 г. Ф. А. Каликин».

¹⁴ Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903. С. 128.

¹⁵ Кирил Гомулин известен как один из создателей киноарных помет и как автор оригинального распева «Стиха об Адаме», см.: Серегина Н. С. Покаянный стих «Плач Адама о рае» распева Кирилла Гомулина // ПКНО. 1983. Л., 1985. С. 258–262.

¹⁶ Исторический словарь и каталог или библиотека староверческой церкви / Сост. П. О. Любопытного. Изд. Н. Н. Попова. М., 1866.

¹⁷ Отметим, что два Сборника при передаче коллекции в БАН не поступили.

¹⁸ Дружинин В. Г. К истории крестьянского искусства... С. 1490.

¹⁹ Друж. 435., л. 29 об. (См.: Певческие книги выголексинского письма ... С. 387–388).

²⁰ Певческие книги выголексинского письма... С. 373–377.

²¹ Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л.: БАН, 1988.

²² Дружинин. Писания... С. 181, № 5.

²³ Певческие книги выголексинского письма... С. 379–380. Второй список подборки содержится в рукописи из собр. Каликина, № 23 (Л. 118 об.—124 об.). Три текста, входящие в эту подборку встретились нам еще в трех выговских рукописях: «Добрый мои друзи и знаемии, почто не плачете...» — собр. Дружинина. № 199, 901 (БАН) и 25. 7. 1 (БАН); «Зрю ты гробе и ужасаюся видеия твоего...» — собр. Дружинина. № 199; 25. 7. 1; «Гробе ты гробе тленнии доме...» — 25. 7. 1. (Научные описания указанных рукописей содержатся в книге: Певческие книги выголексинского письма...).

²⁴ Стихи «Помянух пророка вопиюща...», «Зрю ты гробе и ужасаюся видеия твоего...», «Увы мне колик подвиг имать душа...» и «Добрый мои друзи и знаемии почто не плачете» отмечены в справочнике «Ранняя русская лирика» (№ 75, 100, 130, 82). Один стих «Гробе, ты гробе, тленнии доме...» опубликован у Бессонова (Бессонов П. А. Калики перехожие: Сб. стихов и исслед. М., 1864. Вып. 6. С. 297).

²⁵ Дедовский синодик 1803 г. / Изд. ОЛДП. СПб., 1877. Т. XIII. В начале этого Синодика помещен иллюстрированный Чин, бываемый на разлучение души с телом.

²⁶ См. например: Синодик Колясниковской церкви / Изд. ОЛДП. СПб., 1896. Т. СХ. Вып. 1. Л. 16, 28, 63.

²⁷ Пытин А. Н. Старообрядческий синодик / ПДП. СПб., 1883. Вып. 44.

Е. К. Братчикова

Выговская редакция
Сказания о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской
(список из собрания В. Г. Дружинина)

В Рукописном отделе БАН хранятся два лицевых списка Сказания о иконе Богоматери Тихвинской: один — в собрании В. Г. Дружинина, другой — в коллекции А. Е. Бурцева. Дружинин и Бурцев — известные коллекционеры иллюстрированных рукописных книг поздней традиции. Документально подтверждено, что Дружинин специализировался на собирании старообрядческих рукописей, отдавая предпочтение спискам мастеров Выго-Лексинского монастыря¹. Бурцев же в своей деятельности руководствовался принципом подборки парадно украшенных рукописных книг, поэтому вычленил из его коллекции старообрядческих, в том числе и сделанных на Выгу, — предмет атрибуционной работы.

Список «Сказания» из собрания Дружинина, вне всяких сомнений, старообрядческий². Принадлежность же Бурцевского списка к кругу старообрядческих вызывает ряд вопросов³. Тем не менее именно он и аналогичные ему списки, позволяют точно сформулировать отличия между существующими традициями рукописного лицевого «Сказания» и проследить их развитие во времени.

Лицевой список из собрания Бурцева создан не ранее второй четверти XVIII в., о чем свидетельствует бумага с филигранями, датируемыми в пределах 1738–1746 гг., а также его стилистические особенности. Рукопись на 226 листах большого формата, иллюстрированная 95-ю миниатюрами. Например, лицевое Сказание о явлении и чудесах Тихвинской иконы Богоматери из собрания Е. В. Барсова (ГИМ, Барс. 905), датированное серединой XVIII в., состоит из 200 листов и содержит 97 миниатюр⁴. Созданная в 80-е гг. XVIII в. Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской (РНБ, ОЛДП, F.38) написана на 374 листах и украшена 124 миниатюрами⁵. Несмотря на различия, незначительные между Бурцевским и Барсовским списками и более существенные в сравнении их со списком из собрания ОЛДП, все они восходят к одной и той же текстовой редакции и развивают одну и ту же лицевую традицию «Сказания», разработанную еще в древнерусский период.

В середине XVII в. по инициативе властей Тихвинского Успенского монастыря был составлен компилятивный свод, вобравший в себя все наиболее значительные сочинения, посвященные древней святыне, — иконе Богоматери Одигитрии, чудесным образом по воздуху перенесенной на реку Тихвинку. Составление свода исторически связывают с именем тихвинского мастера-иконописца Родиона Сергиева, который

в 1658 г. вложил изготовленную им иллюстрированную рукопись в Тихвинский Успенский монастырь. Этот, утраченный ныне, лицевой список послужил иконографическим образцом для последующих книг, создававшихся на протяжении XVII–XIX столетий.

Родионовская редакция текста по списку ОЛДП состоит из 10 сочинений, поделенных на 122 главы. Она включает в себя: Повесть о начале иконописания и об иконе Богоматери Одигитрии; Службу явлению иконы Богородицы Одигитрии Тихвинской (26 июня); Сказание об изображении Богоматери Одигитрии Тихвинской; Сказание о явлении иконы Богоматери Одигитрии Тихвинской; Сказание об основании Успенского Тихвинского монастыря в 1560 г.; Сказание об осаде Тихвинского Успенского монастыря шведами в 1613 г.; Сказание о пожаре в Тихвинском Успенском монастыре в 1623 г.; Сказание о поновлении иконы Богоматери Одигитрии Тихвинской в 1636 г.; Сказание о чудесах от иконы Богоматери Тихвинской в 1581–1611 гг.; Сказание о чудесах от иконы Богоматери Тихвинской в 1632–1656 гг.

Родионовская редакция по тексту Бурцевского списка представляет собой состоящую из 98 глав компиляцию, включающую в себя тексты Службы и сочинений об иконе Богоматери Тихвинской, написанных не позднее XVII столетия. В него входят: Чин каждения; Служба иконе Богоматери Тихвинской (26 июня); Повесть об изображении Богоматери Одигитрии Тихвинской; Повесть о явлениях и чудесах иконы Богоматери Тихвинской; Повесть о явлении иконы Богоматери на Тихвине; Повесть о начале монастыря Богоматери Одигитрии на Тихвине; Сказание об избавлении обители на Тихвине от нашествия немцев и других супостатов; Сказание о пожаре в Тихвинском монастыре, Сказание о поновлении иконы Богоматери Одигитрии Тихвинской; Повесть о чудесах от иконы Пресвятой Богоматери Тихвинской.

В сравнении с лицевым списком ОЛДП, список из собрания Бурцева имеет ряд характерных особенностей, которые косвенно могут свидетельствовать о принадлежности одного из них к творениям официальной церкви, другого — к старообрядческому кругу. Так, в содержании Службы (глас б) Бурцевского списка отсутствует имя правящего императора, в то время как в списке ОЛДП оно названо. В Бурцевском списке значительно сокращены батальные сцены и увеличено число рассказов о чудесах. Если в списке ОЛДП последнее из описанных чудес относится к 1656 г., то в Бурцевской рукописи находим чудеса, датированные 1659, 1663, 1675 и 1679 гг.⁶ Это отличие было замечено держателями книги. На корешке переплета, который, мог быть сделан еще до того, как рукопись попала к Бурцеву, тиснением выбито: «Чюдеса Богоматери Тихвинския».

Каждой главе Бурцевского списка соответствует одна миниатюра, исключение составляют 7, 13 и 21 главы — они без иллюстраций. Все кар-

тинки находятся на оборотной стороне листа на одном развороте с текстом, заглавие которого следует рассматривать в качестве подписи к изображению. Наиболее значимые главы превосходят миниатюры с изображением иконы Тихвинской Богоматери. Две, одна из которых перед началом повести «Об изображении Богоматери Одигитрии Тихвинской», другая — перед сказанием «Об избавлении обители на Тихвине от нашествия немцев», выполнены в иконописной манере (л. 21 об., 121 об.). Изображение же Тихвинской Богоматери перед разделом чудес по-кинописному орнаментально и по-народному красочно, что характерно для манеры украшения рукописей мастерами-старообрядцами⁷.

Восприняв родионовскую редакцию вместе с текстом Службы в честь иконы Богоматери Тихвинской, старообрядцы положили ее в основу собственного издания «Сказания», увидевшего свет в Гродно в 1789 г. И все-таки, родионовская лицевая редакция создавалась как историко-мифологическое сочинение о начале города Тихвина и о его патрональной святыне — иконе Богоматери Одигитрии. Взяв за образец лицевые списки этой редакции, старообрядцы-книжники по-своему расставили смысловые акценты: их занимала не столько историческая сторона произведения, сколько рассказы о канонах древней иконописи и чудесах, совершавшихся от намоленной святыни. Кинописная редакция «Сказания», в полной мере соответствовавшая запросам идеологов старообрядчества, появилась в 80-е гг. XVIII в. Это был принадлежащий Дружинину список, на корешке которого сохранилась наклейка с надписью, сделанной рукой коллекционера, — «Сказание о Тихвинской иконе».

Дружинин вошел в историю русского рукописного искусства как последовательный собиратель старообрядческих рукописных книг. Особую ценность его собрания составляют рукописи, созданные мастерами Выга. К числу произведений, наиболее точно выражающих художественную концепцию скриптория Выго-Лексинского монастыря, относится и список Сказания о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. Вместе с другими кодексами библиофила он с 1918 г. хранится в Рукописном отделе Российской Библиотеки академии наук.

В числе других рукописей Дружининского собрания эта имеет особую ценность хотя бы потому, что в ней сохранились две собственноручные записи коллекционера. Одна, как уже сообщалось, на корешке переплета, другая — на обороте его верхней доски. Содержание второй записи таково: «Сер. бум. 1788. Опис. 10/III. 1916 В.Д.». Это означает, что, исследуя рукопись, коллекционер разглядел на листах серой бумаги водяной знак в виде цифры «88», что позволило ее точно датировать. Опись книги была сделана Дружининым за два года до передачи ее в БАН: 10 марта 1916 года. Это подтверждено автографом коллекционера с его инициалами: «В.Д.» — Василий Дружинин.

В атрибуции Дружининского списка Выгу сомнений не возникало: археографические особенности, характер художественного оформления, добротность книжного блока и его хорошая сохранность указывают на стиль именно этой кинописной школы. Рукопись форматом в «четверку», состоит из 191 листа. Выполнена на характерной для этого скриптория сборной бумаге (белой и серой), на большинстве листов которой зафиксированы две филигранные: герб Ярославля и «Pro Patria», датируемые в пределах 1789—1799 г. Поморский полуустав, которым написан текст, идентичен почерковым образцам 80-х гг. XVIII в., созданным лексинскими писцами⁸. Книга написана густыми черными чернилами, заглавия, отдельные строки в тексте, инициалы выделены киноварью пурпурного оттенка.

К числу кодикологических особенностей рукописи, характеризующих ее как выго-лексинскую, следует отнести особенный тип разлиновки листов с 22 строчным расположением текста и с невыровненной линией внешнего поля. Список включает в себя 23 тетради по 8 листов в каждой, за исключением последней, в ней 4 листа. Тетради имеют буквенную нумерацию, которая проставлена по центру нижнего поля. На верхнем же поле листов колоннитулы двух видов: «История о чудотворной иконы» (л. 6 об.—9) и «История о чудотворной иконы пресвятыя Богородицы Тихвинская» (л. 9 об.—184 об.). Качественно сделанный переплет в виде досок, обтянутых темно-коричневой кожей с блинтовым тиснением, две латунные застежки, обрез синего цвета и наклейки-закладки из кусочков ярко-красной тафты делают нарядным этот строгий, стилистически выдержанный кодекс.

По всем составляющим Дружининский список ни что иное, как выговская редакция «Сказания о иконе Богоматери Тихвинской», возможно, что он не имеет повторений. По содержанию — это краткая компиляция на основе все той же родионовской редакции, но без текста Службы, упоминание о которой, тем не менее, содержится в самоназвании рукописи: «Повесть чудна и зело полезна. О иконе Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии честного ея Одигитрия. И о еже како уставися праздник ея праздновати. И о ставлении чудотворных ея иконы Одигитрия, иже на Тихвине. И отчасти чудес ея. Благослови отче» (л. 6).

Текст поделен на 57 глав и включает в себя: Повесть о написании иконы пречистого образа Одигитрии; Повесть о явлении иконы Богородицы Одигитрии на Тихвине; Повесть о пришествии чудотворной иконы Богородицы из Царьграда в Россию; Сказание о избавлении Тихвинской обители от «зловерных и поганых варяг» («Месяца сентября 15 день»); Сказание о торжествах в честь образа Богородицы Одигитрии, совершающихся в ее обители; Сказание о великом пожаре. О иконе Богородицы

Одигитрии. И о кресте; Сказание о поновлении чудотворного образа Богородицы; Повесть о чудесах пречистого образа Богородицы Одигитрии — цикл из 50 чудес (первое датированное чудо 1593 г, последнее 1636 г.); Повесть о чудесах от иконы Богородицы Одигитрии — цикл из 26 чудес (первое датированное чудо 1663 г., последнее 1675 г.).

Отличительной особенностью текста Дружининского списка является своеобразный подход к передаче исторического материала. В ряду точно подогнанных одна к другой глав нет такой, в названии которой было бы упомянуто строительство Тихвинского монастыря. Для примера, по заглавиям Бурцевского списка можно составить представление о возведении первой деревянной церкви (гл. 9); о строительстве часовни на месте беседы Богородицы со святым Николаем (гл. 13); о пожаре и «поставлении» второй церкви и часовни (гл. 14); о «погорении» третьей церкви и часовни (гл. 16); о возведении каменной церкви и Беседного монастыря (гл. 17); о начале и «устроении» Тихвинского монастыря (гл. 22).

Зато тема защиты отечества в Дружининском списке разработана тщательно, как ни в одном другом. Из пространных названий его глав узнаем о заступничестве иконы Богоматери Одигитрии не только за Тихвинский монастырь, но за все Северо-Западные земли Руси. Благодаря покровительству чудотворного образа от нашествия «поганых варяг» (гл. 12, 23) и «зловерных немцев» (гл. 18–54) была спасена обитель на Тихвине, а также Великий Новгород (гл. 13, 42, 45, 53), Псков (гл. 15), Соловецкий монастырь (гл. 35). В составленном на Выгу тексте названы имена военачальников: Леонтия Арцыбашева, царских воевод — князя Симеона Прозоровского и Леонтия Веняминова (гл. 16, 24). Только в Дружининском списке имеются главы под названием: «О приступе безбожных к велицей обители и паки к девичью монастырю, и о победе Богоматере на них. Глава 27» (л. 61–62); «О пришествии воеводы князя Симеона из девичья монастыря во обитель Богоматере. Глава 29» (л. 63–64).

Судя по манере письма, Дружининский список «Сказания» создан в женской общине Выго-Лексинского монастыря — на Лексе. Искусную девичью руку выдает ее художественное убранство, состоящее из кинварных инициалов, одной орнаментальной заставки и одной миниатюры. Инициалы, которые, возможно, выполнялись той же мастерицей, которая переписывала текст, открывают каждую новую главу сочинения. В их написании можно выделить несколько типов. Простые неорнаментированные, а таких в рукописи большинство, отличаются от строчной буквы только размерами и цветом. Более сложные по начертанию — инициалы, сочетающие шрифтовые и орнаментальные элементы. Они двойного контура с широкой внутренней линией и тонкой внешней, с «бусинами-консольками», фиксирующими основание, центр и верхнюю точку, с дважды повторенным на каждой вертикальной линии ор-

наментальным элементом в виде тонких «усиков» и «крестика» между ними, с «узелком» на перекладине.

Наконец, пышно декорированные большие инициалы. Они значительно крупнее других, в высоту 5–7 строк, и вдаются в текст на 7–8 знаков. В их начертании сохраняется принцип двойного контура. Стройные четко очерченные вертикальные линии симметрично с двух сторон оплетают орнаментальные завитки в виде пера или спирали, декорированные «листочками», «ягодами» на плодоножке, бутонами мака, головками колокольчика, цветами, похожими на звезды, маленькими пиками. Узор в каждом своем элементе прорисован тонко с едва заметным нажимом при переходе от одного завитка к другому, он создает впечатление легкого облака вокруг графически четкого остова инициала. Таких, сложных по своей разработке, букв в рукописи всего пять (л. 6 об., 17, 19 об., 20, 20 об.). Миниатюрная манера исполнения свидетельствует о безукоризненном владении автора искусством мастера-«травщика» (рис. 1).

Все богатство орнаментального убранства сосредоточено на первых листах рукописи. Лист с заглавием декорирует орнаментальная заставка — типичный образец поморского стиля (л. 6). Она представляет собой центрическую композицию на двухступенчатом основании. Формообразующий орнаментальный элемент — акантовый лист, на изгибах которого развивается композиционное движение, начинающееся с краев и восходящее к вершине. Крайние листья опускаются на нижнюю ступень основания, два листа симметрично оплетают его верхнюю ступень. Центральная ось композиции — вазон со сферическими кольцами, из которого «вырастает» бутон красного цветка. Почти скульптурную объемность придает орнаменту барочная причудливость крупных листьев, контрастный черно-белый рисунок, роспись тушью приемом «в перо». В качестве фона использован зеленый цвет, а также твореное золото, что является одной из самых характерных стилистических черт выго-лексинского орнамента (рис. 2).

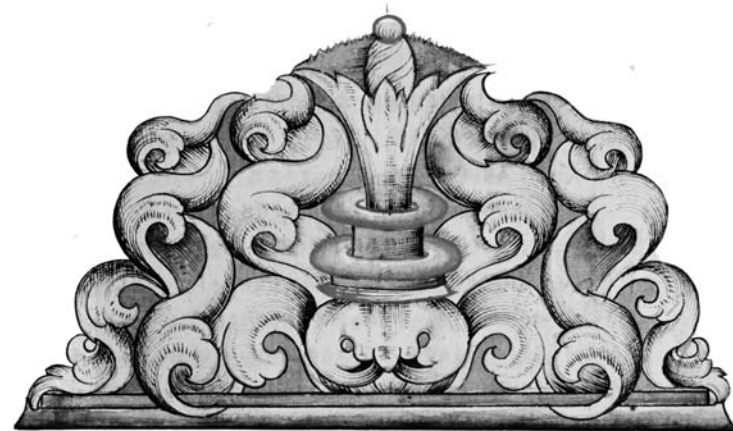
Единственная миниатюра Дружининского списка — это изображение иконы Тихвинской Богоматери, которое, в данном случае, не просто фронтиспис книги, но иллюстрация к тексту, имевшему для создателей рукописи основополагающее значение (л. 5 об.). Иконографический тип образа Тихвинской Богоматери — Одигитрия — поясное изображение Марии с Младенцем, сидящим на ее левой руке. Ладонь правой руки Матери раскрыта в сторону Сына в жесте «обращения», при котором большой палец отстранен, а безымянный и мизинец скрыты за плотно сжатыми указательным и средним пальцами. Христос сидит лицом к Матери, скрестив босые ножки так, что из-под длинного гиматия видна стопа правой и носочек левой ноги. Младенец держит свиток в левой руке, правой же благословляет. Его жест с сомкнутыми в двуперстном

пресѣяа бѣи тѣхѣи

тюдотворныа иконы одигитрія . предва
риже блаженныи ісѣаннѣ дамаскннѣ
догматы . еже естъ етихѣры праздни
ка ради ещѣа претѣи бѣи . внидѣ же
неконное и непостижимое бжѣство
гавлаа . и еже сопрносошное слова свое
ство . нестѣго дѣи шѣи неіемѣ копло
щеніе шпрно дѣи мріи даземныа шво
житѣ .

шѣавленіи тюдотворныа иконы пресѣяа
бѣи одигитрія наптидѣннѣ . глава к .

Иакиже дапредложимѣ повѣстѣ
пресѣяа . и оужиеа и оудивае
ніа исполнена . шиконѣ пресѣяа
бѣи тѣхѣи еа одигитрія
гавльшенса в рѣстѣи земли
напелѣдокѣ лѣпомѣ . шѣоз
даніа мѣра . влѣпо шѣсть тысащное
оємѣ сочѣ дѣвѣтьдѣсѣть нѣрѣаго . при
чрѣ грѣтѣстѣмѣ и вѣннѣ палеологѣ .
водниже влѣотѣстѣваго великаго кня
за димитрія и вѣннѣи московскаго

ПОВѢСТѢ ТЮДНА

исѣло полезна . шиконѣ пресѣяа вѣи
нашеа бѣи и прно дѣи мріи тѣхѣа еа
одигитрія . и шѣже кѣко оупаиенса празд
никѣ еа праздновати . и шѣавленіи тюд
отворныа еа иконы одигитрія . и же
наптидѣннѣ . и шѣтѣсти тѣ
дѣель еа . влѣслоки .
оіе .

і

Рис. 3. Фронтиспис с изображением иконы Богоматери Тихвинской. БАН, Друж. 54 (78). Л. 5 об.

знамени пальцами обращен к Марии. Жесты правых рук Матери и Сына образуют дугообразную линию, похожую на чашу. Мария печально склоняет голову перед Христом, их лики обращены друг к другу, но взгляды не встречаются: она погружена в себя, он смотрит прямо вдаль. Образы нежные и спокойные, полные света и тепла (рис. 3).

Миниатюра выполнена в иконописной манере предельно аккуратно. В два цвета: черной тушью по белому фону прорисованы черты лиц, «ручки» и «ножки», легкой штриховкой намечены волосы Христа. Одежды, напротив, написаны красочно и плотно. Контраст темно-вишневого мафория Марии и золотисто-желтого гиматия Христа смягчает оранжевый цвет, которым прописана кайма на одежде Матери и яркие складки на одежде Сына. И только тени в виде черных полос, положенные схематично и не по форме, выдают руку миниатюриста, привыкшего работать с линией, но не с цветовыми пятнами. Фон миниатюры белый с легким зеленым притенением с внутренней стороны рамки. Нимбы большие и плоские (у Христа — крестчатый), декорированные твореным золотом, что является еще одним свидетельством работы мастера с иконописного образца.

Миниатюрист Дружининского списка тщательно выполнил изображение иконы. Ему важно было убедить читателя в том, что он обращается к первообразу Богоматери Одигитрии. Эту же идею утверждают и редакторы текста. В названии «Повести» они подчеркивают мысль о чудесном переносе на Тихвину Одигитрии. Сокращая текст родионовского «Сказания», тем не менее, полностью сохраняют «Повесть» о древнейшей святыне — иконе, написанной, по преданию, евангелистом Лукой с «живства» т.е. с натуры. В результате первая глава, которая называется «Паки же о написании иконы пречистаго ея образа Одигитрия, да предложим слово» (л. 7 об.—16 об.), — самая обширная в выговской редакции текста.

В тексте первой главы Дружининского списка находим описание иконы Богоматери Одигитрии, получившей на Руси название Тихвинской. По характеру изложения это описание сродни толковому иконописному подлиннику. Если же рассматривать его с позиций современного художественного анализа, то вполне сопоставимо с музейным или даже инвентарным описанием, настолько точен в словах и внимателен к деталям его составитель. Из текста узнаем, что евангелист Лука выполнил живописное изображение Пречистой Владычицы Присно Девы Марии на «дце». Видение изящное и «зауподоблено опасно». Мария представлена в возрасте «средней меры». Ее благодатное и святое лицо «малоокругло», чело «святолепно», продолговатый нос «доброгладостно налево лежащ». Глаза добрые черные и «благокрасне зеницы». Брови узкие, всенепорочные, «червленою красотою побагряны». Персты «бла-

гоприятных рук» тонкостью истонченные, но умеренной долготы. Волосы русые.

Риза на Ней темно-багряная «рясны златыми одеяна и преукрашена». Над головой звезда — свидетельство того, что Мария — «яко прежде рождева дева». И на правом плече звезда, символизирующая, что Мария «и в рожестве дева». На левом плече тоже звезда, означающая, что Мария непорочна и девство имеет: «и по рожестве паки дева». Монограмма Богоматери, начертанная по обеим от нее сторонам, названа в тексте «Повести» «письменами и пословицами греческими», которые, в переводе на славянский язык, толкуются как Матерь Божия.

В объятии левой руки Марии — Превечный Младенец от Духа Святого из Нее воплощенный без семени. Седящ «яко царь» в ризе позолоченной и испещренной. Имеющий в образе младенческую кротость, «благоочлив и доброносе». Русый, волос на голове мало, «горблен» немного. Персты Его пречистой руки длины умеренной. Вокруг Божественной главы — венец с крестообразным начертанием и триипостасными буквами.

Правая рука простерта как в благословении, как призывая благословенных. Божественные персты три согнуты и друг ко другу присовокуплены по образу неразделимой и единосущной Троицы. Два же «великих» перста вытянуты и обозначают Его Божественное и человеческое начало в одной ипостаси. Левая рука согнута и в ней свиток, как души праведных в «руце Божии», да не коснется их мучение.

Правая нога облежена и под левую подложена, стопа приподнята кверху: да облежатся грехи верующим в Него и поклоняющимся Его образу, и во второе Его пришествие «возмутся горевстретения». Левая же нога отягчение имеет (т. е. под одеждой) и вытянута вниз: да не верующие в Него отягчатся от греха и сойдут в ад. Предвосхищая страстные мученья Христа, благостный Исайя пророчествовал, говоря: «Ему же, владыке, бысть на раме Его. И миру Его несть предела. Имя Его — Ангел Великого Совета. В конце описания автор «Повести» добавляет фразу, которая позволяет ему перейти к анализу иконографии. Он пишет: «Так божественный апостол Лука соединил на иконе Христово изображение и Матери Его Богородицы. Приносит икону к первообразной госпоже и Царице Небесной. Она же, очи свои на ту икону возложив, вспомнила небесное пророчество...».

В иконографии Богоматери Одигитрии, достаточно разработанной и в тексте Дружининского «Сказания», отмечено несколько существенных признаков, исходя из которых, истолковывают символику этого образа. В числе других Богородичных икон, Тихвинская Одигитрия выделяется необычной позой Христа с подвернутой правой ножкой и ее обнаженной стопой. В скрещенных ножках Эммануила усматривают связь с образом пасхального агнца, в содержании которого заложена страстная символи-

ка. Другая важная деталь — обнаженная стопа Младенца, свидетельствующая о нем как о Спасителе, является, по мнению И. Бенчева, исключительным иконографическим мотивом Тихвинской Одигитрии⁹.

Иконографический мотив обнаженной стопы Эммануила принято толковать, исходя из библейского понимания Едемского обетования о семени жены, которое поразит искусителя в голову, и искусителя, жальщим в пяду рожденного женою (Быт 3:15). Однако, по мнению И. А. Шалиной, эта деталь представляется не менее значимой в контексте теофанического видения Моисея, во имя святости места явления снявшего обувь свою (Исх. 3:5). Таким образом, устанавливается символическая связь Тихвинской иконы с образом Неопалимой Купины, на которой пророк Моисей изображен босым с горящим кустом в правой руке. Исследовательница находит также и другое истолкование, вспоминая новозаветный рассказ об омовении ног ученикам накануне Страстей и связывая его с обрядом омовения чудотворной иконы, происходящим в Успенском соборе Тихвинского монастыря каждый Великий Четверг¹⁰.

Страстная символика, которой книжники-старообрядцы придавали первостепенное значение, в иконографии Богоматери Тихвинской раскрыта во многих проявлениях. Она «прочитывается» не только в мотиве скрещенных ножек и обнаженной стопы, но также в жестах правых рук Марии и Христа, образующих фигуру в виде чаши. Чаша — как один из символов Страстей Христовых, — непреходящий атрибут Тайной вечери, на которой Христос, подал ее ученикам со словами: «Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета» (Матф. 26: 27, 28). Изображение чаши в потоке света, исходящего с небес, находим в композиции «Да минует меня чаша сия» (Матф. 26:39, 42). В апокрифическом Евангелии Никодима — одном из литературных источников «Страстей Христовых»¹¹, упоминается чаша, в которой Иосиф Аримафейский хранил кровь Христа, пролитую на Голгофе. Эта чаша известна в мировой истории как священный Грааль.

Из первой главы «Сказания» выговской редакции, узнаем, что «страстная» суть заключена и в символах-буквах на крестчатом нимбе Христа. Как известно, крест в нимбе, являясь принадлежностью исключительно Спасителя, как раз и указывает на Его страдания по человечеству. Надпись же на кресте может истолковываться так: **ω** — «еже есть отеческий»; **о** — «ум» (оумь); **и** — «непостижим Сын и все убо свидетельство Божеству Его» (л.10). И эти же литеры, когда «по страсти бо Его пишут», означают: первая — «от небес приидох»; вторая — «они же Меня не познаша»; третья — «на Божество Его без страсти пребых» (л. 10). Такова трактовка страстной символики образа.

Другая, характерная для Тихвинской Богоматери иконографическая особенность — перстосложение Христа — нашла развитие в вероучении старообрядцев. Из всех известных типов Одигитрии ревнителю старой

веры выбрали Тихвинскую, сделав ее образцовой в решении вопроса о крестном знамении. По мнению А. В. Вознесенского, отождествление Тихвинской иконы с иконой Одигитрии, написанной евангелистом Лукой, позволило считать характерное для нее перстосложение Младенца первостепенным аргументом в пользу древности и, следовательно, истинности дуперстия. Особая важность этого свидетельства заключалась в том, что иконное изображение могло служить в качестве доказательства в поддержку старообрядческого мнения о перстосложении даже для неграмотных¹². Центром же такого почитания иконы, как справедливо заметил Г. Пуцко, как раз и являлся Выго-Лексинский монастырь¹³.

¹ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник. 1983. С. 113–123.

² Описание Рукописного Отдела Библиотеки РАН. Т. 10, вып. 1. Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков. СПб., 2010. С. 203–208.

³ Там же. С. 188–203.

⁴ 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988. С. 419 № 401. С. 283 № 401, 401а.

⁵ Крушельницкая Е. В. Книга об иконе Богородицы Одигитрии Тихвинской. СПб., 2004. Факсимильное издание рукописи РНБ, ОЛДП, Ф. 38.

⁶ В датировке чудес Бурцевский список близок Барсовскому, в котором последнее из чудес относится к 1678 г.

⁷ О своеобразии графическо-орнаментальной манеры миниатюристов-старообрядцев в изображении архитектурных ансамблей см.: Серебрякова Е. И. Лицевые рукописи повествований о чудотворной иконе Богородицы Тихвинской в собрании ГИМ // Чудотворная икона Тихвинской Богородицы: иконография — история — почитание. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 2001. С. 46–47.

⁸ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. II. М., 2002. Табл. 67.

⁹ Бенчев И. К иконологии и иконографии иконы Тихвинской Богородицы // Чудотворная икона Тихвинской Богородицы: иконография — история — почитание. С. 37–40.

¹⁰ Шалина И. А. Иконография иконы Богородицы Тихвинской и ее символический замысел // Чудотворная икона Тихвинской Богородицы: иконография — история — почитание. С. 35–37.

¹¹ Братчикова Е. К. «Страсти Христовы» в лицевой рукописной традиции мастеров-старообрядцев // Материалы и сообщения по фондам Отдела Рукописей БАН. СПб., 2006. С. 74–83.

¹² Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. СПб., 1996. С. 123–125.

¹³ Пуцко В. Г. Образ Богородицы Тихвинской в пластическом искусстве // Чудотворная икона Тихвинской Богородицы: иконография — история — почитание. С. 47–50.

«Бабушкинские святцы»

В отделе рукописей Библиотеки академии наук в собрании В. Г. Дружинина хранится ряд рукописей, принадлежавших Федору Петровичу Бабушкину (1764–1842) — книжнику, знатоку священного писания, библиографу, киновиарху Выговского монастыря в 1830–1842 гг., деятельность которого подробно освещена в монографии Е. М. Юхименко¹.

Ф. П. Бабушкин был книжником в полном смысле этого слова, что для поморского общегития не редкость. Перепиской книг он занимался едва ли не всю свою жизнь. В собрании Дружинина хранится, в частности, переписанный его рукой Устав (БАН, Дружинин 327). Послания Ф. П. Бабушкина являются ценным источником по истории Выга последней трети XVIII века.

По-видимому, Бабушкин занимался снабжением выговской и петербургской общин книгами, о чем может свидетельствовать каталог приобретенных им в 1820-е гг. изданий. Среди них значились не только произведения церковного содержания, но и работы по истории, математике, ботанике, физике и химии, в числе последних — сочинения М. В. Ломоносова, а также описания путешествий и художественная литература².

Своей деятельностью Ф. П. Бабушкин снискал славу первого поморского библиографа. Так, составляя оглавления к рукописным сборникам, он иногда указывал на авторство вошедших в них статей. Известен также библиографический указатель, составленный Бабушкиным: «Резеэстр архиереям российским во время Никоновой перемены бывшим, а имянно по епархиам, тогда бывшим» (РГБ. Ф. 37, № 252. Л. 266–267, 269–270 об.)³.

Особое внимание Ф. П. Бабушкин уделял собиранию данных о святых. В какой-то мере он продолжил выговские традиции сбора сведений о русских святых, в том числе о неканонизированных или местночтимых. Об этом свидетельствуют составленный им в календарном порядке каталог русских святых-чудотворцев («Описание всех в России просиявших чудесами мужей и жен»), упоминаемый в «Каталоге» Павла Любопытного⁴, и переписанный его рукой список «Российские святые», датированный 1780-ми гг. (РГБ. Ф. 37, № 252. Л. 268–268 об.)⁵.

Почитание русских святых дониконовского периода было распространено на Выгу (здесь можно вспомнить, например, такое сочинение, как «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в Росии восиявших, яко о святости жития, тако и о преславных чудесах их» Семена Денисова и другие книжные проекты, в том числе составленные братьями Денисовыми Четьи Минеи). Традицию составлять полные перечни святых

продолжил в начале XIX в. керженский инок Иона, составивший «Алфавит духовный» (1807–1811), ныне хранящийся в Ярославском музее-заповеднике (инв. № 15544). Следует отметить, что эта тенденция совпала с той, что прослеживается в конце XVIII–начале XIX в. и в официальной церкви, представителями которой, в частности Евгением (Болховитиновым), в этот период осуществляется сбор данных о всех местночтимых угодниках и святых допетровского времени.

Вернемся, однако, к Бабушкину и его святцам. Из сохранившихся свидетельств видно, что его интересовало как можно более полное указание на святых и на дни их памяти, но не житийные памятники, им посвященные.

Одним из способов, которым пользовался Ф. П. Бабушкин для сбора сведений о святых, было пополнение списков месяцесловов новыми памятниками. Об этом свидетельствуют списки святцев с его добавлениями. Значительное количество исправлений Бабушкина отмечено в рукописи Святцев с пасхалией 1-й четверти XVIII в. (БАН, Дружинин 736, 4°, 330 л., конволют, первая часть — филигрань типа Дианова. Амстердам. 429 (1735 г.), пасхалия — с 7228 (1720) г.), вставки конца XVIII в. и нач. XIX в. (Pro Patria нескольких типов, в том числе с «белой датой»: 1812 г.): л. 81–88, 120–312, 318–326).

Дополнения в Друж. 736 внесены двумя почерками — Бабушкина и другим — более четким полууставом. Они читаются на полях в Друж. 736, и в специально оставленных местах после каждого дня календаря. В рукопись вносились отсутствующие в основном тексте святцев сведения о праздновании памяти святых или днях празднования икон, не только российских, но и восточных церквей. Сведения содержат, как правило, только имя святого или именование иконы, иногда год представления подвижника или явления образа; частично дублируются. Внесение новых памятней подразумевало, вероятно, копирование этих сведений в дальнейшем.

Часть исправлений, сделанных Бабушкиным, была внесена в рукопись, выполненную, возможно, по его заказу в начале XIX в. — БАН, Дружинин 131. Это рукопись в восьмую долю листа, несколько обрезанная по вертикали, включает 325 листов и содержит, помимо месяцесловной части, также пасхалию и лунное течение. На фронтисписе в овале, окруженном пышным орнаментом, в качестве эпиграфа помещены такие строки: «Яко же небо украшено безчисленными звездами, тако и книга сия наполнена святых именами»⁶. Первый год в пасхалии — 7296 (1788) г., что в данной ситуации вряд ли может послужить датирующим признаком⁷. Дощатый переплет в коже поврежден — множество следов жучка, средник утрачен. Рукопись богато орнаментирована, начиная от титульного листа, заставок и выполненных золотом инициалов. Имею-

щаяся в ней миниатюра с изображением Федора Стратилата, вероятно, может служить подтверждением тому, что рукопись предназначалась лично для Ф. П. Бабушкина, хотя, возможно, ее протограф был выполнен для прежнего выговского наставника Андрея Борисова (1734–1791), принявшего в старообрядческом крещении имя Феодор⁸.

Исправления, внесенные рукой Бабушкина в Друж. 131, в Друж. 736, как и следовало ожидать, не отразились. Однако далеко не все исправления, внесенные Бабушкиным в Друж. 736, попали в Друж. 131, так что считать Друж. 131 копией с Друж. 736 не следует. В числе не внесенных в Друж. 131 добавлений к Друж. 736 — указание под 17 июля (л. 68): «В сий день празднуем российским всем чудотворцам».

Исправления, сделанные обоими почерками в Друж. 736, читаются в основном тексте Друж. 131. Отдельные исправления рукой Бабушкина внесены в обе рукописи: т. е., вероятно, на каком-то этапе правка вносились в оба списка одновременно. Не исключено, что какая-то часть исправлений Друж. 736 игнорировалась писцом Друж. 131, но также можно предположить, что правка в Друж. 736 была внесена с какой-то рукописи, использованной при создании Друж. 131 или ее протографа. Даты в Друж. 736, как правило, проставлены кириллицей, в Друж. 131 — римскими цифрами, хотя встречаются и исключения. Часть памятней, особенно русских святых, имеющих в Друж. 736 на полях, вписана в Друж. 131 киноварью основным почерком⁹.

Святцы Друж. 131 послужили оригиналом для более поздней копии. Большинство добавлений, внесенных в виде маргиналий в Друж. 131, были учтены в списке, сделанном с Друж. 131, — БАН, Дружинин 130 (за некоторым исключением, вызванным, возможно, тем, что отдельные добавления переписчик новой рукописи не смог прочесть). Друж. 130 — рукопись такого же формата, как и Друж. 131, судя по штемпелю бумаги, датируемому серединой 1840-х гг.¹⁰, копия была создана спустя несколько десятилетий, при этом в очень тяжелое для выговцев время. Несмотря на это, она буквально следовала оригиналу, в частности, было сохранено оформление и пасхальные данные с 1788 г. (что в очередной раз служит свидетельством не слишком большой надежности датировки по пасхалии).

Какие же источники использовал Ф. П. Бабушкин для редактирования святцев? Это и печатные издания, и рукописи. Следует, впрочем, указать, что наиболее полные дониконовские издания святцев (1646 и 1648 гг.), не включали многие памяти местночтимых святых, вошедшие в святцы Бабушкина. Поэтому, скорее всего, источником служили рукописные святцы, иконописные подлинники и перечни, подобные «Книге глаголемой описание о российских святых». Вероятно, в случаях, когда даты преставления в источнике отсутствовали, имя его могло быть поме-

щено в день памяти соименного святого. Осмелюсь также предположить, что сведения могли заимствоваться и из изданий господствующей церкви. В отдельных случаях в Друж. 131 внесены и сведения о недавних событиях, например (л. 110 об.), имеется указание на перенесение мощей новгородского архиепископа Феокиста в Юрьеве монастыре в 1786 г.

Сведения, помещаемые в святцы, по всей видимости, не проверялись. Точность указаний, таким образом, была не слишком высокой. Напластование сведений из разных источников приводило к дублированию сведений об одном и том же святом: так, под 22 апреля в святцах Друж. 131 указана память Георгия юродивого, «иже на Ваге», а под 23 апреля он же поминается как Георгий Шенкурский. Память Вассиана из Ястребской пустыни приписана под 10 октября в Друж. 736 (л. 14), в Друж. 131 вставлена в основной текст (л. 35), при этом в обеих рукописях эта память приписана почерком Бабушкина и под 2 сентября. Вставка в Друж. 131 под 1 сентября — празднование Богородицы Азуровской 6364 г. — в Друж. 736 помещено под 1 октября. Кроме того, переписчик Друж. 131 был небрежен: помимо указания под 3 октября имени Дионисия на Вяти (вместо: на Ояти), под 26 августа он дважды указал память Андриана Пошехонского, причем второй раз обозначил его как «Андреяна в Пошелонии».

Некоторые памяти, указанные в «Бабушкинских святцах», в других списках не встречаются — как например, памяти Леонида Устьнедумского и Иулиании Семигородской.

Память преподобного Леонида Устьнедумского (17 июля) вписана в Друж. 736 на л. 68 и читается в основном тексте Друж. 131, л. 232. Пострижник Кожеозерского монастыря Леонид, которому еще в миру было явление Богородицы, повелевшей взять в Моржевской Николаевской пустыни образ Одигитрии и отнести ее на реку Лузу в Устюжском крае, поставил в указанном ему месте келью, затем воздвиг часовню и церковь и выкопал канал, названный им рекой Недумой. О прославлении старца Леонида (ум. 1654) сведений нет, чудесами прославлена икона Одигитрии, принесенная им в пустынь¹¹.

Память Иулиании Семигородской (17 августа) имеется в основном тексте Друж. 131, тогда как в Друж. 736 отсутствует, что еще раз свидетельствует о наличии у переписчика Друж. 131 источника, не совпадающего полностью с Друж. 736.

Старица Иулиания была строительницей Семигородской пустыни, расположенной в 25 верстах от Сосновского Дионисиево-Глушицкого монастыря. Как повествует устное предание, пустынь была основана учениками Дионисия Глушицкого (ум. 1437) в XV в., но во время мора запустела. Старица Иулиания (Медведкова) по явлению ей святой ико-

ны Успения, написанной, по преданию, самим преподобным Дионисием, отправилась на место, где находилась пустынь. Сохранившееся Сказание об Успенской иконе в Семигородском монастыре повествует о чудесах от явленной иконы¹². Пустынь была бедной и вскоре потеряла самостоятельность — была вновь обращена в мужскую обитель и приписана к Глушицкому монастырю. Особым почитанием икона пользовалась в XIX веке — ее неоднократно носили в г. Кадников и даже в Вологду во время эпидемии холеры в 1831 и 1871 гг. Есть указание на день празднования Семигородной иконы и в Бабушкинских святцах. Однако память самой Иулиании в святцах, как правило, не встречается, нет упоминания о ней в «Описании о российских святых» и фиксация их в святцах Друж. 131 и 130 — едва ли не единственное своего рода свидетельство почитания ее.

Вниманием Ф. П. Бабушкина пользовались и сведения о явлении чудотворных икон, в том числе прославленных в XVII в., почитание которых было ограничено местностью, в которой они были явлены. При этом каких-то географических предпочтений у составителя святцев не было. Так, в основном тексте святцев Друж. 131 можно встретить указание на празднование 1 мая явления Богородицы Царевококшайской (1647 г.) и иконы Богородицы в Игришах (28 июля). К числу дополнений, внесенных рукой Бабушкина в основной текст Друж. 131, относятся пометы под 15 октября (празднование явления в Пензенской губернии Богородицы Нижнеломовской, 1643 г.), 30 мая — Богородицы Исаковской в Пошехонском уезде (1659 г.). Под 2 ноября 2-м редакторским почерком в Друж. 736 внесено празднование Шуйской иконы Богородицы (л. 19), в Друж. 131 это известие вписано под этим же числом рукой Бабушкина. Все перечисленные иконы были местно чтимыми и распространение их почитания за пределы местности, в которой они были явлены, неизвестно.

Несмотря на достаточно большое количество ошибок, повторов данных и других погрешностей, свойственных подобного рода сводам, сведения святцев Бабушкина о малоизвестных святых востребованы до сих пор, так как позволяют делать вывод о почитании того или иного подвижника или той или иной иконы. Впрочем, обилие сведений, в том числе непроверенных, вызывало, вероятно, и некоторое недоверие к тексту «Бабушкинских святцев» — практическое применение их вряд ли было возможно, что делает их прежде всего памятником библиографии.

¹¹ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 470–475 и др.

¹² Там же. С. 474.

¹³ Там же. С. 475.

⁴ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 58.

⁵ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь... С. 475.

Рукопись включает неполный перечень имен князей и княгинь, митрополитов, епископов, архимандритов, игуменов и преподобных. Большинство указанных имен не сопровождается датами, а для основателей монастырей и преподобных приведены только имена, без дат и географических указаний. Список, очевидно, не был окончен.

⁶ На форзаце рукой В. Г. Дружинина: «Святцы Ф. П. Бабушкина. Добавления внесены им, его рукой. Особенно важно — внесены Поморские святые. В. Д.».

⁷ В заголовке пасхалии сохранилось указание, что ряд лет начинался с 220-го года (т. е. с 1712 г.), и перед началом расчетов с 7298 г. оставлен чистый разворот, на котором, исходя из данных последующих разворотов, могли поместиться данные для 23–24 лет. Рукопись написана на бумаге «рожек в шите под короной» с литерами АО, в растительной рамке большого формата (*Uchastkina Z. V. A History of Russian hand papermills and their watermarks. Hilversum, 1962. № 673 (1805 г.)*) и отчасти на бумаге без филигрanei (машинного производства).

⁸ Последнее предположение было высказано Е. М. Юхименко в устной беседе.

⁹ Использование киновари в данном случае не может рассматриваться как свидетельство особого значения праздника или памяти святого и указывает, возможно, на то, что с помощью цветового выделения переписчик обозначал праздники, вписанные на полях в использованном им протографе.

¹⁰ Штемпель — Углицкая бумажная фабрика НсП (1844 г.) — *Клепиков С. А. Филигрanei и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX в. М., 1959. № 158.*

¹¹ Текст памятника издан: *Зенкова О. Б. Устьнедумская Богородичная пустынь // Монастыри России: Материалы VII Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2000. Вып. 7. С. 206–228.*

¹² *Романова А. А. Рукописная традиция Сказания об Успенской Семигородней пустыни // Северная Русь: Исследования и материалы. Вологда, 2009.*

Е. Г. Попова-Яцкевич

Василий Григорьевич Дружинин, его предки и родственное окружение

Роль в развитии отечественной науки историка Василия Григорьевича Дружинина замалчивалась на протяжении нескольких десятилетий. Наследие ученого стало изучаться с 1980-х годов, когда исследователи обратились к его коллекциям старообрядческих рукописей, книг, икон, поморского литья¹. Позднее появились работы, посвященные жизненному и творческому пути Дружинина. В них были прослежены истоки археографической деятельности ученого, введены в научный оборот материалы о его роли в организации исторической науки².

Семейное окружение, родственные связи, история семьи Василия Григорьевича еще не становились предметом исследования, несмотря на существование двух биографических источников — рукописи В. Г. Дружинина «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» и «Дневник» его дяди Александра Васильевича. Интересные для каждого читателя, они содержат уникальные сведения о семье, предках, круге общения, литературных и научных связях писателя и историка Дружининых³.

Род Дружининых ведется с конца XVIII в., от Василия Федоровича, который родился в 1771 г. В 10 лет он вступил в армию солдатом, с лейб-гвардии Измайловским полком принимал участие в военных походах А. В. Суворова. После ранения в сражении под Цюрихом 15 сентября 1800 г. вышел в отставку штабс-капитаном. Гражданскую службу В. Ф. Дружинин начал казначеем и экзекутором Московского почтамта⁴. Во время вступления французской армии в Москву Василий Федорович потерял все свое имущество, но сохранил денежный ящик почтамта и доставил его по принадлежности. В признание его заслуг и «Во вознаграждение понесенных потерь Всемилостивейше повелено произвести в пансион посмертно 1200 рублей в год сверх жалования из государственного казначейства»⁵. В. Ф. Дружинин был переведен в Санкт-Петербург и закончил службу помощником окружного почт-директора, действительным статским советником, кавалером орденов св. Владимира и св. Анны 2 ст. В 1818 г. Василий Федорович женился на вдове полковника Ширяева Марии Павловне, у которой был сын Николай. Семья жила в доме почтового ведомства на Адмиралтейской стороне.

В 1820 г. Дружинины приобрели в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии «1350 десятин земли и 45 душ мужеска пола крепостных» и построили усадьбы Васильевка и Марьинское. Став помещиком, Василий Федорович начал ходатайствовать о признании в дворянстве и 24 ян-

варя 1827 г. Определением Санкт-Петербургского Дворянского собрания был внесен в 3 часть Родословной книги СПб губернии вместе с женой и тремя родными детьми, Андреем, Григорием и Александром⁶.

До 16 лет мальчики воспитывались дома, затем в военных учебных заведениях. В 1838 г. Андрей⁷ и Григорий вступили в лейб-гвардии Финляндский полк. Он располагался на Васильевском острове, в квартале между 19 и 20 линиями, Николаевской набережной (ныне наб. лейт. Шмидта) и Большим проспектом⁸. Офицеры и солдаты полка несли службу по охране императорской семьи и их дворцов.

После окончания Пажеского корпуса в 1843 г. в тот же полк вступил младший сын Александр. Он был очень любим товарищами, которые избрали его заведующим полковой библиотекой. По обычаю книжных собраний гвардейских полков того времени она обладала прекрасным подбором книг — в неё поступали издания, минуя цензуру.

Библиотека занимала верхний этаж корпуса, выходившего на Неву⁹.

В этом же здании размещались квартиры офицеров, в том числе П. А. Федотова, который служил в Финляндском полку с 1833 г. Павел Андреевич подружился с братьями Дружининскими и часто заходил в дом М. И. Капгер¹⁰ на 7 линии, где после кончины мужа поселилась Мария Павловна Дружинина. Федотов написал её портрет в боскете из плюща (рис. 1) и акварельный рисунок, изображавший трех братьев Дружининых¹¹ (рис. 2).

Рис. 1. Мария Павловна Дружинина

Слева старший, Андрей¹², курит трубку, в центре — средний, Григорий, справа, в партикулярном платье, Александр. Желая посвятить себя литературе, Александр в январе 1846 г. вышел из полка и поступил в канцелярию Военного министерства.

С 1847 г. Александр Васильевич публикует в журнале «Современник» рассказы, повести, романы, позднее очерки текущей периодики и литературно-критические статьи. Вскоре, по признанию С. А. Венгерова, А. В. Дружинин «занял вакантное со смертью Белинского амплуа «первого критика»¹³. Он редактирует журнал «Библиотека для чтения», пишет ряд статей об английских писателях, которые утвердили за ним репута-

Рис. 2. Три брата Дружинина, акварельный рисунок

цию знатока иностранной литературы, переводит пьесы В. Шекспира. Б. Л. Пастернак писал: «Великолепный дружининский Лир, ... около века шедший на сцене ... есть единственный *подлинный* русский Лир, с правами непрерываемости, как у оригинала»¹⁴. Созданное по инициативе А. В. Дружинина в ноябре 1859 г. «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», именуемая современниками «Дружининская копейка», существует и теперь как «Литературный фонд»¹⁵.

Александр Васильевич оставил замечательные мемуары. Его «Дневник», по свидетельству современников, «изучается во все мире как энциклопедия русской жизни»¹⁶. Многие страницы посвящены брату Григорию (рис. 3) и его семье¹⁷.

Григорий Васильевич в 1850 г. обвенчался с Ольгой Петровной,

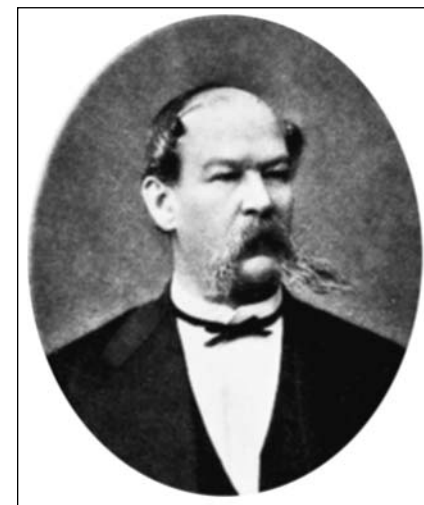

Рис. 3. Григорий Дружинин

Рис. 4. Мария Львовна и Петр Яковлевич Харитоновы

дочерью Екатеринбургского купца Петра Яковлевича Харитонова и Марии Львовны, урожденной Расторгуевой¹⁸ (рис. 4).

Её отец, богатый уральский предприниматель Лев Иванович Расторгуев¹⁹ (рис. 5) завещал управление заводами зятю, П. Я. Харитонову и А. Г. Зотову²⁰. В 1827 г. Харитонов был сослан в г. Кексгольм за приверженность старообрядчеству. После его смерти вдова поселилась в Петербурге. Ей принадлежал земельный участок на Биржевой линии Васильевского острова²¹ и половина наследства Расторгуева (рис. 6).

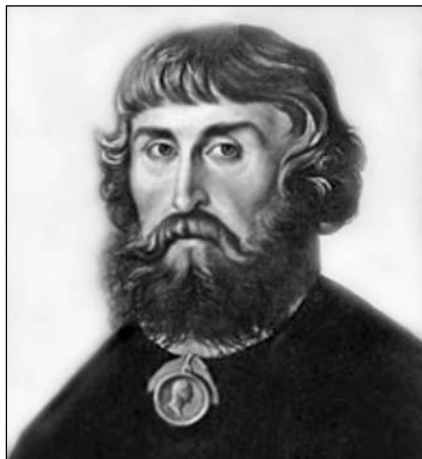

Рис. 5. Лев Иванович Расторгуев

В семье Дружининых было семеро детей — Александр, Михаил, Мария, Ольга, Василий, Николай и Александра. Григорий Васильевич служил в Московском пехотном полку²², затем был переведен командующим резервным полком лейб-гвардии Преображенского полка, одного из самых

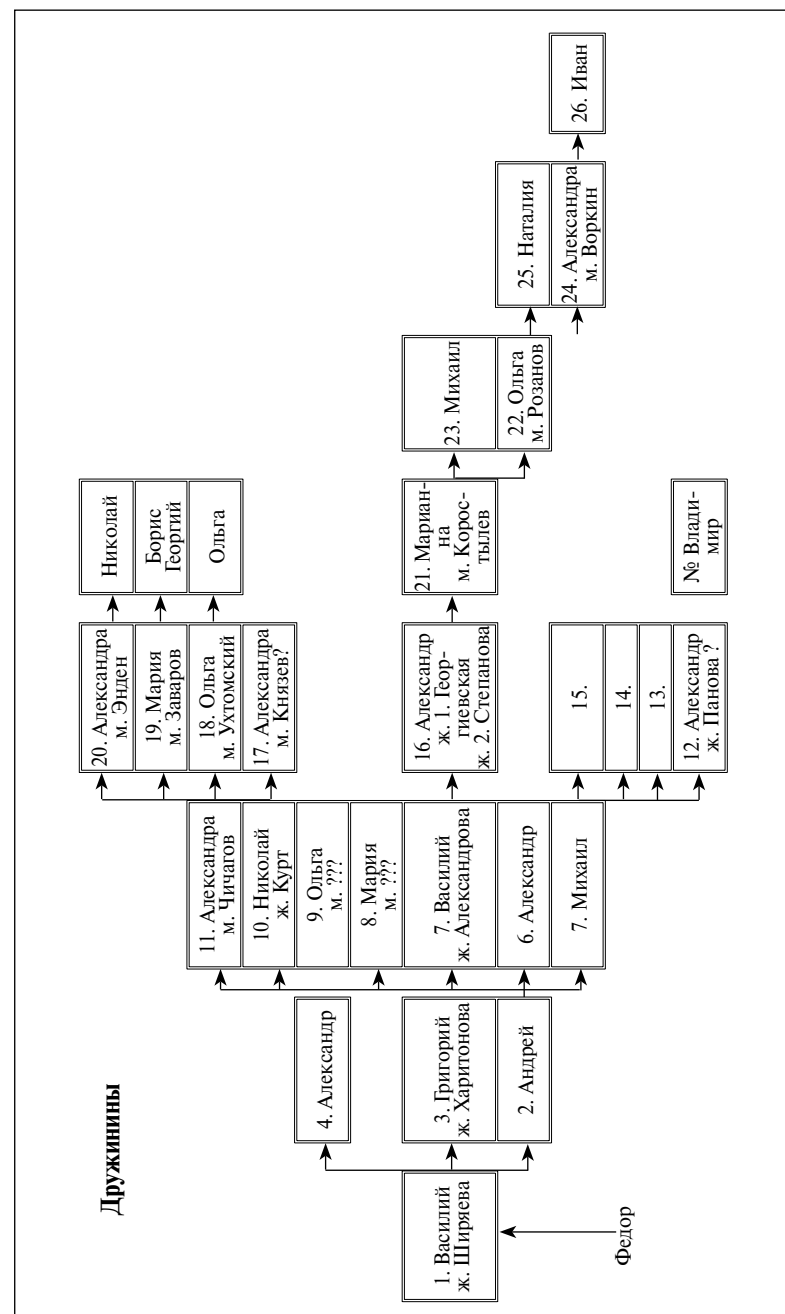

Рис. 6. Родословная схема Дружининых

аристократических в российской армии. Зачисление офицеров и генералов в его состав являлось формой поощрения. Семья переехала в Литейную часть, на Преображенскую ул., в дом старших офицеров²³. Через три года Григорий Васильевич, генерал-майор, командир резервного полка, вышел из полка. Оставить в возрасте 38 лет военную службу его вынудили раздоры двух наследниц Расторгуева, М. Л. Харитоновой и её сестры Е. Л. Зотовой, из-за которых дела на заводах пришли в упадок. Григорий Васильевич стал доверенным лицом своей тещи, затем жены и на протяжении 36 лет был инициатором мер, превративших Кыштымские заводы в ведущие металлургические предприятия России. Г. В. Дружинин привлек к сотрудничеству академика скульптуры Роберта Ивановича Баха и его сыновей. На заводе началась отливка портретов известных писателей и композиторов по их моделям. Дружинин собирал художественные модели для Каслинского завода — приобретал кабинетную скульптуру российских и западноевропейских мастеров, которую на заводах копировали в чугунах. Эти изделия стали очень популярны в России.

В 1860 г. изделия Каслинского завода получили первую в своей истории награду — золотую медаль Вольного экономического общества. С 1867 г. началось их участие в международных выставках, на которых завод неизменно получал высшие призы.

Григорий Васильевич привлек сыновей к заводской деятельности. Михаил Григорьевич поселился на Урале и занимался производственными вопросами. Василий Григорьевич работал над расширением ассортимента художественного литья, а после кончины отца стал доверенным лицом О. П. Дружининой в управлении её доли наследства. По заказу В. Г. Дружинина учитель Петербургского ремесленного училища Б. О. Богач изобрел бронзирование чугуна. Им обработали поверхность ажурного чугунного павильона, изготовленного по проекту архитектора Е. Е. Баумгартена для Всемирной художественно-промышленной выставки 1900 г. в Париже (рис. 7). Украшением этого уникального сооружения стали горельефы «Птицы Радости и Печали (Сирин и Алконост)» и «Дракон» скульптура М. Л. Диллона²⁴.

Рис. 7. Б. О. Богач и Е. Е. Баумгартен (справа) у Каслинского павильона. Париж, 1900 г.

Успех Каслинского чугунного павильона привлек внимание иностранных инвесторов, заводы были акционированы²⁵. Доходы распределялись по акциям Общества, председателем которого некоторое время был Василий Григорьевич²⁶.

Младший сын Дружининых, Николай, отставной штаб-ротмистр, кавалер российских орденов и Французского ордена Почетного легиона, жил в имении. Он неоднократно избирался предводителем губернского дворянства Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии²⁷. В 1899 г. Николай Григорьевич женился на французской подданной О.-М. А. Курт, от которой уже имел дочь²⁸. О судьбах их брата Александра и замужних сестер Марии и Ольги сведений пока нет. Младшая сестра, Александра Григорьевна вышла замуж за Н. М. Чичагова, участника Русско-японской войны. Он закончил службу генерал-лейтенантом, начальником Заамурского округа пограничной стражи. Три их дочери соединили род Дружининых с Ухтомскими, Заваровыми, Маклаковыми и Энденами.

Все дети Дружининых получили прекрасное домашнее образование, учились в одной гимназии, но только Василий Григорьевич оставил след в науке и стал вровень со своим знаменитым родичем — А. В. Дружининым. Их роднили глубокие и обширные знания, уважение к первоисточнику, интеллигентность. В. Г. Дружинин стал духовным и фактическим наследником писателя, унаследовав его архив и библиотеку²⁹.

Василий Григорьевич родился 10 (22) августа 1859 года. 24 августа протоиерей собора Преображения господня всей гвардии Василий Сицилийский крестил его по православному обряду. Вопреимниками были брат и сестра родителей, коллежский асессор Александр Васильевич Дружинин и вдова умершего флотского капитана Якова Головнина Александра Петровна³⁰. Раннее детство прошло на Моховой улице, в д. 8, кв. 2, куда семья переехала после отставки отца³¹. Бабушка Мария Павловна Дружинина поселилась в том же доме, в своей квартире. Она сохраняла бодрость и продолжала ездить каждую весну в имение Марьинское. Александр Васильевич в последние годы жизни жил один³². Бабушка Мария Львовна Харитонова жила в доме 38 по Литейному проспекту. После её кончины в 1867 г. Ольга Петровна, ставшая полновластной наследницей Расторгуева, купила дом 23 на Сергиевской ул., а в 1875 г. приобрела двухэтажный особняк № 45 на той же ул. В первом этаже располагалась Контора Главного правления Кыштымских заводов и две квартиры детей. В бельэтаже, в квартире из 21 комнаты Дружинины, по выражению брата-писателя, вели «роскошный» образ жизни, устраивали званые обеды³³. Кроме скульптуры Дружинины коллекционировали картины и фарфор.

Старшие сыновья Дружининых учились в Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии. В 1879 г. её окончил и Василий Григорьевич.

евич. В том же году он поступил в университет, который закончил в 1883 г. со степенью кандидата³⁴ и был оставлен для приготовления к профессорскому званию³⁵. В процессе подготовки магистерской диссертации Дружинин на протяжении трех лет работал в архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел, Румянцевском музее и Хлудовской библиотеке³⁶. 20 января 1889 г. он представил работу «Раскол на Дону в конце XVII века», которую успешно защитил 5 марта того же года³⁷. «Вечером отпраздновали и sprыснули нового магистра у него на дому, в роскошном помещении его родителей, — вспоминал Е. Ф. Шмурло. — Народу было много. Громаднейшая столовая была полна. За ужином я приветствовал Др[ужини]на от имени историч[еского] кружка и преподнес ему магистерский значок... После ужина спустились на половину молодого магистра и тут еще порядком бражничали»³⁸.

Еще 12 декабря 1886 года В. Г. Дружинин поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел и прослужил там до 1891 г.³⁹ За службу он был пожалован орденом св. Станислава 3 степени, а за участие в IV Международном тюремном конгрессе орденом Аннамского дракона.

1 июля 1889 г. приказом по Министерству императорского двора В. Г. Дружинин был назначен сверхштатным членом Императорской российской Археологической комиссии без содержания. Через два года, 5 января 1891 г. он стал исправляющим должность члена комиссии с присвоением содержания⁴⁰. В. Г. Дружинин прослужил в Археологической комиссии 15 лет. Выполнял секретарские обязанности, редактировал выпуски «Материалов по археологии России», упорядочил научный каталог и ввел обязательное фотографирование предметов материальной культуры. Дружинин разработал методику фотографирования и обучил будущего фотографа Комиссии И. Ф. Чистякова. Со временем сложилось собрание фото-коллекции В. Г. Дружинина, в которую вошли негативы древностей фонда Комиссии, присылавшихся для экспертизы, а также материалы раскопок и снимки, выполненные ученым во время раскопок на Урале⁴¹. В течение 1891–1895 гг. Дружинин производил раскопки городища Большая Наного близ Кыштынского завода Екатеринбургского уезда и Иртяшского городища в Пермской губернии (рис. 8). Им были найдены каменные, медные и костяные орудия и оружие, литейные формы, оселки и глиняные пряслица. Он изучал также курганы в г. Верхотурье и близ деревни Муслимово⁴².

Решающим в жизни В. Г. Дружинина стало его избрание 27 января 1896 г., членом Археографической комиссии. В её «Трудах» он мог печатать исследования по старообрядчеству, интерес к которому унаследовал от предков. Он был один из тех ученых, которые видели в старой вере не вековое невежество, но уникальное культурно-историческое движение, сохранившее живую, неразрывную связь с Древней Русью.

Рис. 8. В. Г. Дружинин (справа). Раскопки в Пермской губернии, 90-е годы XIX в.

В 1903 г. Дружинин был утвержден в должности правителя дел Комиссии⁴³, вел научно-организационную работу, систематизировал делопроизводственный архив и комплектовал библиотеку. По инициативе В. Г. Дружинина было налажено фотографирование наиболее ценных рукописей архивного собрания⁴⁴.

Археографическая комиссия располагалась в здании Министерства народного просвещения, при котором она была учреждена⁴⁵, затем на Надеждинской ул. д. 27⁴⁶, где помимо зала заседаний были обустроены библиотека и архив, открытые для исследователей⁴⁷. В 1914 г. канцелярия, архив, библиотека и книгохранилище Археографической комиссии переехали в надворные пятиэтажные флигели, построенные по проекту архитектора М. В. Красовского⁴⁸. Там же были оборудованы квартиры, в одной из которых в 1915 г. поселился В. Г. Дружинин⁴⁹. Он жил там до 1925 г., когда вместе с Комиссией переехал в дом № 2а по Тучковой набережной, в «помещение в старинном здании, находящееся на Васильевском острове в непосредственной близости от Ротральных колонн»⁵⁰.

Василий Григорьевич Дружинин — известный ученый, коллекционер, специалист по старообрядчеству, действительный статский советник, кавалер российских и иностранных орденов и медалей. Он член многих научных обществ: Императорских географического и технического (1901), Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918); член ревизионной комиссии Общества любителей древней письменности (с 1906), Русского Военно-исторического общества, Твер-

Рис. 9. В. Г. и Е. А. Дружинины

ской ученой архивной комиссии, Совета Киевской духовной академии, Уральского общества любителей естествознания и других. Материальное участие Дружинина в этих обществах не ограничивалось уплатой членских взносов — он дарил им книги, предметы старины, картины, монеты. Как представитель Археографической комиссии Василий Григорьевич участвовал в работе Комиссии по устройству юбилейной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время».

Научная деятельность В. Г. Дружинина продолжилась и после революции. Еще в марте 1917 г. он стал членом Союза архивных деятелей, который разрабатывал принципы организации архивного дела. В 1918–1919 гг. В. Г. Дружинин работал в Главархиве помощником заведующего Сенатского архива. Он также был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины⁵¹. Ученый продолжал работать в Археографической комиссии, с 1921 г. — в качестве заместителя председателя Комиссии С. Ф. Платонова. Научные заслуги Василия Григорьевича были оценены Академией наук, которая 29 декабря 1920 г. избрала его член-корреспондентом РАН.

Рис. 10. Г. М. и А. В. Дружинины

У Василия Григорьевича была семья — жена Евдокия Александровна, урожденная Александрова⁵² (рис. 9) и сын Александр. Он родился 30 октября 1890 г., окончил Третью классическую гимназию и юридический факультет университета. Служил присяжным поверенным. В 1913 году А. В. Дружинин женился на выпускнице Высших женских курсов Евгении Васильевне Георгиевской⁵³. Брак был бездетным. Во втором браке с Галиной Марковной Степановой, зубным техником, у А. В. Дружинина (рис. 10) родилась дочь Марианна (1929–1996). В 1939 г. Александр Василь-

Рис. 11. О. П. Розанова и М. П. Коростылев

евич был арестован и скончался в госпитале «Амурлага», жена умерла в блокадном Ленинграде. Марианна Александровна закончила 3-е педагогическое училище. В браке с П. Ф. Коростылевым у неё родились двое детей, Ольга и Михаил. М. П. Коростылев (р. 1953) по образованию педагог, преподает русский язык и литературу в петербургской гимназии. У Ольги Петровны (р. 1951), архитектора по образованию, в браке с А. В. Розановым родились две дочери. Её внуку Ивану, пра-пра-правнуку Василия Григорьевича, 11 лет.

О. П. Розанова и М. П. Коростылев (рис. 11) приняли участие в Чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения их прадеда. Недавно они получили доступ к архивным делам об аресте в 1929 г. Василия Григорьевича и в 1939 г. Александра Васильевича Дружинина. Эти материалы, дополненные сведениями из других архивов⁵⁴, устранят неясности и неточности при написании большого биографического исследования о Василии Григорьевиче Дружинине.

¹ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 113–125; Берестецкая Т. В. Дружинин В. Г. — собиратель и исследователь поморского литья // Русское медное литье. Сборник статей. Вып. 2. М., 1993. С. 30–36;

Винокурова Э. П. Рукописное наследие В. Г. Дружинина. Поморское медное литье // Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ РАН. СПб., 1996. Т. 49. С. 254–277; Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / Сост. И. Л. Кызыласова. М., 2004. С. 192; Женщина в старообрядчестве: материалы международной научно-практической конференции // Пашков А. М., Пигин А. В., Ружинская И. Н. Петрозаводск. 2006. С. 187; Скоробогачева Е. А. Искусство Русского Севера. М., 2008. С. 112.

² Мамонтова М. А. Воспоминания В. Г. Дружинина как историографический источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. С. 320; Берестейская Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) Сб. научных трудов. Вып. 2. М., 1994. С. 214–227; Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 469–498; Смирнова Т. Г. В. Г. Дружинин-историк, коллекционер, правитель дел ИАК // Академический архив в прошлом и настоящем. Сборник научных статей к 280-летию Архива РАН. СПб., 2008. С. 347–354.

³ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 7.; В. Г. Дружинин. А. В. Дружинин и его дневник. (По семейным воспоминаниям) / Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 419, 421–423.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3408. Л. 3; Адрес-календарь общих чиновных лиц РИ на 1807 г. Ч. 1. С. 561; 1809. Ч. 1. С. 443; 1810. Ч. 1. С. 435; 1827. Ч. 1. С. 675; 1833. Ч. 1. С. 581; 1833. Ч. 1. С. 581.

⁵ РГИА Ф. 1342 Оп. 20 Д. 3408 Л. 5. 1825. Формулярный список о службе В. Ф. Дружинина.

⁶ РГИА Ф. 1343 Оп. 51. Д. 457. Л. 107–108. Копия Дворянской родословной книги СПб губ. составленной с 1827 по 1830 г.; РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 3408. 1849 г. О дворянском происхождении рода Дружининых.

⁷ РГИА Ф. 472 Оп. 33. Д. 11/10. 1837. Л. 8. Пожалование в камер-пажи.; Д. 13/38. 1838. Л. 3. Производство в офицеры Финляндского полка Андрея Васильевича Дружинина.

⁸ Никитенко Г. Ю. Соболев В. Д. Василеостровский район. Энци. улич Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 135.

⁹ Дружинин А. В. Дневник. 23 сентября 1843 г. С. 466. Ныне наб. лейт. Шмидта д. 43.

¹⁰ 7-я линия д. 63 (в наст. время д. 6. // Атлас 13 частей СПб // Сост. Н. Цылов. М., 2003. Алф. указ. С. 104.

¹¹ М. П. Дружинина (1774–30.12.1871) х.м. 1848 г; Групповой портрет братьев Дружининых. акв. после 1846 г.

¹² Андрей Васильевич Дружинин (12.11.1819– 07.05.1852) Петербургский некрополь / Сост. В. И. Сайтов. СПб., 1912–1913. Т. 2. С. 89. Василий Федорович скончался 4 мая 1842 г. // РГИА. Ф. 577 Оп. 35. Д. 85. Л. 20.

¹³ Александр Васильевич Дружинин (08.10.1824–19.01.1864) — литературный критик, писатель и беллетрист // Русский биографический словарь. В 20 томах. М., 1999. Т. 6. С. 404.; Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературный критик, историк литературы, выдающийся библиограф и редактор.

¹⁴ Письмо Б. Л. Пастернака М. Морозову. 30 сент. 1947г. // Мастерство перевода. 1969. М., 1970. Сб. 6. С. 362.

¹⁵ А. В. Дружинин. Несколько предположений по устройству русского литературного фонда для пособия нуждающимся лицам учёного и литературного круга // Библиотека для чтения. 1857, Т. 146.

¹⁶ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., Наука. 1986. С. 129–409; Материалы по статистике народного хозяйства в СПб губернии. Вып. IV. Частновладельческое хозяйство в Гдовском уезде. Землевладельцы. СПб. 1899 г. С. 1. http://www.pskovgrad.ru/2007/01/13/print:page,1,statistika_i_zemstvo.

¹⁷ Григорий Васильевич Дружинин (18.08.1821–18.07.1889. Смоленское православное кл.) // Альбом портретов бывших кадет I кадетского корпуса (1732–1863) / Сост. Рогге. СПб. б.д. С. 51.

¹⁸ Сохранились их раскрашенные фотографии конца XIX в. с живописных оригиналов 1-й четверти XIX в.

¹⁹ Лев Иванович Расторгуев (1769–1823), владелец Кыштымских заводов, шахт, приисков, лесных и земельных участков на Южном Урале. Старообрядец-беспопец, глава старообрядческой общины. Скоропостижно скончался, оставив богатое наследство двум дочерям.

²⁰ Харитонов Петр Яковлевич (1794–1838. Кексгольм) — городской голова г. Екатеринбург (1824–1829).

Мария Львовна Харитоновна (1796?–12.05.1867. СПб. Громовское старообрядческое кл.) Петербургский некрополь // Сост. В. Сайтов. СПб. 1912. Т. 4. С–Я. С. 405.

²¹ Атлас 13 частей СПб / Сост. Н. Цылов. М., 2003. С. 236. Ныне Биржевая линия, участок д. 14.

²² Лейб-гвардии Московский пехотный полк, расположен в СПб., наб. р. Фонтанки, д. 90.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 5. Д. 20627. Л. 15.; Алфавит СПб. на 1854 г. С. 98.; Путеводитель. 60000 адресов из СПб., Царского села, Петергофа, Гатчины и пр. СПб. 1854. С. 73.

²⁴ Карпова Е. В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII–XX века. Новые материалы. Находки. СПб., 2009. С. 164–169. Из творческого наследия М. Л. Диллон. Работы в каслинском чугунном литье.

²⁵ Акционерно-паевые предприятия России / Под. ред. В. В. Лаврова. СПб., 1917. С. 259. О-во Кыштымских заводов. Основной капитал 16 000 000 руб., 14 золотых приисков, 34 шахты, 6 заводов, 6 000 рабочих.

²⁶ РГИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 70. Фонд АО Кыштымских горных заводов. 1836–1917. Деятельность Г. В. и В. Г. Дружининых на Кыштымских заводах еще не вполне изучена, хотя именно на эти доходы они могли приобретать произведения искусства, книги и рукописи, «не ограничивая себя в цене при покупке раритетов» // РГАЛИ Ф. 167. Оп. 1. Ед.р. 7. Л. 63. 27 декабря 1917 г. имущество АО Кыштымских горных заводов было национализировано.

²⁷ Адрес-календарь РИ на 1897 г. Ч. 2. С. 258.; РГИА Ф. 1343 Оп. 35 Д. 7965. Ч. 2. 1911. 28 л. Дело о сопричислении жены и дочери Н. Г. Дружинина.

²⁸ РГИА Ф. 1343 Оп. 35 Д. 7965. Ч. 2. Л. 26 об.–28. О перенесении рода из III во II часть РК; О сопричислении Н. Г. Дружинина 24.02.1896.; его жены Ольги-Марии и дочери Александры-Ольги Чижовой 27.10.1911.

²⁹ Дружинин В. Г. А. В. Дружинин и его дневник. (По семейным воспоминаниям) // Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 419, 421–423.

³⁰ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 3. Т. 5. Д. 20627. Л. 4.

³¹ Всеобщая адресная книга СПб. с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: В 5 отд. / Предисл. Г. Д. Гоппе, Г. К. Корнфельда. СПб. 1867–1868. Ч. 3. С. 158.

³² Тургенев и круг «Современника». М., Л., 1930. С. 193: «Нашел квартиру на Владимирской, с кабинетом самым великолепным во всей русской литературе» (ныне Дмитровский пер. 16); Дневник, примеч. 559: «31 октября перебрался в новую квартиру, обставляюсь, не разобрал старое серебро и фарфор». А. В. Дружинин скончался от чахотки 14 января 1864 г. Петербургский некрополь. Т. 2. С. 89; Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель // Сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993. С. 248.

³³ Дружинин А. В. Дневник. Среда 19 октября 1856 г. «Вечер у брата — собрался весь Преображенский полк, ужин был удачен и великолепен».

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 5. Д. 20627. Л. 31. Личное дело студента В. Г. Дружинина.

³⁵ РГИА Ф. 468. Оп. 44. Д. 1309. Л. 26 об. 1896 г. Формулярный список В. Г. Дружинина.

³⁶ ИРЛИ Ф. 341. Оп. 1. Д. 1242. Архив И. А. Шляпкина. Письма В. Г. Дружинина. 1883–1908. Л. 5, 23.

³⁷ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 8902. Л. 3, 8.

³⁸ Из «Записок Е. Ф. Шмурло о Петербургском университете» 1889 г. // Отечественные архивы. 2006. № 1.; <http://www.rusarchives.ru/publication/shmurlo.shtml>

³⁹ РГИА Ф. 821. Оп. 12. Д. 312. Л. 1–5. Титулярный советник. 24.04.1889. Отчислен 22.01.1891.

⁴⁰ РГИА Ф. 468. Оп. 44. Д. 1309. Л. 27, 27 об. 1896 г. Формулярный список В. Г. Дружинина.

⁴¹ Длужневская Г. В. Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Изв. Уральского гос. университета. 2007. № 49. С. 118–133.

⁴² ИИ МК РАН. фотоархив ИАК. НА, ФА, нег. I 4818, 4819; II 13109–13159; III 2399–2428; IV 113–312.

⁴³ ЛЗАК за 1902 г. Вып. 16. СПб., 1905. С. 9. 5 марта 1903 г.

⁴⁴ Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 474–476.

⁴⁵ Чернышевская пл., д. 2, над ц. свт. Николая Чудотворца // Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни. СПб. 2003. С. 130.

⁴⁶ Известия общества ревнителей русского исторического просвещения. 1904. № 5. С. 15.; ЛЗАК за 1901 год. Вып. XIV. СПб. 1902. С. 58.

⁴⁷ Астахова Н. А. Знакомьтесь, Маяковского, 27. СПб., 2003. С. 20–21.

⁴⁸ Красовский Михаил Витольдович (1874–1939) архитектор гр. С. Д. Шереметева (1903–1917), Комитета попечительства о русской иконописи // Архитекторы-строители СПб середины XIX — начала XX века. Справочник / Под общей редакцией Б. М. Кирикова. СПб. 1996. С. 178. «Здание Комитета

попечительства о русской иконописи. ул. Маяковского, 25, двор. 1914 г.»; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 4301. Л. 48.

⁴⁹ ИРЛИ Ф. 341. Оп. 1. Д. 1242. Л. 132 об. Из письма И. А. Шляпкину от 19.07.1915.: «В начале августа надеемся вернуться на новое пепелище — на Надеждинскую, 27. Вещи уже перевезены, но в квартиру нельзя въехать, ибо она еще не готова»; Л. 135. 14 декабря 1915 г.: «собрались друзья на Надеждинской, 27 кв. 15». После кончины матери в 1901 г. дом 45 на Сергиевской ул. был продан и Дружинин жил в арендованных квартирах по адресам: ул. Кирочная, д. 34; Загородный пр. д. 21 и д. 70. — Весь СПб. на 1904. С. 211.; на 1909. С. 255; на 1913. С. 201.; Дубин А. С. Улица Маяковского. СПб., 2008. С. 91.

⁵⁰ ЛЗАК за 1923–1925. Вып. 33. Л. 1926. С. 39. 26 мая 1925 г.; В 1952 г. Тучкова наб. переименована в честь адмирала С. О. Макарова.

⁵¹ Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Выпуск 4. СПб. 2008. С. 482; В. Г. Дружинин-историк, коллекционер, правитель дел Императорской Археологической комиссии // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. науч. статей к 280-летию Архива РАН. СПб. 2008. С. 352.

⁵² ПФА РАН Ф. 133. Оп. 1а. Ед. хр. 38. С. 175.; Весь Ленинград на 1930 г. С. 165.; на 1931 г. С. 147.

⁵³ Александр Васильевич Дружинин (1890–1939? «Амурлаг») юрист. Дружинина-Георгиевская Евгения Васильевна (1894–1960), писательница, искусствовед, доктор наук. Научный сотрудник Института истории искусств. Автор детских и научно-популярных книг.

⁵⁴ Например см.: ИРЛИ Ф. 478. Оп. 1. Д. 136. Л. 35–40.

Е. Г. Неклюдов

Владение Кыштымскими заводами на Урале предками и семьей В. Г. Дружинина

Выдающийся российский историк и археограф Василий Григорьевич Дружинин по материнской линии принадлежал к известным предпринимательским родам Расторгуевых и Харитоновых. Главным объектом их деятельности с начала XIX в. становится Кыштымский горнозаводский округ в Пермской губернии.

Прадед В. Г. Дружинина вольский купец 1-й гильдии и видный екатеринбургский старообрядец Лев Иванович Расторгуев разбогател на винных откупах и решил вложить накопленные богатства в перспективное и престижное на Урале горнозаводское дело. В 1808 г. он купил в рассрочку за 650 тыс. руб. у И. Я. Хлебниковой Нязе-Петровский завод, а в 1809 г. — под залог в 1250 тыс. руб. Верхний и Нижний Кыштымские и Каслинский заводы П. Г. Демидова. Объединив два хозяйства, он стал владельцем крупного горнозаводского округа площадью 425,6 тыс. дес., на территории которого располагались четыре металлургических завода и проживало около 6,5 тыс. рев. душ крепостных рабочих.

Одновременная покупка двух горнозаводских хозяйств, по-видимому, была предпринята Расторгуевым не случайно. У каждого из них были свои проблемы, которые могли отчасти решиться объединением расположенных рядом хозяйств в одних руках. Кыштымские заводы, испытывавшие недостаток в топливе, могли пользоваться лесами, принадлежавшими Нязе-Петровскому заводу, который, в свою очередь, мог воспользоваться кыштымскими рудниками. Новый владелец вдвое поднял производительность Нязе-Петровского завода, к которому в 1814 г. пристроил вспомогательный Шемахинский. На Кыштымских и Каслинском заводах общее производство чугуна и железа сократилось, но здесь была осуществлена специализация на сортовое железо и чугунное литье. Как сообщали приказчики Главной Каслинской конторы в 1823 г., Расторгуев, «соблюдая все основания бывшего за Демидовым управления... ввел отливку посуды... и обратил железо в сорта, общую потребность удовлетворяющие полезнее полосного». При нем началась разработка богатейших Соимоновских золотых приисков. По-видимому, в первые годы после покупки имения он жил на заводах или в Екатеринбурге, где начал строительство роскошной усадьбы на Вознесенской горке. Он также часто бывал в городе Вольске Саратовской губернии, где состоял в должности городского головы. Торговые операции вел его брат Яков Иванович Расторгуев.

Проявив себя в качестве практичного и дальновидного предпринимателя, купец Расторгуев в то же время оказался не слишком умелым владельцем крепостных душ. Не среагировав вовремя на произошедшее в начале 1820-х гг. резкое повышение цен на хлеб и считая, что мастерские его заводов имеют значительные личные хозяйства и не нуждаются в провианте, он спровоцировал одно из самых крупных волнений на уральских заводах того времени. Лишь с помощью войск к февралю 1823 г. удалось «навести порядок» на Кыштымских заводах. Но сам Лев Иванович, видимо, остро переживая случившееся, 10 (12) февраля скончался в Екатеринбурге от «апоплексического удара»¹.

Итоги владения Л. И. Расторгуевым Кыштымских заводов подвел особый правительственный комитет. «Вникнув во все обстоятельства и подробности... возмущения мастеровых», в феврале—марте 1823 г. он решил, что «неустройства и беспорядки были следствием, с одной стороны, худого оными управления и крайне несоразмерных с настоящею дороговизною заработных плат, которых притом мастеровые часто не получали, а с другой стороны — небрежения заводчика о благовременном и достаточном заготовлении для продовольствия заводских людей необходимо нужных жизненных потребностей»².

Наследницами умершего купца остались вдова Анна Федотовна Коробкова и две дочери Мария и Екатерина, которым и перешли Кыштымские заводы «в законных частях» (матери — $\frac{1}{7}$, дочерям — по $\frac{3}{7}$). После смерти матери в 1825 г. заводы остались «в равном и нераздельном» владении дочерей, выданных замуж еще при жизни отца за представителей двух известных в Екатеринбурге старообрядческих родов. Мужем Марии Львовны стал екатеринбургский купец 1-й гильдии Петр Яковлевич Харитонов, а Екатерины Львовны — казанский купец 1-й гильдии Александр Григорьевич Зотов, сын бывшего крепостного управляющего Верх-Исетского округа Григория Федотовича Зотова. Именно они с 1 апреля 1823 г. были официально уполномочены владелицами на управленные заводы, хотя фактически эту функцию осуществляли приглашенные ими «опытнейший и искуснейший в заводских делах» Г. Ф. Зотов и его племянник Т. П. Зотов.

Наследники вступили во владение в то время, когда было решено взять их заводы в казенное управление и составить особое «штатное положение» для рабочих по образцу казенных заводов. Но назначенный для этого чиновник убедился в том, что существующие платы на расторгуевских заводах «не менее, а некоторые еще и превосходнее, тем более что провиант покупается против других заводов гораздо дешевле». Тогда горное начальство предписало оставить прежние платы без изменений и ограничиться строгим присмотром заводского исправника³. Видимо, способствовала этому и личная встреча Г. Ф. Зотова с посетившим Ека-

теринбург в 1824 г. Александром I, на которого бывший крепостной, ставший одним из самых авторитетных уральцев, произвел большое впечатление.

Новое обострение ситуации произошло в 1826 г. и было связано с результатами инспекции уральских заводов флигель-адъютантом графом А. Г. Строгановым. По мнению исследователей, негласной целью посланца Николая I (возобновившего борьбу против раскольников) была компрометация уральских староверов. Кыштымские заводы, управляемые видными деятелями этого движения, являлись идеальным объектом для решения поставленной задачи⁴. В своем рапорте министру финансов граф писал о продолжавшихся «жестокостях и тиранствах» на заводах и золотых приисках наследниц Расторгуева, о недостатке плат рабочим, об отсутствии больниц и аптек. «Нет следов христианского попечения о людях, которых можно сравнить с каторжными и неграми», — докладывал инспектор⁵.

Зотовы, обвиненные Строгановым в жестоком обращении с мастерами и даже убийстве одного из них, были отстранены от управления и находились под арестом. Однако назначенный на заводы горный чиновник Слатвинский в секретном донесении от 21 апреля 1829 г. сообщал: «Нет сомнения, что Тит Зотов управлял и управляет заводами, ибо всем приказчикам отдавал он личные приказания... и каждый знал и признавал его управляющим в виде хозяина... Со слов Зотова аккредитованные Харитонов и Александр Зотов ни в какие внутренние заводские распоряжения не входят потому, что не знают оных и что, если бы не было дяди его Григория Федотовича Зотова и его, то заводы их не имели бы таких доходов ныне... А как аккредитованные точно такие, — продолжал агент, — почему и заключить должно, что Тит Зотов в заводе получает от него приказания через Харитонова, а бывая в Екатеринбурге лично от самого Григория Зотова, в чем нет сомнения. Это подтверждается тем, что зная я слог писем Григория Зотова, мог заметить некоторые бумаги от имени аккредитованных, писанные ко мне, его сочинения. Из разговоров Харитонова видно также, что Григорий Зотов есть глава заводов, без согласия коего аккредитованные, или владельцы, ни во что не входят и ничего не изменяют». Слатвинский обвинил Зотовых и в том, что «жестокость и притеснительные поступки... стали столь обыкновенны, что оные почитаются и поныне отличительным поступком и преданностию каждого, имеющего надзор за рабочими». Он делал заключение, что при таком положении «нельзя ожидать каких-либо изменений в содержании людей без особых мер правительства»⁶.

Эти меры в итоге выразились в составлении особого «положения» о платах рабочим Кыштымских заводов, от которого прежде власти от-

казались. Министр финансов Е. Ф. Канкрин полагал, что «сим положением достаточно будут отклонены случаи, могущие служить поводом к неудовольствию и жалобам, и что с введением оного водворится в заводах наследниц Расторгуева прочное спокойствие». «Хотя не установлена безденежная выдача провианта, — считал он, — но назначенная денежная плата с избытком оную заменяет... и превышает платы казенных мастеровых в некоторых случаях целою половиною и только в весьма немногих с оными сравнивается»⁷.

В августе 1832 г. Комитет министров утвердил мнение Е. Ф. Канкринна, тем более что с введением нового «положения» согласились и владелицы. Правда, было решено «со стороны правительства оного... гласным не делать» из-за опасения «возможных требований установить их и на других заводах». Казенный присмотр был снят. В 1833 г. владелицы повторно выдали доверенности на управление заводами своим мужьям, но оно продолжалось недолго. Раскрученное, видимо, не без участия А. Г. Строганова, ставшего к тому времени товарищем министра внутренних дел, «дело Зотова» привело к обвинению вместе с ним «в разных противузаконных действиях» и Петра Яковлевича Харитонова. Ему приписали «участие в жестоком обращении с людьми», «покушение» на дачу взятки и даже убийство двух крепостных «за намерение подать жалобу». Судя же по более поздним признаниям властей о том, что Харитонов имел сильное влияние «на единомышленников своих по старообрядчеству», репрессии на него явились, скорее всего, продолжением все той же кампании против верхушки уральского раскола, начатой еще в 1826 г. 7 января 1836 г. по Высочайшему повелению он был «лишен медалей и доброго имени» и сослан в Кексгольм. Как сообщалось в сенатском указе от 14 декабря 1850 г., Харитонов в том же году выехал с заводов, поручив по доверенности управление частью своей жены коллежскому регистратору Ослоньевскому. Доверенность эта сохранялась до самой смерти Харитонова, последовавшей в Финляндии 31 декабря 1838 г.⁸

Со времени ссылки П. Я. Харитонова начинаются трения между совладельцами. Так, М. Л. Харитонова в 1836 г. уполномочила купца Блинова «на управление заводскими оборотами в Санкт-Петербурге без участия Зотова», хотя в 1837 г. подтвердила прежнюю свою доверенность зятю. По сведениям министра юстиции графа В. Н. Панина, всего с 1823 по 1835 г. владелицы выдали 16, а А. Г. Зотов — еще восемь доверенностей разным лицам «по разным частям заводского управления»⁹. Такая чехарда, естественно, не способствовала упрочению Кыштымских заводов. Хотя в 1830-е гг. их производительность увеличивалась и в 1835 г. был даже возведен новый Сак-Элгинский медеплавильный и железоделательный завод, к концу десятилетия у владельцев возникли серьезные финансовые проблемы. В первую очередь они отразились на положении

мастеровых, которых, по донесению заводского исправника, вновь перестали вовремя «удовлетворять платами».

Несмотря на строгое предупреждение, сделанное в мае 1839 г. министром Е. Ф. Канкриным уполномоченному от владелиц А. Г. Зотову, деньги на заводах не появились. Вместо этого в Горный департамент поступила просьба о залоге Нязе-Петровского завода. В поисках капитала на заводское действие владелицы обратились тогда к этому давно желаемому средству. Еще с лета 1838 г. они искали способа заложить завод «в частные руки или в кредитные установления». Но пока этого не произошло, финансирование заводов вынуждено было взять на себя Уральское Горное правление.

«Чтобы доставить заводам сим средства исполнить свои обязанности в отношении к рабочему классу людей, — уведомлял министра главный начальник уральских заводов В. А. Глинка, — правление в июле 1839 г. отпустило заимообразно Кыштымскому заводу управлению 200 тыс. руб. Но и после сего заводские люди не получили в свое время плат, а некоторые из них делали кражи из крайности, не находя средств пропитывать себя и семейства свои». В сложившейся ситуации В. А. Глинка предлагал вновь дать заводам ссуду и взять их в казенное управление, так как заводладельцы, считал он, «несмотря на все настояния горного начальства, не заботятся о благоустройстве своих заводов»¹⁰.

Угроза подействовала, и Зотов отправил на заводы деньги, вырученные от проданного железа. «Причины некоторых затруднений в оборотах заводских, — оправдывался он, — проистекают от обстоятельств непредвиденных и от власти человеческой независимых: неурожаи 1834 г., замешательства в торговых делах в 1836 и 1837 гг. в Северной Америке, куда наиболее вывозится русское железо. Минувший 1838 год был беден водами Урала... от чего выковка железа уменьшилась более, нежели 10-й частью и даже сама доставка в Санкт-Петербург... опоздала тремя месяцами. Золотые промыслы истощаются, и Кыштымские заводы по убогости содержания песков едва вознаграждают употребленные труды и расходы». Он обещал поскорее продать более 200 тыс. пуд. железа, скопившегося в Петербурге, получить под залог заводов до 1,6 млн руб. и распространить хлебопашество «для продовольствия населения»¹¹.

Е. Ф. Канкрин очень осторожно относился к предложению об учреждении казенного управления, которое, по его мнению, было «сопряжено с большими затруднениями и даже пожертвованиями для казны». Успокоенный обещаниями А. Г. Зотова, он отклонил предложение главного начальника. Неизвестно, удалось ли владельцам вовремя продать металл, но залог заводов был осуществлен. В 1840–1841 гг. они получили займы почти в 2 млн руб. асс. под залог заводов и числившихся при них 7911 рев. душ¹².

Однако быстрых ощутимых результатов это не принесло. К декабрю 1842 г. помимо банковского на заводах висел долг в 1337198 руб., в числе которого состояла огромная подушная недоимка и долги по ссудам Горному правлению. Частные долги простирались до 530 тыс. руб. Исправник доносил, что рабочие Кыштымских и Каслинских заводов не получали платы за девять, а Нязе-Петровского и Шемахинского — за шесть месяцев, что «вообще сии заводы находятся в бедственном положении» и извлечь их из него может только помощь казны. В. А. Глинка в очередной раз просил министра взять заводы в казенное управление, «доколе они не войдут в состояние доставлять рабочим своим содержание, законом определенное».

Именно в такой сложной ситуации совладелицы решились на раздел имения. В конце 1840 г. они составили по месту жительства в Петербурге «раздельную запись», по которой заводы переходили во владение жены почетного гражданина Е. Л. Зотовой, а «недвижимые имения в разных местах» и 700 тыс. руб. сер. (или 2450 тыс. руб. асс.) «деньгами, металлами и векселями» — шлиссельбургской 1-й гильдии купчихе М. Л. Харитоновой, несмотря на ссылку мужа сумевшей восстановить свой прежний статус, правда, уже не в составе екатеринбургского купечества. Хотя Заемный банк не возражал против раздела, но осторожный министр финансов в виду возможного учреждения казенного управления отложил окончательное решение «до времени, когда удовлетворятся заводские люди и будут на заводах наличные деньги». Так «раздельная запись», по словам министра юстиции В. Н. Панина, и «осталась несовершенною формальным порядком».

Харитонова вновь вступила в общее с сестрой владение заводами, согласия в котором уже не было. Следствиями этого стали уничтожение прежнего общего и назначение в июле 1841 г. «двойственного» (со стороны каждой владелицы) управления заводами, а также подача сестрами друг на друга финансовых претензий через суд. В сентябре 1841 г. в Санкт-Петербургском коммерческом суде был принят к производству иск Зотовой «о побуждении Харитоновой к учинению с нею расчета в получении мужем ее во время управления общими заводами капитала». В январе 1842 г. Харитонова, в свою очередь, обвинила зятя Зотова в том, что он с 1836 по 1839 г. переплатил своей жене из заводских доходов на 419484 руб. асс. более, нежели ей, и потребовала предоставить ясный отчет о 206802 руб. асс. якобы употребленных им «на неопределенные расходы». Через несколько дней в надворный суд поступил иск Зотовой «о побуждении Харитоновой к возвращению 394924 руб. асс., полученных ею вследствие несостоявшейся раздельной записи»¹³.

Затянувшиеся споры владелиц о дележе доходов привели к тому, что они фактически прекратили финансирование заводов, поставив их

на грань банкротства. Главный начальник В. А. Глинка неоднократно «относился» к Е. Л. Зотовой и М. Л. Харитоновой, убеждая выслать на заводы деньги, но получал лишь очередную просьбу о новой ссуде. Министр Е. Ф. Канкрин, вновь рассмотревший дело о Кыштымских заводах в январе 1843 г., нашел, что Зотова и Харитонова «не показывают никакой склонности действовать в пользу заводов общим... согласием». «Едиственной причиной упадка заводов, — считал он, — является раздор между владельцами».

Убедительными показались и расчеты Уральского Горного правления. В соответствии с ними, в 1843 г. Кыштымские заводы могли получить дохода 475 тыс. руб. асс., из которых на уплату долга Заемному банку и «в страховое общество» отчислялось 132 тыс. руб. Остатка не только не хватало на уплату других долгов, но и на содержание самих заводов, требовавших в год до 360 тыс. руб. «При отсутствии кроме оборотного еще и запасного капитала, — уведомляли горные чиновники, — действие заводов было бы затруднительным и они вошли бы в необходимость делать по-прежнему заготовления в долг, от чего доход год от года неминуемо уменьшался бы, и самая уплата долгов была бы мнимая»¹⁴.

В результате 2 января 1843 г. Кыштымские заводы были вновь взяты в казенный присмотр. Управляющим предписывалось все металлы продавать с ведома Горного правления, а вырученные деньги отдавать «не продавцу, а Горному правлению» и обращать полностью на продолжение заводского действия и на уплату казенных долгов. Было разрешено только 280 руб. отчислять на содержание екатеринбургского дома, принадлежавшего заводладельцам, «тем более что дом этот назначался для знатных проезжающих особ»¹⁵.

В условиях такого полного казенного присмотра, фактически устранившего владельцев от важнейшей функции — распоряжения финансами, дела Кыштымских заводов стали быстро поправляться. Видимо, этому способствовало и осуществленное по настоянию горных властей назначение общего управляющего. Им стал Ф. Е. Петров, имевший специальное образование и опыт административной работы на Катавских и Юрюзанских заводах Белосельских-Белозерских. Именно при нем с 1843/44 г. на Каслинском заводе начинается производство художественного чугуна, впоследствии составившего всемирную славу Кыштымским заводам¹⁶.

Уже в 1847 г. Попечительство над демидовским Суксунским округом просило взять их в присмотр по образцу Кыштымских заводов, которые «при попечении Главного горного начальства в непродолжительное время пришли в цветущее состояние». Скорее всего, это утверждение относилось к финансовому положению округа, возобновившего выплаты по казенным долгам. В результате в 1852 г. полный казенный присмотр был

снят. Тем не менее, еще в 1851 г. Уральское Горное правление констатировало, что на заводах наследниц Расторгуева «от недостатка оборотного капитала платы людям не выдаются своевременно и от несогласия владельцев технических усовершенствований не делается». Это утверждение не совсем верно отражало положение на заводах, где в то время выплавалось до 300 тыс. пуд. железа «порядочного качества», и которые, по оценке того же Горного правления, входили в десятку лучших заводов Урала¹⁷. В одном горное начальство было совершенно право: «несогласия» владельцев продолжались и по-прежнему негативно отражались на работе предприятий.

По делу об их взаимных претензиях начались долгие судебные прения, по которым суды то обвиняли Харитонову в уклонении от прямых ответов по иску сестры, то предоставляли Зотовой право требовать отчетов по общему управлению не от Харитоновой, а, «буде пожелает, от мужа своего». Затянувшиеся споры заставили, наконец, министра юстиции объединить все иски в одно производство и сосредоточить его не в третьей инстанции, как желали заводчицы, а в Петербургском коммерческом суде. Это решение было утверждено указом Сената от 14 декабря 1850 г., по которому Зотова и Харитонова должны были избрать «от себя» по доверенному лицу и поручить им при посредстве Кыштымского заводоуправления «произвести по актам и конторским книгам счет о металлах, а равно и капиталах» за время их совместного владения¹⁸.

Поверенным от Марии Львовны стал муж ее старшей дочери Александры капитан-лейтенант Яков Григорьевич Головин, а после его смерти в 1853 г. — муж младшей дочери Ольги — полковник лейб-гвардии Преображенского полка Григорий Васильевич Дружинин. Выйдя в отставку в 1856 г. в чине генерал-майора, он в течение 30 лет «служил делу наследниц Расторгуева». Будучи страстным коллекционером произведений искусства, он много сделал для развития каслинского чугунолития. Ему же приписывают инициативу создания художественной школы в Каслях¹⁹. Брат Г. В. Дружинина Александр был популярным в свое время писателем и литературным критиком круга В. Г. Белинского, членом редколлегий журналов «Современник», «Библиотека для чтения», «Век». Поверенным от Елизаветы Львовны выступал ее сын Александр Александрович Зотов.

Уполномоченные проживали в Петербурге, бывали на заводах лишь наездами, но именно они назначали управляющего от каждой из двух частей владения Кыштымскими заводами. Со стороны Зотовой это был титулярный советник Л. Н. Деханов, со стороны Харитоновой — надворный советник Д. Ф. Аверьянов. Но, как впоследствии писала Е. Л. Зотова, такой порядок управления «был полезен, потому что оба управляющих действовали в общих интересах владельцев»²⁰. Форма

усложненного управления не изменилась и после перехода владения наследникам рассорившихся сестер Расторгуевых.

Последующая история владения пока не выяснена досконально. По предварительному раскладу она представляется в таком виде. Первой в 1867 г. скончалась М. Л. Харитоновна, передав свою половину владения Кыштымским округом двум дочерям — Александре Петровне Головниной и Ольге Петровне Дружининой, каждой из которых досталось по 1/4 части общего владения. Видимо, после смерти Марии Львовны Г. В. Дружинин продолжал какое-то время представлять интересы обеих ее наследниц. В 1868 г. он определил титулярного советника А. Д. Одинцова, выпускника Петербургской горной школы, на должность управляющего, пытаясь оттеснить от управления ставленника Зотовой Л. Н. Деханова. Генерал считал, что «дехановский порядок» уже устарел и его надо заменить «лучшим новым, по требованию науки», для чего и потребовался молодой инженер-технолог Одинцов. Между управляющими разгорелся нешуточный конфликт, вылившийся даже на страницы местной прессы. В 1872–1873 гг. горные и губернские власти жаловались на «беспорядок в управлении и финансах» на Кыштымских заводах. Главный начальник докладывал, что «пререкания» управляющих дошли до того, что на многие важные должности в заводской администрации ставятся по два служителя, а распоряжения владелиц и управляющих противоречат друг другу. В такой ситуации он даже просил Горный департамент назначить на заводы особого посредника «с правом решения всех вопросов». Требовала этого и Екатерина Львовна. Ее совместными усилиями с властями удалось «уломать» Г. В. Дружинина и водворить на заводах относительный «порядок и согласие»²¹.

Е. Л. Зотова пережила сестру на 11 лет. Еще в 1875 и 1876 гг. она осуществила «предварительную продажу» половины принадлежавшей ей «половинной части» владения Кыштымскими заводами своей дочери баронессе Клавдии Александровне Меллер-Закомельской, овдовевшей еще в 1862 г.²² Поэтому, когда Екатерина Львовна умерла в 1878 г. оставшаяся половина ее доли перешла малолетним внукам — детям умершего в 1876 г. сына Александра Александровича Зотова: потомственным почетным гражданам Александру, Николаю, Константину, Екатерине и Елене. 14 июня 1878 г. Екатеринбургская опека утвердила над имуществом малолетних наследников опекуновское управление в лице матери Зиновии Фокионовны Зотовой и Якова Ивановича Расторгуева²³.

На следующий год О. П. Дружинина и А. П. Головнина подали в Горный департамент прошение о разделе между собой наследственного «движимого и недвижимого имущества». «Мы постановили отныне и впредь, — писали сестры-совладелицы, — все участие в Кыштымских заводах предоставить одной из нас — именно жене генерал-майора Оль-

ге Петровне Дружининой»²⁴. Но это намерение не осуществилось, видимо, из-за возникших разногласий о варианте выдела Головниной. Отголоском этих новых семейных распрей стало учреждение уже не «двойственного», а «тройственного» управления на заводах. А. Д. Одинцов выполнял свои обязанности по доверенности Г. В. Дружинина, представлявшего теперь интересы только своей жены. Опекушка З. Ф. Зотова уполномочила на управление частью своих детей статского советника А. Х. Деви. Общим доверенным от А. П. Головниной и К. А. Меллер-Закомельской выступал некто Фадеев. Негативные последствия такого усложненного управления со всей очевидностью вновь проявились в заводских делах.

В том же 1879 г. Одинцов и Деви жаловались главному начальнику И. П. Иванову на Фадеева, который в отличие от них назначал на управленческие должности не инженеров и технологов, а «кыштымских мастеровых, не получивших никакого технического образования и обучавшихся лишь только грамоте в заводских школах». «Все наши предложения, — жаловались управляющие, — под разным предлогом отклоняются в видах удержания всего заводского дела в руках служащих из местных мастеровых. На что мы со своей стороны согласиться не можем в виду их крайней отсталости во всех устройствах заводских и по причине больших злоупотреблений по хозяйственной части». В отчаянии они просили главного начальника «принять участие в водворении должного порядка в заводском управлении и тем оказать нам содействие к ограждению интересов наших доверительниц». Эту просьбу поддержал и заводский исправник, сообщивший, что «совместные распоряжения управителей-техников и мастеровых положительно невозможны, между тем как все расходы по улучшению техники падают на двух только совладелиц».

И. П. Иванов поручил исправнику призвать всех управляющих «вникнуть в последствия происходящих споров между ними и войти в соглашение об устранении угрожающего рабочим вреда, в особенности от лиц, назначаемых на должности, которым они не соотвествуют по своим знаниям и способностям, а если соглашение не состоится, то обратиться к владелицам частей имения, которые могут устранить встречаемые неудобства своими коллективными распоряжениями»²⁵. Но как раз этого-то и трудно было требовать от совладелиц. Разногласия их управляющих были, прежде всего, отголосками споров между ними. Любопытно, что эти споры привели к казалось бы неожиданным поворотам в отношениях между родственниками. Судя по всему, теперь конфликтовали уже не столько кланы Харитоновых и Зотовых между собой, сколько Зотовы и Дружинины с Головнинными и Меллер-Закомельскими. Причем последние «сдружились» до того, что в итоге их части владе-

ния объединились. В 1881 г. А. П. Головнина продала свою $\frac{1}{4}$ долю не родной сестре, а кузине К. А. Меллер-Закомельской, в итоге ставшей самой крупной владелицей условной половины Кыштымского горно-заводского округа²⁶. Это, естественно, только укрепило позиции ее ставленника и вряд ли способствовало достижению согласия в «тройственном» управлении заводами.

Ситуация на заводах комментировалась осведомленными авторами публикаций в местной газете «Екатеринбургская неделя». В 1880 г. они отмечали, что «в то время как одни из совладельцев начинают сознавать, что конечная цель эксплуатирования их богатств заключается вовсе не в том, чтобы получить только возможно больший дивиденд, а в том, чтобы получать этот дивиденд путем наибольшего удешевления... и усовершенствования способов производства путем применения к заводскому делу техники», другие из владельцев «крепко держатся рутинных порядков... которые являются анахронизмом в горнозаводском производстве». В 1886 г. та же газета констатировала, что положение дел в округе только ухудшилось²⁷.

В 1889 г. скончался Г. В. Дружинин. Судя по ближайшим последствиям этого события, можно предположить, что именно его принципиальная и авторитетная позиция прежде не позволяла достичь компромисса между совладельцами со столь различными представлениями о назначении заводов и роли владельцев. Новым поверенным в делах О. П. Дружининой стал ее сын Василий Григорьевич Дружинин. Видимо, его отношение к родственникам и совместному владению было компромиссным. Не случайно уже на следующий год все совладельцы решились, наконец, упорядочить свои права и установить общее управление заводами.

В декабре 1890 г. они представили министру госимуществ на рассмотрение проект «Положения об управлении общим имением» наподобие тех, которые уже действовали в некоторых уральских многовладельческих округах (Алапаевском, Невьянском, Пожевском). Главный начальник И. П. Иванов охотно поддержал намерение владельцев. «Когда ранее при постоянно возникавших между владельцами Кыштымских заводов несогласиях, на заводах было тройственное управление, — сообщал он в Горный департамент, — то не говоря уже о напрасных расходах, сопряженных с содержанием такого управления, происходил значительный убыток от многих распоряжений двух или трех управляющих, обыкновенно между собою не согласных, а иногда и враждующих... При подобном положении заводы несомненно должны клониться к полному расстройству и упадку, что, конечно, нежелательно и может быть устранено лишь учреждением по взаимному согласию владельцев общего управления»²⁸.

«Положение» было утверждено 14 ноября 1891 г.²⁹ Оно, во-первых, определило «степень участия в общем имении каждого владельца» и тем самым упорядочило имущественные отношения между ними. «Для избежания чрезмерного дробления имения и для удобнейшего определения степени участия в общем имении каждого владельца» оно было поделено на 3360 условных частей, распределенных между совладельцами в соответствии с правами наследия и приобретения. По этим расчетам вдова генерал-майора баронесса К. А. Меллер-Закомельская получила право на 1680, вдова генерал-майора О. П. Дружинина — на 840, потомственные почетные граждане Александр, Николай и Константин Александровичи Зотовы — по 240, их сестры — потомственная почетная гражданка Екатерина Александровна Зотова и жена потомственного дворянина Елена Александровна Попова — по 60 долей. В соответствии с этими пропорциями отныне и должны были распределяться доходы совладельцев.

Во-вторых, «Положение» 1891 г. оформило новый порядок управления общим имением. В Петербурге, где проживали совладельцы, раз в год созывалось Общее собрание, на котором подводились итоги работы округа, решались важнейшие вопросы и разбирались споры. Право голоса на Общем собрании получал владелец 10 долей, владелец 840 долей мог рассчитывать на два, 1680 — на предельные три голоса. Общее собрание выбирало на три года Главное правление (располагавшееся на Сергиевской ул., 45) из трех членов и трех кандидатов «из среды самих владельцев или из лиц посторонних». Важнейшей обязанностью Главного правления было «устройство местного управления в общем имении», надзор за его деятельностью и «разрешение возникших недоразумений», а также «приглашение главного управляющего всеми заводами». На первом собрании владельцев 27 февраля 1892 г. членами Главного правления были избраны Н. А. Зотов, отставной гвардии корнет барон В. В. Меллер-Закомельский (сын К. А. Меллер-Закомельской) и титулярный советник В. Г. Дружинин. Главноуправляющим Кыштымскими заводами по доверенности всех совладельцев стал горный инженер П. М. Карпинский³⁰.

По мнению специалистов, с этого времени в округе начинается «период обновления». Был выработан перспективный план реорганизации предприятий округа, потребовавший значительных капиталовложений. Вернейшим способом привлечения внимания и капиталов «со стороны» стало активное участие Кыштымских заводов на всероссийских и всемирных промышленных выставках, где каслинское чугунное литье было вне конкуренции. Считается, что среди заводладельцев ведущую роль в этом сыграл В. Г. Дружинин, курировавший в Главном правлении выставочную деятельность³¹. Особо значимой оказалась Всемирная выстав-

ка в Париже 1900 г., где от Кыштымских заводов выставлялся потрясающий по красоте и исполнительскому мастерству чугунный павильон. Полученные награды, свидетельствующие об огромном производственном потенциале заводов наследников купца Расторгуева, послужили основанием, как для отечественных банков, так и для иностранных (в частности, английских) финансистов оказать поддержку перспективному уральскому округу. В то время здесь выплавлялось до 1530 тыс. пуд. чугуна и 193 тыс. пуд. чугунных изделий, выдвигалось до 980 тыс. пуд. железа и 34 тыс. пуд. железных и медных изделий³². Но получению иностранных инвестиций мешала семейно-паевая форма владения заводами. Не случайно в том же 1900 г. состоялась ее реорганизация в акционерное общество.

Как следует из Устава, утвержденного царем 3 июля 1900 г., оно учреждалось «для продолжения и расширения деятельности горных заводов, входящих в состав Кыштымского горнозаводского имения наследников Л. И. Расторгуева в Пермской и Уфимской губерниях, а равно для устройства и эксплуатации новых механических, металлургических, химических и других заводов, приготавливающих изделия и продукты из металлов, минералов и дерева, а также для добывания и обработки золота, платины, руды, торфа, каменного угля и иных минералов, и для торговли продуктами горной и фабрично-заводской промышленности, как в России, так и за границей», т. е. именно для модернизации всего окружного хозяйства. Учредителями Общества Кыштымских горных заводов выступили его владельцы: О. П. Дружинина, Н. А., К. А., Е. А. Зотовы и Е. А. Попова, а также наследники скончавшейся в 1897 г. К. А. Меллер-Закомельской: ее сыновья — отставной полковник барон Федор Владимирович, состоящий в запасе гвардейской кавалерии корнет барон Владимир Владимирович, надворный советник барон Григорий Владимирович Меллер-Закомельские и дочери — вдова коллежского советника Екатерина Владимировна Романова, вдова надворного советника княгиня Мария Владимировна Масальская и баронесса Клавдия Владимировна Меллер-Закомельская. Владевший $1/14$ долей А. А. Зотов по какой-то причине не вошел в состав учредителей, в результате чего новое Общество было создано «по большинству $13/14$ частей в сем имении». Основной капитал Общества был тогда определен в 8610 тыс. руб., разделенных на 34440 акций³³. С этого времени бывшие совладельцы формально утратили свой прежний статус и превратились в держателей акций, распределение которых между ними еще предстоит выяснить. Известно только, что после смерти О. П. Дружиной в 1902 г. ее акции перешли детям, в том числе и В. Г. Дружинину, который вместе с В. В. Меллер-Закомельским, Н. А. Зотовым и В. В. Романовым по-прежнему входил в состав директоров общества³⁴.

Получение в том же 1900 г. займа от Ярославско-Костромского земельного банка в 3473 тыс. руб. под залог заводов и начавшийся вскоре экономический кризис, видимо, на время отодвинули план подключения к финансированию округа английского капитала. Он реализовался в 1907—1908 гг., когда под угрозой финансового банкротства акционерное общество бывших владельцев округа сложным путем уступило свои акции английской Кыштымской корпорации во главе с Л. Уркарто. Ведущую роль в этом сыграл барон В. В. Меллер-Закомельский, бывший в то время председателем Петербургской губернской земской управы. В скором времени он станет членом ЦК партии кадетов, будет избран в Государственный Совет и окажется в руководстве Прогрессивного блока. После революции он возглавит Совет государственного объединения России (СГОР) — самое представительное объединение антибольшевистских сил, после поражения которых эмигрирует за границу.

Английские эксперты в целом признали удовлетворительным положение Кыштымского округа под управлением акционерного общества. «Вообще все заводы находятся в порядочном состоянии, кроме Нижнекыштымского и доменных печей в Каслинском и Нязе-Петровском заводах, — указывал в своей записке инженер Гаррисон, — но, вследствие недостатка технического познания со стороны администрации, общество не извлекает тех выгод по отношению к стоимости производства и оборота, как это следовало бы... Единственно, чего недостает — это английского технического руководства с практической опытностью и тактом, вместе с русским посредствующим вполне понимающим русских рабочих»³⁵. За счет английских денег в последующие годы в округе были проведены тщательные геологоразведочные и лесоустроительные работы, произошла техническая перестройка отдельных заводов на электролизную плавку меди, дальнейшее развитие получило производство кровельного железа и чугунное литье. Кыштымский округ являлся участником монополистических объединений «Медь» и «Кровля», его акции охотно покупали многие столичные коммерческие банки (Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый). По расчетам специалистов, к 1913 г. округ вошел в группу наиболее перспективных хозяйств Урала с точки зрения реализованного экономического потенциала³⁶.

Но, судя по отрывочным сведениям, конфликты между бывшими совладельцами и нынешними владельцами акций, не прекратились. Известно, например, о судебном деле между В. Г. Дружининым и В. В. Меллер-Закомельским, возникшем в 1911 г. по поводу продажи акций Общества Кыштымских заводов английской Кыштымской корпорации. По предварительному договору с англичанами, заключенному при посредничестве В. В. Меллер-Закомельского, одна «старая» акция приравнивалась

к 11,6 акциям нового общества. Но Василий Григорьевич за свои 1500 акций получил всего 13006 акций Кыштымской корпорации, т. е. из расчета 1:8,7. Из них ему передавались 8700 акций, а за остальные выдавались 45195 руб. Это и вызвало недовольство акционера, требовавшего пересмотра условий договора³⁷.

Рассмотренная нами в самых общих чертах история владения Кыштымским горнозаводским округом предками и семьей В. Г. Дружинина за весь почти столетний период позволяет увидеть некоторые ее специфические особенности. Прежде всего, они были связаны с негативными проявлениями такого характерного для частного предпринимательства явления как многовладение. Всего 15 лет (с 1808 по 1823 г.) округ находился в руках одного владельца (Л. И. Расторгуева), после чего одновременно во владение вступали от двух до 12 лиц. Уже во втором составе владельцев (дочери Л. И. Расторгуева) обнаружились непримиримые отношения между ними. Рецидивы этих конфликтов сопутствовали и всем последующим периодам владения.

Основной их причиной были не столько различные видения перспектив развития заводов, сколько элементарная неотрегулированность процедуры распределения доходов между совладельцами. Судя по подобным же случаям во владельческой истории других горнозаводских округов Урала (в частности, Сысертского, Шайтанского, Шурминско-Залазинского), во многом способствовал такой ситуации преимущественно женский состав владельцев, а также довольно позднее учреждение «правильного» семейно-паевого товарищества (в 1891 г.), которое вводило имущественные отношения между совладельцами в «железные рамки» закона.

Следствием многовладения стали не только натянутые отношения между родственниками-совладельцами, но и длительное (с 1841 по 1891 г.) существование особой формы управления общим именем («двойственного» или «тройственного»), которая существенно осложняла деятельность и развитие заводов. Финансовые проблемы, крупные долги перед казной и рабочим населением, порой доведенным до волнений, сопровождали фактически всю историю Кыштымского округа, неоднократно ставили владельцев на грань банкротства и вынуждали государство принимать экстренные меры (вплоть до установления полного казенного присмотра) для поддержки заводов.

Тем не менее, в XIX в. с помощью государства или своими силами владельцы находили способы преодоления трудностей и сохранения родового имени в своих руках. В каждый период среди владельцев и их ближайшего окружения находились лица, способные выбирать талантливых управляющих и принимать компромиссные решения. Во второй половине XIX в. особую роль в управлении играли Григорий Васильевич

Дружинин и его сын Василий Григорьевич. Но в начале XX в. задачи индустриальной модернизации Кыштымского округа вынудили владельцев перейти к акционерной форме владения и разделить его с английскими предпринимателями и коммерческими банками. В такой ситуации Дружинины утратили свое положение, уступив ведущую роль представителям нового предпринимательского типа из рода баронов Меллер-Закомельских.

В целом история владения одним из крупнейших и богатейших горнозаводских округов Урала представителями родственных кланов купцов Расторгуевых, именитых граждан Зотовых и Харитоновых, дворян Дружининых и баронов Меллер-Закомельских является примером далеко не идеальной модели, в которой определяющее значение имели не простые отношения между родственниками-совладельцами. Эта модель владения существенно усложняла развитие Кыштымских заводов, но, тем не менее, позволяла поддерживать заводское производство на достаточно высоком для Урала уровне и сделать его продукцию (в первую очередь каслинское художественное литье) известной во всем мире. Значительную «социальную эволюцию» совершил за это время благодаря владению уральскими заводами и сам род вольского купца Л. И. Расторгуева. Он дал России несколько ярких исторических личностей, в числе которых был и выдающийся ученый В. Г. Дружинин.

¹ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 400–410.

² Рабочее движение в России. Т. 1. М., 1951. С. 382, 385–386.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 230.

⁴ Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 79.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 39–41.

⁶ Там же. Л. 67, 85, 88–104.

⁷ Там же. Л. 311, 334; Д. 6119.

⁸ Агеев С. С., Микитюк В. П. Указ соч. С. 82–83; Харитонова Е. Д. Из истории купеческого рода Харитоновых // Уральская старина. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 16–18; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 1, 6 об., 8, 18.

¹¹ Там же. Л. 24–28.

¹² Там же. Л. 29–30, 51–52, 70–77, 104.

¹³ Там же. Л. 105–106, 111–112; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7279. Л. 110.

¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 150; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 38, 77, 348.

¹⁶ Свистунов В. М. История Каслинского завода. 1745–1900 г. Челябинск, 1997. С. 61–64.

¹⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 61–62; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 196–198.

¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23, 28; Д. 67. Л. 4–7, 58–61.

¹⁹ Свистунов В. М. Указ. соч. С. 65–66, 72.

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1260. Л. 72–77.

²¹ Там же. Л. 107–108 об., 110–110 об., 119; Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003. С. 72.

²² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1286. Л. 1–2, 12.

²³ Там же. Л. 15, 16; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4347. Л. 1. Даты жизни владельцев (точные или предположительные) по совету члена РГО Е. Г. Поповой-Яцкевич взяты из издания «Петербургский некрополь» / Сост. В. Сайтов. СПб., 1912. Т. 2. С. 222; Т. 4. С. 405.

²⁴ Цит. по: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Ч. 2. Уфа, 1993. С. 131–132.

²⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 991. Л. 1–2, 12–13 об., 19–20.

²⁶ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 132.

²⁷ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 102–103.

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 270. Л. 2–3.

²⁹ ПСЗ-III. Т. 11. № 8061; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2394. Л. 3–18 об., 68.

³⁰ Свистунов В. М. Указ. соч. С. 74–75.

³¹ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 104; Свистунов В. М. Указ. соч. С. 75–84.

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 402. Л. 36–37.

³³ ПСЗ-III. Т. 20. № 19003; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 979. Л. 2–3.

³⁴ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 158–159; Свистунов В. М. Указ. соч. С. 90.

³⁵ Свистунов В. М. Указ. соч. С. 90.

³⁶ Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленности Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2007. С. 37, 70–78, 182–189.

В. Г. Дружинин — выпускник

Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии

В августе 2009 г. исполнилось 150 лет со дня рождения учёного-историка, археографа и коллекционера Василия Григорьевича Дружинина — выпускника Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии. К этой дате в школьном музее средней общеобразовательной школы № 181 Центрального района Санкт-Петербурга был подготовлен выставочный стенд с материалами о жизни и деятельности В. Г. Дружинина. Этим школа продолжила свою традицию по сбору и изучению материалов о выпускниках Третьей гимназии, правопреемницей которой 181-я школа имеет основания себя считать, поскольку располагается она в тех трёх корпусах между Соляным переулком, д. 12 и Гагаринской улицей, д. 23, в которых с 1823 по 1918 г. помещалась Третья Санкт-Петербургская классическая гимназия.

За 95 лет своего существования Третья гимназия выпустила из своих стен многочисленную плеяду воспитанников, в дальнейшем проявивших себя в различных сферах деятельности. Можно было бы назвать свыше трёх десятков громких имён, но вот только несколько из них: Н. И. Заремба (вып. 1840 г.) — будущий директор Петербургской консерватории, педагог П. И. Чайковского; Д. И. Писарев (вып. 1856 г.) — филолог и литературный критик, А. В. Прахов (вып. 1863 г.) — доктор теории искусств, реставратор и археолог; Д. С. Мережковский (вып. 1883 г.) — поэт, писатель и философ; В. Д. Набоков (вып. 1887 г.) — публицист, профессор юриспруденции, депутат I Государственной Думы; П. Б. Струве (вып. 1889 г.) — русский экономист, историк, философ; В. А. Оппель (вып. 1891 г.) — хирург, основатель научной школы военно-полевой хирургии, И. И. Соллертинский (вып. 1902 г.) — музыковед, театровед и литературовед. Список этих имен может достойно пополнить и имя В. Г. Дружинина.

Василий Дружинин поступил в Третью гимназию в 1874 г. сразу в 5-й класс, и закончил её в 1879 г. с серебряной медалью¹. Теперь немного о самой гимназии и об истории её создания². Санкт-Петербургская мужская классическая гимназия (а Третьей она стала называться с 1831 г.) была учреждена 26 января, по старому стилю, 1823 г. в результате слияния двух учреждений: Учительского института и Петербургской губернской гимназии³. Задачей нового учебного заведения являлось, как было написано в Указе Министерства Народного Просвещения, «приготовлять для низших училищ наставников и для университета студентов». Важно отметить, что с самого момента учреждения гимназии для поступления в неё не существовало ни сословных, ни национальных ограничений — в ней могли обу-

чаться дети дворян, мещан, лиц духовного звания, лакеев, даже родителей крестьянского звания, а также иноверцев⁴.

Помимо общеобразовательных предметов: русского языка и словесности, математики, истории и географии, в учебный курс гимназии было включено преподавание классических языков — латинского и греческого в качестве обязательных предметов. Причём изучение латинского языка вводилось уже с 1-го класса, а греческого — с 5-го класса⁵. Преподавались также и новые языки: немецкий и французский. А возглавлял перечень предметов в таблице «распределения уроков» Закон Божий, преподававшийся в гимназии с 1-го по 8-й класс. Учащиеся, успешно заканчивавшие полный курс гимназии, а к началу 70-х годов XIX века он составлял 8 лет, могли без экзаменов поступать в университет.

Старшие гимназические классы помещались в здании на Гагаринской улице (нынешний адрес: Гагаринская, д. 23). Во время учреждения в нём в 1823 году гимназии оно имело два этажа, но спустя 20 лет, в 1843 г., был надстроен третий этаж, так как стало не хватать помещений в связи с существенным увеличением за этот период притока учащихся⁶. Сохранилась фотография середины XIX века здания гимназии по Гагаринской улице⁷ (рис. 1).

Именно в нём и учился В.Г. Дружинин в течение всего своего пятилетнего пребывания в стенах гимназии. До сегодняшнего дня фасад здания сохранился почти без изменений, а на его фронтоне, в центре,

Рис. 1. Здание Третьей гимназии по Гагаринской улице. Фото 1860-х годов

можно видеть натурную датировку крупными цифрами 1823 — год учреждения гимназии.

К 50-м годам XIX века Третья гимназия уже славилась своим учебным курсом среди других гимназий Петербурга. Скорее всего, поэтому два старших брата Василия Дружинина — Александр и Михаил — были отданы учиться в эту гимназию, полный курс которой оба и закончили в 1871 г. В Памятке бывшим ученикам Третьей гимназии (рис. 2), составленной её выпускником 1892 г. С. В. Лавровым и изданной в 1911 г., дан полный список выпускников с 1827 по 1910 год. В этом списке мы можем найти и четырёх Дружининых — Василия, двух его братьев, а также его сына Александра⁸.

Директором гимназии в то время был её бывший выпускник, а затем преподаватель, В. Х. Лемониус⁹, (рис. 3) магистр греческой и римской словесности.

По воспоминаниям В. Г. Дружинина «Он обладал большими странностями, но это был человек чрезвычайной доброты, он прекрасно относился к воспитанникам. Его за это ценили гимназисты, что бывает редко...»¹⁰. В старших классах гимназии Лемониус преподавал греческий язык. На уроках, начиная с шестого класса, он читал учащимся «Одиссею» и «Илиаду».

Рис. 2. Памятка бывшим ученикам Третьей С.-Петербургской гимназии, сост. С. В. Лавров, С.-Петербург 1911 г.

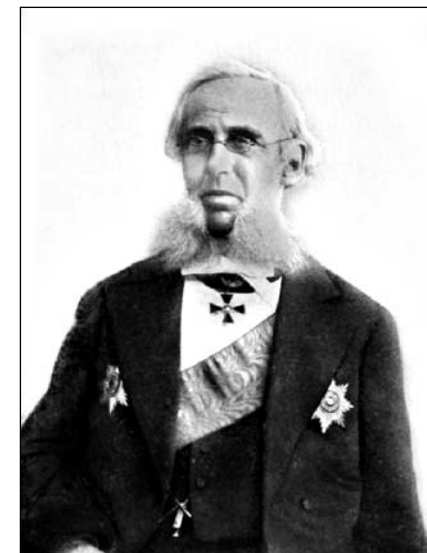

Рис. 3. В. Х. Лемониус, директор Третьей СПб гимназии с 1859 по 1897 г.

Преподавателем же латыни в старших классах был, по выражению одного из одноклассников В. Г. Дружинина Н. Я. Чистовича «грозный учитель латинского языка Э.Э. Кесслер, известный знаток филологии и автор прекрасной латинской грамматики (синтаксис). Он был неумолимо требователен и строг, но в то же время, безусловно, справедлив». Русскую словесность в старших классах преподавали: сначала Н. А. Вестерринк (сконч. в 1877 г.), а по его смерти А. Д. Мохначёв. Последний, по характеристике того же Н. Я. Чистовича «очень даровитый преподаватель, уроки которого доставляли нам истинное наслаждение»¹¹.

По воспоминаниям же самого В. Г. Дружинина, «заметив в воспитаннике склонность к своему предмету, или вообще к чтению, они открывали ему доступ к фундаментальной библиотеке, в то время хорошо обставленной. На уроках нам показывали факсимиле древних памятников письма по изданиям Общества Любителей Древней Письменности, которые имелись в библиотеке, так как Гимназия получала их по подписке»¹².

Преподавателем истории в старших классах гимназии был Я. Г. Гуревич¹³. По воспоминаниям В. Г. Дружинина «его уроки проходили с большим интересом; он внушал желание расширять знания чтением пособий по своему предмету и нередко обращал уроки в чтение выдающихся сочинений по истории. Он был очень отзывчивый человек и неутомимый труженик»¹⁴.

И ещё из воспоминаний В. Г. Дружинина: «Математику преподавал П. П. Семенников, известный основатель нескольких библиотек для чтения, очень хорошо подобранных, в коих он преследовал не одну только коммерческую цель, а ставил их задачей облегчать людям, ищущим просвещения, нахождение необходимых им пособий. Мы уважали его, как чрезвычайно добросовестного преподавателя. Но особенно любили и ценили его за воспитательные беседы, которые он от времени до времени вёл с воспитанниками старших классов в часы уроков, если то позволяло своевременное прохождение курса. Беседы велись на нравственные и житейские темы и заставляли юношей задумываться над многими житейскими вопросами»¹⁵.

По представленным выше воспоминаниям можно судить, что В. Г. Дружинин и Н. Я. Чистович большое значение придавали не только профессионально-образовательной стороне преподающих им педагогов, но и их человеческим, личностным качествам. В этой связи нельзя не упомянуть и о преподавателе французского языка Жорже Вильде и об эпизоде, имевшем место в 1879 году.

Вот характеристика, данная Ж. Вильду Н. Я. Чистовичем в своих воспоминаниях: «Это был маленький живой старичок, полный самых высоких идеалов, но, конечно, совершенно не гармонировавший с общим

тоном классической гимназии, организованной немецкими классиками с Лемониусом во главе. В Педагогическом Совете Вильд не имел никакого авторитета и ученики его порядочно изводили. Наш класс как-то лучше к нему отнёсся, сумел почувствовать в нём родственную нам душу и, кончая курс, мы решили отличить двух, наиболее симпатичных нам, учителей П. П. Семенникова и Вильда. Мы в складчину купили им подарки: Семенникову подстаканник с вырезанными нашими фамилиями, а Вильду — альбом с нашими портретами, пригласили их на квартиру нашего товарища Василия Григорьевича Дружинина и поднесли им подарки с соответствующими речами. Юбиляры были растроганы до слёз и у нас осталось светлое радостное воспоминание об этих минутах»¹⁶.

Надо отметить, что этот 52-й по счёту выпуск Третьей гимназии был самым представительным по числу вышедших из её стен выдающихся деятелей¹⁷. В числе выпускников, кроме В. Г. Дружинина, были В. П. Амалицкий (1860–1917), выдающийся геолог и палеонтолог; М. Г. Деммени (1859–1920), нумизмат, член Русского Археологического Общества, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861–1939), выдающийся учёный-петрограф; Д. И. Толстой (1860–1941), товарищ управляющего музеем Императора Александра III, директор Императорского Эрмитажа; Н. Я. Чистович (1860–1926) профессор ВМА, основатель Клиники различных болезней.

В период учёбы В. Г. Дружинина в Третьей гимназии его семья жила на Сергиевской улице (ныне ул. Чайковского) сначала в доме № 23, а с 1875 года — в доме № 45. Этот дом был куплен вдовой генерал-майора Г. В. Дружинина, Ольгой Петровной, матерью В. Г. Дружинина. Она сама занимала квартиру в бель-этаже, Василий же жил в одной из двух квартир на первом этаже¹⁸. В этом доме В. Г. Дружинин прожил до 1901 года. Спустя 10 лет после окончания В. Г. Дружининым гимназии этот дом с начала 1880-х гг. стал местом собраний кружка молодых историков. (рис. 4).

Интерес к истории зародился у В. Г. Дружинина ещё во время учёбы в гимназии. Возможно, именно на почве общих интересов он подружился с И. А. Шляпкиным, хотя тот был старше него на 2 класса. Дружба связывала их и в дальнейшем — как во время учёбы в С.-Петербургском университете, так и в последующие годы. Оба они вошли в 1889 г. в кружок молодых историков, который был создан в Петербурге в около университетских кругах. Инициатором его создания был также выпускник Третьей гимназии И. И. Симонов.

Кроме Дружинина, Шляпкина и Симонова членами этого кружка стали ещё трое выпускников: Н. М. Бубнов, А. И. Барбашев и С. Л. Степанов. Общее же число вошедших в кружок составило 16 человек, среди которых были И. Ф. Анненский, С. Ф. Платонов и И(?). А. Козеко (воз-

Рис. 4. Дом № 45 по ул. Чайковского (б. Сергиевской), в котором В. Г. Дружинин жил с 1875 по 1901 год

можно, будущий директор Третьей гимназии, но это ещё предстоит подтвердить дальнейшим исследованиями).

Вот отрывок из воспоминаний одного из членов кружка Е. Ф. Шмурло: «Наш исторический кружок продолжал по-прежнему собираться раза два в месяц у Дружинина; это собрание по-прежнему носило чисто товарищеский характер: серьезное смешивалось с шуткой, хороший обмен мыслей. Библиотека Дружинина по-прежнему циркулирует по нашим рукам, и мы бессовестно каждый раз целыми стопами таскаем книги у добродушного хозяина...»¹⁹. Кружок этот просуществовал более пяти лет. Из воспоминаний Е. Ф. Шмурло видно, как кружок помогал молодым учёным, — члены его поддерживали друг друга и стимулировали к научному росту.

К сборнику «За 100 лет», изданному к столетию Третьей гимназии, которое отмечалось в 1923 году, В. Г. Дружининым были написаны воспоминания «Гимназические годы И. А. Шляпкина». Эти воспоминания открываются следующими словами: «Всем нам дорогая Третья Гимназия празднует редкое в истории средних учебных заведений торжество — столетие своего существования. Такие торжества невольно заставляют вспомнить о прошлом родного училища и о выдающихся его воспитанниках, которое их вскормило и вывело на дорогу плодотворного служения, на пользу родной науки и просвещения...»²⁰.

В качестве иллюстрации к этим словам представляется уместным вспомнить конкретные имена и лица двенадцати учёных, выпускников Третьей Санкт-Петербургской гимназии за весь 95-летний период её существования — академиков и членов-корреспондентов Академии Наук. По хронологии выпускков гимназии первым академиком стал А. С. Фаминцын (1835–1918), учёный-ботаник, физиолог растений. За ним идёт выдающийся учёный-петрограф академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861–1939); и следующим — академик АН СССР Н. Н. Аничков, выдающийся патолог, президент Академии Медицинских Наук СССР.

Членами-корреспондентами Академии Наук стали: историки М. С. Куторга (1809–1886), вып. 1827 г.; И. В. Помяловский (1845–1906), вып. 1863 г.; В. Г. Дружинин (1859–1936) вып. 1879 г.; филологи Т. Д. Флоринский (1854–1919), вып. 1872 г. и И. А. Шляпкин (1858–1918), вып. 1877 г.; учёный-химик Г. Г. Густавсон (1842–1908), вып. 1860 г.; ботаник К. Ф. Кесслер (1815–1881), вып. 1834 г.; крупный учёный в области электротехники Д. А. Завалишин (1900–1968), вып. 1918 г. и учёный-металлург Б. В. Старк (1883–1955) вып. 1902 г.

30 октября 2009 г. в связи со 150-летием со дня рождения В. Г. Дружинина, в Актовом зале школы был организован Круглый стол, посвящённый презентации небольшой выставки школьного музея²¹, знакомящей с жизнью и деятельностью В. Г. Дружинина. Кроме взрослых, в том числе и учёных РАН, приглашённых в школьный музей для участия в чтениях за Круглым столом, присутствовали и несколько учащихся школы. Одним из них предстояло разработать и провести экскурсию по выставке «В. Г. Дружинин, историк, археограф и коллекционер, выпускник Третьей СПб Гимназии», а другим — написать реферат на основе материалов выставки, а также самостоятельной поисковой работы, посвящённой жизни и научной деятельности В. Г. Дружинина (рис. 5).

И знаменательно то, что юбилейный год В. Г. Дружинина совпал со 130-летием окончания им Третьей СПб гимназии, и именно в её

Рис. 5. Фотография выставочного стенда в школьном музее, посвящённого 150-летию В. Г. Дружинина

стенах, в бывшем Актовом зале гимназии, спустя столько лет, почтили его память как учёного и человека.

¹ Алфавитный список выпускников 1827–1910 г. // *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам СПб третьей гимназии. СПб., 1911. С. 5. (С. В. Лавров, выпускник Третьей гимназии 1892 г., закончил филологический факультет СПб Университета, впоследствии директор Гимназии Императорского Человеколюбивого общества. См.: За сто лет. Петербургская б. третья гимназия. Воспоминания, статьи, материалы. Петроград: Издание 13-й Советской Трудовой школы, 1923 г. С. 237).

² *Пашкова Т. И.* «Рассадник истинного образования» (к 180-летию Третьей Санкт-Петербургской гимназии) // *История Петербурга* № 3 (19). 2004. С. 83–92.

³ *Куфериштейн Е. З., Борисов К. М., Рубинчик О. Е.* Улица Пестеля (Пантелеймоновская). Л.: Товарищество «Свеча», 1991. С. 53; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М. 1992. С. 114; СПб. Энциклопедия. СПб. 2004. С. 190.

⁴ Устав 1804 г. о гимназическом образовании // *Полное собрание законов Российской империи.* Т. 28. СПб, 1830. № 21.501. § 14, 38.

⁵ Третья гимназия оставалась «наиболее классической из классических», по выражению одного из её выпускников (вып. 1891 г.), выдающегося военного хирурга В. А. Оппеля (1872–1932), в которой вплоть до самого её закрытия в 1918 году широко преподавался греческий язык, включая основательное изучение памятников древнегреческой литературы: Гомера, Еврипида, Софокла. См.: Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // *За сто лет. Петербургская б. третья гимназия. Воспоминания, статьи, материалы.* Петроград: Издание 13-й Советской Трудовой школы, 1923 г. С. 130.

⁶ В 1823 г. число учащихся в гимназии составляло 228. К 1842 г. оно увеличилось до 350, а в 1875 г. число учащихся Третьей гимназии составляло уже 426. См.: *За сто лет...* С. 228.

⁷ См.: Лавров. Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской Третьей гимназии... С. 1.

⁸ Алфавитный список выпускников... С. 5.

⁹ В. Х. Лемониус оставался в должности директора 3-й СПб гимназии с 1959 по 1897 год. О нем см.: *За сто лет...* С. 230–231. Портрет на вкладке между с. 26 и 27.

¹⁰ *Дружинин В. Г.* Из воспоминаний. Гимназические годы И. А. Шляпкина // *За сто лет...* С. 101.

¹¹ Устав 1804 г. о гимназическом образовании // *Полное собрание законов Российской империи.* Т. 28. СПб, 1830. № 21.501. § 14, 38.

¹² *Дружинин В. Г.* Из воспоминаний. Гимназические годы И. А. Шляпкина // *За сто лет...* С. 103.

¹³ Я. Г. Гуревич был автором учебников и составителем хрестоматий по истории; впоследствии стал директором собственной гимназии и реального училища в Петербурге. О нем см.: *За сто лет...* С. 240.

¹⁴ *Дружинин В. Г.* Из воспоминаний. Гимназические годы И. А. Шляпкина // *За сто лет...* С. 104.

¹⁵ Там же. С. 104.

¹⁶ *Чистович Н. Я.* Отрывок из воспоминаний о Третьей СПб гимназии... // *Петербургская б. третья гимназия за сто лет...* С. 96.

¹⁷ *Лавров С. В.* Памятка бывшим ученикам СПб третьей гимназии. СПб., 1911. С. 49–50.

¹⁸ В другой квартире жила дочь Ольги Петровны, жена полковника А. Г. Чичагова. Дом этот принадлежал О. П. Дружининой до 1901 года, а затем перешёл по купчей к княгине А. А. Оболенской, урождённой Половцовой. См.: Бройтман Л., Дубин А. Улица Чайковского. СПб.: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2003 г. С. 209.

¹⁹ *Шмурло Е. Ф.* Записки о Петербургском университете // *Отечественные архивы.* 2006. № 1. С. 72–99; Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // *Дела и дни.* 1921. Кн. 2. С. 132.

²⁰ *Дружинин В. Г.* Из воспоминаний. Гимназические годы И. А. Шляпкина // *За сто лет...* С. 97.

²¹ Музей образовательного учреждения ГОУ средней общеобразовательной школы № 181 Центрального района г. Санкт-Петербурга открыт 29 января 2008 года. Паспортизирован Комитетом по образованию Санкт-Петербурга Министерства образования и науки Российской Федерации, паспорт № 87-п / 2009; название музея «История школы».

В. Д. Чебанов

Последние годы В. Г. Дружинина

В 1920-х годах основным местом работы члена-корреспондента Российской академии наук Василия Григорьевича Дружинина была Археологическая комиссия РАН, заместителем председателя которой он был назначен 27 декабря 1921 г. Председателем Археологической комиссии в это время был академик Сергей Федорович Платонов.

С В. Г. Дружининым был хорошо знаком мой дед Виктор Иванович Яцкевич, бывший до февральской революции директором канцелярии обер-прокурора Св. Синода, а после нее — директором Департамента по делам православной церкви министерства вероисповеданий Временного правительства, с 1921 по 1924 год он был ученым секретарем Археологической комиссии¹. С В. Г. Дружининым был также знаком и мой двоюродный дед (брат моей бабушки) Иван Иванович Лаппо, профессор истории Юрьевского университета. В 1900–1910-е годы И. И. Лаппо часто обращался к В. Г. Дружинину в связи с изданием Литовских метрик и по многим другим вопросам, кроме того, они дружили семьями.

В начале 1920-х годов распределение обязанностей между ведущими сотрудниками археологической комиссии было таким: Василий Григорьевич заведовал печатными изданиями комиссии, вел ученую переписку и руководил канцелярией; В. И. Яцкевич — архивами, делопроизводством канцелярии и связями с типографиями и издательствами, а П. В. Акимов — библиотеками и книгохранилищами. Кроме того, этим сотрудникам в связи с ограниченностью штатов приходилось в неслужебное время выполнять и другие обязанности². Так, П. В. Акимов занимался расстановкой библиотечных книг, отбором и выдачей изданий в книгохранилище, В. И. Яцкевич ходил в типографии по делам изданий, а В. Г. Дружинин печатал на машинке письма, так как машинистки по штату не полагались.

До конца 1924 г. Археологическая комиссия и квартиры В. Г. Дружинина и некоторых других сотрудников комиссии размещались во флигеле дома № 27 по Надеждинской ул. (ныне ул. Маяковского), причем квартира Василия Григорьевича была на третьем этаже³. После катастрофического наводнения в сентябре 1924 г. (при котором погибли многие музейные экспонаты и книги, хранившиеся в подвалах академических зданий) Академии были предоставлены новые помещения в доме № 2а по Тучковой набережной (ныне набережная Макарова). В это здание была переведена и Археологическая комиссия⁴. В. Г. Дружинин жил в квартире при археологической комиссии, а часть его огромной библиотеки была размещена с разрешения неперменного секретаря Акаде-

мии академика С. Ф. Ольденбурга непосредственно в помещении Археологической комиссии⁵.

В конце 1929 г. партийное руководство страны решило, что пришла пора очистить Академию наук от «буржуазных элементов», от критически настроенных по отношению к новой власти ученых, и влить в нее новые, лояльные к новой власти кадры. Для достижения этих целей ОГПУ было сфабриковано так называемое «Академическое дело»⁶.

Начались увольнения и аресты сотрудников аппарата Академии наук, академических учреждений и Госархива, обвиняемых в участии в антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» и во вредительстве.

В ноябре был вынужден подать в отставку со всех своих постов академик С. Ф. Платонов, в ноябре же был уволен и В. Г. Дружинин с лишением прав на пособие, пенсию, работу и выселением из квартиры. Формальным поводом для его увольнения явилось выдвинутое Комиссией по проверке аппарата Академии наук обвинение в том, что он якобы, был личным информатором министра внутренних дел В. К. Плеве, донося ему о настроениях рабочих на Кыштымских заводах. Василий Григорьевич обратился в Центральную комиссию по чистке советского аппарата при Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, приводя факты, опровергающие это обвинение и просил снять с него это «незаслуженное позорное пятно», но ответа на свое обращение он не получил⁷.

12 января 1930 г. был арестован С. Ф. Платонов, который обвинялся как главный организатор мифического «Союза...», а 25 июня 1930 г. — В. Г. Дружинин, который обвинялся, в частности, в сокрытии от советского правительства документов государственной важности, не подлежащих хранению в академических архивах, — имелись в виду подлинники документов об отречении от престола Николая II в пользу брата Михаила и об отречении Михаила, отложившего вопрос о престолонаследии и государственном строе до решения Учредительного собрания, т. е. документов, ставящих под сомнение легитимность новой власти. Всего было арестовано более 150 человек, большая часть их была из Ленинграда⁸. Первым в списке ОГПУ был С. Ф. Платонов, вторым — Е. В. Тарле, а В. Г. Дружинин числился под номером 23⁹.

С. Ф. Платонов на первом этапе следствия не называл никаких фамилий своих единомышленников и стал давать показания практически лишь тогда, когда узнал, что его «подельники» уже назвали всех, кого только было можно¹⁰.

Нужно иметь в виду, что к оценке показаний подследственных следует подходить с большой осторожностью, так как в деле фактически не было никаких доказательств их вины, кроме их собственных показаний, которые были даны, в конечном итоге, после многочисленных из-

нуряющих допросов в духе навязываемого им следователями сценария дела, разработанного ОГПУ.

С. Ф. Платонов был дружен с Василием Григорьевичем со студенческих лет, они дружили семьями, сын Василия Григорьевича Александр в 1910 г. даже жил на даче в семье Сергея Федоровича¹¹. Сергей Федорович старался выгородить Василия Григорьевича из этого дела, он так писал о нем в своих показаниях от 22 сентября 1930 г.: «Дружинин Василий Григорьевич стар, близок к дряхлости, удручен семейными делами (жена сошла с ума). Он большевизма не понимает. По дружбе к нему я протестовал бы, если бы его предложили в “Союз”»¹².

10 февраля 1931 г. постановлением внесудебного органа — тройки ОГПУ ЛВО Василий Григорьевич Дружинин был обвинен по статье 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет¹³. В Соловецком лагере он находился с 9 марта 1931 г. до освобождения из заключения и отправки в ссылку на основании постановления коллегии ОГПУ от 23 мая 1932 г.¹⁴. Местом ссылки он выбрал Ростов Ярославской области (ему было запрещено проживание в 12 самых крупных городах страны)¹⁵.

В 1960-х годах я познакомился с внучкой Василия Григорьевича Марианной Александровной Коростылевой. Перед войной она потеряла отца, а во время блокады Ленинграда — мать. В 1950 г. она окончила 3-е Ленинградское педагогическое училище для детей, потерявших во время войны родителей, они содержались в нем на полном государственном пансионе. Но работала она впоследствии не педагогом, а бухгалтером.

М. А. Коростылева
(внучка В. Г. Дружинина)

В начале 1990-х годов, незадолго до своей кончины, Марианна Александровна рассказала мне все, что она помнила о своем деде и отце¹⁶, и дала мне фотографию своего деда для снятия копий. По-видимому, это фотография 1910-х годов, он изображен на ней на фоне стеллажей с книгами и с книгой в руках. Одну из копий фотографии я передал музею 181-й школы, бывшей Третьей гимназии, которую окончили Василий Григорьевич и его сын Александр Васильевич; эта же фотография была использована Т. Г. Смирновой в качестве иллюстрации к ее статье в сборнике «Деятели русской науки XIX–XX веков», вып. 4¹⁷.

Вскоре после ареста Василия Григорьевича его семья, в составе которой в это

время была и его годовалая внучка, была выселена из академического дома и переселена в непригодное для жилья помещение¹⁸. Это был подвал в доме № 47 по улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская улица); в настоящее время это помещение благоустроено и принадлежит Российской академии естественных наук. Этот последний адрес Василия Григорьевича (до настоящего времени не упоминаемый ни в одном источнике) я узнал от его внучки М. А. Коростылевой, Василий Григорьевич лишился также своей уникальной библиотеки, состоявшей, по его оценке, из 40 тысяч томов, которую он собирал, начиная с ученических лет и которая содержала очень редкие издания. После его увольнения и выселения библиотека была «присвоена», как писал В. Г. Дружинин в своих воспоминаниях, «новой канцелярией Правления»¹⁹. К настоящему времени сохранилась лишь часть его библиотеки, история расхищения книг из нее и определение мест их нахождения еще ждут своих исследователей. В 1990 г. книги из его библиотеки были обнаружены в Вайднеровской библиотеке Гарвардского университета, книги с экз-либрисами Дружинина в настоящее время рекламируются в интернете. При его аресте была конфискована и его уникальная коллекция поморского медного литья²⁰.

Жизнь в ссылке была очень тяжелой для Василия Григорьевича. Существовал он за счет очень скромных «гонораров», не очень регулярно высылаемых ему директором Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичем в качестве оплаты за «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах», которые он писал по его просьбе и высылал в Москву примерно по 50 листов в месяц. Тем временем, в 1933 г. в Ленинграде скончалась его жена Евдокия Александровна²¹.

В мае 1935 г. он получил разрешение на возвращение в Ленинград, но смог осуществить это лишь через несколько месяцев; 3-го июня 1935 г. он писал Бонч-Бруевичу: «Я теперь освобожден и не могу выехать из Ростова за отсутствием денег...ни ответа, ни денег». А 22 июня он написал ему уже так: «Очень прошу Вас ускорить перевод заработанных мною денег. Сижу впроголодь и не могу выехать отсюда»²².

В конце 1935 г. Василий Григорьевич, преждевременно состарившийся и больной, вернулся, наконец, в Ленинград к семье своего сына в подвал на улице Петра Лаврова. Марианна Александровна, которой тогда было 6 лет, вспоминала, что дедушка ходил с ней гулять в Таврический сад, благо вход в него был прямо напротив их дома.

15 января 1936 г. Василий Григорьевич Дружинин скончался в возрасте 76 лет: отказало сердце. Похоронили его на Смоленском православном кладбище рядом с женой, а, может быть, даже вблизи могилы его дяди Александра Васильевича Дружинина²³ (если она тогда была еще цела). Через несколько лет после войны Марианна Александровна

не смогла найти могилу своего деда; не сохранились на кладбище и могилы Александра Васильевича и его матери²⁴, надгробие которых описал в своих воспоминаниях Василий Григорьевич²⁵. Да оно и неудивительно, Смоленское кладбище пострадало, может быть, больше всех петербургских кладбищ, его начали разорять еще в 1920–1930-х годах. Характерным примером может служить демонтаж памятника с могилы генерал-лейтенанта Ф.-М. Клингера, который был использован в 1936 году для обелески, установленного к столетию гибели А. С. Пушкина на месте его дуэли (в книге «Исторические кладбища Петербурга» (СПб., 1993,) деликатно указано: «Первоначальный памятник утрачен»).

25 декабря 1959 г. Президиум Ленинградского городского суда своим постановлением № 4-У-0266/9 отменил постановления тройки ОГПУ ЛВО от 10 февраля и 23 мая 1932 г. в отношении В. Г. Дружинина прекратил производство дела в связи с отсутствием состава преступления и полностью его реабилитировал²⁶.

Сведения о сыне Василия Григорьевича Александре Васильевиче, по которому тоже прокатилось «красное колесо» 1930-х годов, очень скупы. После окончания Третьей гимназии он учился в Петербургском университете, потом служил помощником присяжного поверенного²⁷, после революции был служащим. В середине 1930-х годов он уехал в Колмону с надеждой, что это в какой-то степени обезопасит его семью от ленинградской волны репрессий, и работал там главным бухгалтером Репенского карьера²⁸. В декабре 1937 г. он ушел на службу и не вернулся домой; с ним в это время жила его восьмилетняя дочка. Его дочь только через несколько лет узнала о том, что его арестовали по доносу. В 1956 г. на запрос его дочери М. А. Коростылевой о судьбе отца УМВД Московской области сообщило ей, что ее письмо направлено в УМВД Амурской области²⁹. В городе Свободный Амурской области в те годы функционировал исправительно-трудовой лагерь «Амурлаг», в этом лагере он, вероятно, и отбывал свой срок. Скончался Александр Васильевич в 1940 г.; в свидетельстве о смерти, выданном бюро ЗАГС Ждановского района Ленинграда, в графах «причина смерти» и «место смерти» проставлены прочерки³⁰.

Президиум Московского областного суда своим постановлением № 1402 от 14.08.1959 г. полностью реабилитировал Александра Васильевича в связи с отсутствием в его действиях состава преступления³¹.

Василий Григорьевич Дружинин был ярким представителем минувшей эпохи крупных ученых, оставивших непревзойденные в своей отрасли научные труды. Хочется надеяться, что одно из учреждений Российской академии наук подготовит и выпустит издание, достойно оценивающее его вклад в отечественную науку.

¹ ПФА РАН Ф. 133. Оп. 1. Д. 1066. Л. 34, 107.

² ПФА РАН Ф. 133. Оп. 1. Д. 1066. Л. 61.

³ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Письма С. Ф. Платонова (1883–1930). Т. 1. М., 2003.

⁴ Мельников А. В. С волнением читали мы Ваше описание наводнения! (Из переписки академиков С. Ф. Платонова и М. М. Богословского). Невский архив, ист.-кр. сб. V. СПб., 2001. С. 519, 521, 523, 524.

⁵ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 1994. С. 222, 223.

⁶ Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе». Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

⁷ Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого). Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 485.

⁸ Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе». Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

⁹ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2 (2). Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998.

¹⁰ Покаяние академика Платонова (публикация и предисловие В. С. Брачева и С. В. Чернова). Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 5. С. 17.

¹¹ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Письма С. Ф. Платонова (1883–1930). Т. 1. М., 2003.

¹² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 177.

¹³ Постановление тройки ОГПУ ЛВО от 19.02.1931 г. Архив УФСБ РФ по СПб и обл., ф. арх.-след. дел, д. П-82333.

¹⁴ Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ от 23.05. 1932 г. Архив УФСБ РФ по СПб и обл., ф. арх.-след. дел, д. П-82333.

¹⁵ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 1994.

¹⁶ В последующем тексте сведения о последних месяцах жизни, кончине и захоронении В. Г. Дружинина, а также сведения о его сыне А. В. Дружинине (не подтверждаемые ссылками на документы) получены мной от М. А. Коростылевой.

¹⁷ Смирнова Т. Г. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого). Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб., 2008.

¹⁸ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 1994. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ Плигузов А. И. Библиотека Василия Григорьевича Дружинина. Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 20, 21.

²¹ Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 1994. С. 225.

²² Там же. С. 226.

²³ Дружинин Александр Васильевич (1824–1864), писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения».

²⁴ Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 299.

²⁵ А. В. Дружинин. Повести. Дневник. (Дополнения: В. Г. Дружинин. А. В. Дружинин и его дневник). М., 1986. С. 426.

²⁶ Постановление № 4 — V — 0266/9 от 25.12.1959 г. Личный архив М. П. Коростылева (правнука В. Г. Дружинина).

²⁷ Адресная и справочная книга «Весь Петроград» 1917 г.

²⁸ Постановление № 1402 от 14.08. 1959 г. Личный архив М. П. Коростылева.

²⁹ Письмо УМВД Московской области от 08.02.1956 г. Там же.

³⁰ Свидетельство о смерти от 27.08.1959 г. Там же.

³¹ Постановление № 1402 от 14.08. 1959 г. Там же.

«Собрание рукописей В. Г. Дружинина в Библиотеке РАН» Обзор юбилейной выставки

В феврале 2010 г. в Рукописном отделе БАН прошла юбилейная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения выдающегося ученого, историка и археографа, неперемного секретаря Археографической комиссии РАН Василия Григорьевича Дружинина (1869–1936 гг.). Собранные В. Г. Дружининым обширная коллекция старообрядческих рукописей и в 1919 г. переданная им в БАН является одной из крупнейших в стране. На основе ценнейших материалов этой коллекции уже не одно поколение отечественных и зарубежных исследователей изучает историю старообрядческого движения, его литературное, художественное и музыкальное наследие. К юбилею ученого в Отделе была подготовлена выставка наиболее ценных рукописей собрания, вызвавшая большой интерес участников конференции. Целью выставки было представить книжные раритеты, важнейшие документальные материалы и выдающиеся памятники старообрядческой книжности в контексте научных изысканий В. Г. Дружинина.

Сочинения писателей-старообрядцев XVII в.

1. Сборник. XVII в. (80–90-х гг.), 8⁰, 187 л., полуустав. Включает «Пятую соловецкую челобитную о правой вере», адресованную соловецкими старцами царю Алексею Михайловичу. Сборник в старинном поморском переплете «сумкой», является своеобразным архивом документов раннего старообрядчества. (Друж. 494).

2. Пустозерский сборник. 1672–1673 гг. 8⁰, 339 л., скоропись. Содержит автобиографическое житие руководителя старообрядческого движения протопопа Аввакума (автограф), сочинения его соиздателей по тюремному заключению в Пустозерском остроге: житие инок Епифания (автограф), сочинения священника Лазаря и дьякона Федора (Друж. 746).

3. «Книга» Спиридона Потемкина, составленная дьяконом Федором Ивановым. XVIII в. (20-30-е гг.), 8⁰, 226 л., скоропись. Запись В. Г. Дружинина о покупке рукописи в Москве 25 июня 1885 г. у книготорговца С. Т. Большакова. (Друж. 34).

4. Сборник сочинений дьякона Федора Иванова, включающий «слова» из «Книги» Спиридона Потемкина, составленной дьяконом Федором. XVIII в. (60-е гг.). 8⁰, 368 л., полуустав, копия с выговского оригинала 1715 г. (Друж. 465).

5. Сборник. XVIII в. (50-е гг.) 4е, 59 л., скоропись. Содержит автобиографическое житие и «Книгу бесед» протопопа Аввакума (Друж. 59).

6. Сборник сочинений пустозерских узников: протопопа Аввакума и дьякона Федора Иванова. XVII в. (70-е гг.), 8⁰, 149 л., скоропись. Содержит «Ответ православных» и «Повесть о патриархе Никоне». Книга принадлежала Игнатьевой пустыни, где находился в ссылке один из первых вождей старообрядчества протопоп Иоанн Неронов. (Друж. 762).

7. Сборник, содержащий «Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума». XVIII в. (90-е гг.) 4⁰, 267 л., полуустав. Сборник составлен автором-поповцем на Керженце на материалах архива пустозерских узников. Архив принадлежал Домнице, жене попа Лазаря, казненного в Пустозерске в 1682 г. вместе с протопопом Аввакумом. (Друж. 197).

8. Сборник. XVIII в. (50-60-е гг.), 8⁰, 230 л., полуустав. Сборник содержит жития старообрядческих мучениц за веру: Феодосии Морозовой, Евдокии Урусовой и Марьи Даниловой. (Друж. 483).

Старообрядческая поморская книжность

9. Сборник. XVIII в. (1-я треть). 8⁰, 274 л. Скоропись нескольких почерков. Содержит автографы выговских наставников Андрея Денисова, Даниила Викулина, Петра Прокопьева. (Друж. 74).

10. Сборная рукопись. XVIII в. (20-е гг. — 2-я пол.). 4⁰, 113 л. Скоропись нескольких почерков. Содержит черновые автографы сочинений выговских авторов: Андрея Денисова, Семена Денисова, Даниила Викулина, Петра Прокопьева, в том числе сочинения Андрея Денисова «О содержании староверов и о укоризне раскольникам» и «Сказание о плачевном времени» (Друж. 74).

11. «Поморские ответы». 1735–1736 г. 4⁰, 338 л., выговский полуустав. Важнейшее апологетическое старообрядческое сочинение, написанное в 1723 г. коллективом авторов Выговской старообрядческой пустыни под руководством наставника Андрея Денисова. Автограф наставника Мануила Петрова (Друж. 810).

12. Торжественник поморский. XVIII в. (1700–1720-е, 1750-е гг.). 4⁰, 426 л. Скоропись и полуустав. Помимо традиционных торжественных «слов» на церковные праздники, книга включает «слова» на память русских святых и праздников, написанные выговскими писателями. Автографы наставников Выга Андрея Денисова, Симеона Денисова, Даниила Викулина. (Друж. 337).

13. Сборник. XVIII в. (1-я пол.). 8⁰, 278 л. Полуустав и скоропись. Содержит выписки из разных книг и сочинения наставников Выга в авто-

графах: Петра Прокопьева, Андрея Денисова. Предисловие составлено Ф. П. Бабушкиным (XIX в.) (Друж. 462).

14. «Виноград Российский». XVIII в. (60-е гг.). 8⁰, 480 л., выговский полуустав. Выговский мартирологий, составленный Семеном Денисовым. (Друж. 31).

15. «История о зачале Выговской пустыни». XVIII в. (3-я четв.). 4⁰, 490 л., поморский полуустав. Сочинение выговского наставника и историографа Ивана Филиппова. (Друж. 760).

16. «История о отцах и страдальцах Соловецких», лицевой список. XX в. (нач.). 4⁰, 157 л., полуустав, 51 миниатюра. На л. 1 запись В. Г. Дружинина: «Работа семьи Каликина из Вологодской губ. Тотемского уезда Спасской вол., дер. Гавриловской. Текст — Иван Антонович Каликин; картинки — Григорий (17 л.) и Софья (8 л.) рисованы по тексту». (Друж. 109).

17. Житие Корнилия Выговского (в редакции Трифона Петрова) и Соборное послание выговцев к Феодосию Васильеву. XVIII в. (кон.). 8⁰, 216 л., поморский полуустав. (Друж. 182).

18. Сборник. XVIII в. (1-я треть, серед., 2-я пол.), 8е, 153 л., полуустав. Нотация знаменная, пометная. Содержит тропари и кондаки, стихиры и богородичны праздникам. Автограф выговского уставщика Трифона Петрова. (Друж. 836).

19. Сборник, составленный Мануилом Петровым на Выгу. XVIII в. (40–50-е гг.). 4⁰, 70 л., скоропись. Содержит сочинения выговских писателей, переписанные рукой Мануила Петрова, в том числе слова приветственные, плачевные и надгробные, стих на тезоименитство Симеона Денисова. (Друж. 114)

20. «Дьяконовы ответы» (часть 1). XVIII в. (40–50-е гг.). 16⁰, 342 л., полуустав. Сочинение содержит 130 вопросов нижегородского епископа Питирима старообрядцам-поповцам и ответы на них дьякона Александра. Поморский список. (Друж. 135).

21. Сборник. XVIII в. (кон.). 4⁰, 49 л., скоропись. Содержит автограф «Исповедания с Богом во единой вере крещения святого...», выговского наставника Григория Ивановича Корнаева (Романовского). (Друж. 202).

22. «Книга о случаях последнего времени, Титин потрясает вельми». Сочинение Ивана Алексеева. XVIII в. (посл. четв.). 4⁰, 160 л., полуустав. Выговский список. (Друж. 1000).

23. «Житие Андрея Денисова», написанное выговским наставником Андреем Борисовым. XIX в. (1-я треть). 4⁰, 258 л., полуустав. (Друж. 757).

24. Риторика Феофана Прокоповича. XVIII в. (посл. четв.), 8⁰, 191 л., поморский полуустав. В приложении помещены слова Андрея Денисова «Сотове медовнии» и «О девстве» (Друж. 124).

25. Риторика Софрония Лихуды. XVIII в. (1-я четв.), 4^о, 607 л., поморский полуустав. С примерами, сочиненными Андреем Денисовым и его учениками. (Друж. 122).

26. Сборник слов Андрея Денисова. XIX в. (20-е гг.), 4^е, 263 л., поморский полуустав. Содержит «Описание о отце Андреи Дионисиевиче вкратце», миниатюру с изображением Андрея Денисова и «слова» на разные темы (Друж. 501).

27. Сборник слов и посланий наставников Выга. XVIII в. (кон.) — XIX в. (нач.), 4^о, 269 л., полуустав и скоропись. Содержит «Слово святым последним», Семена Денисова. (Друж. 9).

28. Сборник. XIX в. (серед.), 4^о, 298 л., поморский полуустав. В составе сборника духовные завещания, надгробные и воспоминательные слова выговским отцам, в том числе слово на память Андрея Денисова «Плач церкви над пастырем», Трифона Петрова (Друж. 25).

29. Грамматика Мелетия Смотрицкого. XVIII в. (1-я треть). 8^о, 259 л., поморский полуустав. Пометы Симеона Денисова и примеры с упоминаниями Даниила Викулина, Андрея и Симеона Денисовых. (Друж. 299).

30. Стих поздравительный Андрею Борисову. Настенный лист. XIX в. (нач.). 1^о, 1 л., полуустав. Нотация знаменная, пометная. (Друж. 1114).

31. Сборник духовных стихов. XIX в. (20-е гг.). 8^о, 161 л., полуустав. Нотация знаменная, пометная. Переплет работы петербургского переплетчика конца XIX—начала XX вв. Федора Михайловича Марасаева. (Друж. 46).

32. «Чиновник» Выголексинского монастыря. XVIII в. (40–80-е гг.), 4^о, 241 л., полуустав. Содержит установления и распорядок жизни иноков. (Друж. 8).

33. «Реестр на Шолтопороге в часовни Илии Пророка книгам» и описание икон той же часовни, составленные Прокопием Анфимовым Ефремовым в 1767 году. 8^о, 5 л., полуустав. (Друж. 487).

34. Обиход. XVIII в. (2-я пол.). 4^о, 335 л., полуустав и скоропись. Нотация знаменная, пометная. Запись на ярлыке: «№ 7. Обиход из кельи «Большаковой»», на обороте «Данилов» и «1912 г.» (Друж. 656).

35. Поморский иконописный подлинник (сводный). XIX в. (сер.), 4^о, 299 л. Выговский полуустав нескольких почерков. Описания внешности святых даются в нескольких вариантах. Переплет работы Ф. М. Марасаева. (Друж. 981).

36. Сборник служб выговским отцам. XIX в. (2-я пол.). 4^о, 162 л., полуустав. В составе сборника «Служба Симеону Денисову», Ивана Филиппова. (Друж. 64).

37. Синодик выговский. XVIII — XIX вв. (перв. пол.) 4^о, 246 л. Поморский полуустав нескольких почерков. (Друж. 377).

41. Святцы. 1793 г., 16^о, 82 л., полуустав. Запись: «Сия святцы Кс[ени] Ф[еоктистовны Долгой] 1793 г.» (Друж. 185).

42. Святцы. XIX в. (1-я пол.). 8^о, 327 л., полуустав. Записи и дополнения о памятях выговских святых сделаны последним выговским наставником Ф. П. Бабушкиным. Миниатюра с изображением преп. Федора Стратилата. (Друж. 131).

43. Последование церковного пения и вселетного собрания с Пасхалией. XVIII (1720-е гг.) 4^о, 327 л. Полуустав. Вставки, дополнения Ф. П. Бабушкина (XIX в.) (Друж. 736).

44. Устав выговский. XIX в. (1-я пол.). 4^о, 564 л., полуустав. Переписан рукой Ф. П. Бабушкина. Вкладная запись 16 ноября 1836 г. (Друж. 327).

Рукописи орнаментированные и лицевые

45. Стихирарь (сентябрь — февраль). XIX в. (нач.). 2^о, 215 л., полуустав (лексинское письмо). Нотация знаменная, пометная. Заставки-рамки, заставки и инициалы поморского стиля. (Друж. 955)

46. Сборник певческий лицевой. XIX в. (нач.). 2^о, 281 л., Гуслицкое (беловское) письмо. Нотация знаменная и демественная, пометная. Рукопись украшена цветными миниатюрами к богослужебным текстам, заставками-рамками, заставками и инициалами гуслицкого стиля. Запись писца Ивана Никитина. (Друж. 953)

47. Святцы. Работа мастериц Лексинской пустыни. XVIII—XIX вв. Друж. 184, Друж. 651, Друж. 758. Все рукописи имеют формат в 16^о (и меньше) и иллюминированы типичным лексинским декором.

48. Святцы лицевые в таблицах с дополнительными статьями. XVIII в. (кон.) 8^о. 12 таблиц и 3 миниатюры. Вверху каждой таблицы даны названия одного из 12 месяцев. (Друж. 747).

49. Сборник стихов покаянных и духовных. XVII в. (60-е гг.) и XIX в. (1-я четв.). 8^о, 202 л., полуустав. Нотация знаменная, пометная. Среди старообрядческих стихи на память Андрея Денисова и Ильи Кавылина с миниатюрами. (Друж. 199).

50. Сборник духовных стихов. XVIII в. (серед.), 4^о, 53 л., поморский полуустав. Нотация знаменная, пометная. Содержит стихи, посвященные отцам выговского общежития. Миниатюра в медальоне заставки-рамки с изображением Андрея Денисова (Друж. 45)

51. Сборник догматико — полемический. XIX в. (20–30 гг.). 4^о, 129 л., полуустав и скоропись. 20 миниатюр. Текст представляет собой устойчивую по составу подборку выписок о восьмиконечном кресте, перстосложении для крестного знамения, богослужебной утвари, изображений апокалиптических антихриста, зверя и змия и т. п. из различных источников. (Друж. 37).

52. Сборник лицевой. XVIII в. (кон.). 4°, 74 + II лл., полуустав, 73 миниатюры. Сборник строится как подборка высказываний о символике православной веры, богослужебного обихода и принципиальных моментах духовной жизни христианина. (Друж. 638).

53. Сборник догматическо-полемический. XIX в. (конец). 4°, 82 л., 14 миниатюр. Рукопись интересна тем, что является одним из списков свитка XVII в., содержащего истолкование важнейших полжений православной догматики в их истолковании приверженцами старого богослужебного обихода (Друж. 472).

54. Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. XVII в. (текст) и XVIII в. (миниатюры). 413 л. 8°, 6 миниатюр. Список с киевского издания 1625 г., копирующий и расположенную на обороте титула гравюру Успение Богородицы. (Друж. 1010).

55. Сказание об иконе Богородицы Тихвинской. XVIII в. (кон.), 4°, 191 л. Полуустав. Выг. Миниатюра — фронтиспис с изображением иконы Богоматери Тихвинской (л. 5 об.). (Друж. 54)

56. Сборник духовных стихов. XVIII в. (2-я пол.). 4°, 11 л., выговский полуустав. Нотация знаменная, пометная. Содержит 4 миниатюры к текстам песнопений из заупокойных чинов. (Друж. 725)

57. «История о бывшем патриархе Никоне, искоренителе древнего благочестия». Лицевой список. XX в. (нач.). 4°. 66 л., 25 миниатюр. Работа мастерской старообрядцев-федосеевцев Каликиных (Друж. 325).

Старообрядческие гектографированные издания

58. Трехдневная беседа на святую Пасху Льва Феоктистовича Пичугина с синодальным миссионером Ксенофонтом Крючковым о священстве. [1902 г.], 4°, 303 л. Гектограф с фотографией Л. Ф. Пичугина (1859–1912). (Друж. 1045).

59. Сборник «Броня правды», составленный М.И. Бриллиантовым. XX в. (нач.), 4°, 124 л. Гектограф. Москва. Содержит подборку старообрядческих сочинений, разоблачающих подделки «никониан»: Соборное деяние на еретика Мартина, Требник митрополита Феоноста, статью, где высказаны сомнения старообрядцев по поводу подлинности Остромирова евангелия и др. (Друж. 1049).

60. Сборник гектографированных изданий поморца Дионисия Васильевича Батова. XX в. (нач.). 4°. Коволют из 12 брошюр. На л. 1 запись В. Г. Дружинина: «Сборник составлен Батовым в Туле и содержащий 12 брашурок». (Друж. 1103).

Составители: Н. Ю. Бубнов, Ф. В. Панченко, В. Г. Подковырова

Список трудов Василия Григорьевича Дружинина*

1880

Употребление знаков препинания в русском языке. Записки В. Дружинина. /СПб./: литография Пазовского, /1880?/. 12 с.

1884

О житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием // ЖМНП. Ч. ССXXXV. 1884. Сентябрь. СПб., 1884. С. 1–15.

1887

Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира // ЖМНП. Ч. ССLIV. 1887. Декабрь. СПб., 1887. С. 194–204.

Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира. СПб., 1887. 11 с. // Отд. отд. из: ЖМНП. Ч. ССLIV. Декабрь. СПб., 1887.

Рецензия на кн.: Гр. А. Ф. Гейден. Из истории возникновения раскола при патриархе. Никоне. СПб., 1886 // Сборник рецензий и отзывов о книгах по русской истории. (Издание редакции журнала «Библиограф»). № 1. СПб., 1887. С. 34–35.

1888

Рецензия на кн.: Граф А. Ф. Гейден. Из истории возникновения раскола при патриархе. Никоне. СПб., 1886 // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. 1887. Г. 3–й. СПб., 1888 г. № 4–5. С. 56–58.

Рецензия на кн.: Раскол — сектанство. Материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа, собранные А. С. Пругавиным. Вып. 1. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1888 // Сборник рецензий и отзывов о книгах по русской истории. (Издание редакции журнала «Библиограф»). № 2. СПб., 1888. С. 37–41.

1889

Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. IX, 335 с.

Рец.: Бестужев-Рюмин К. // Библиограф. СПб., 1889. № 3, отд. I. С. 88–91.

Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. / подг. к печати и авт. введение В. Г. Дружинина и М. А. Дьяконова. СПб., 1889 (на обложке: 1890). XXIII, 32 с.

1890

Очерк развития арестантского труда в русских тюрьмах. 1885–1888. Офиц. издание // IV Международный Тюремный Конгресс. СПб., июнь 1890 г. СПб., 1890. 23 с.

* Список составлен Беловой Л. Б.

1895

Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI века (подг. к печати и авт. введение В. Г. Дружинина и М. А. Дьяконова) // ЛЗАК за 1885–1887 гг. Вып. 10. СПб., 1895. Отдел II. С. 1–XXIII, 1–32.

1897

Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / подг. к печати В. Г. Дружинина. СПб., 1897. VII, 112 с.

1898

Донские дела. Кн. 1 // РИБ. Т. XVIII. СПб., 1898. VII, 30 с., 1006 стб., 36, /2/ с.

1901

Записка члена Комиссии В. Г. Дружинина (Приложение к статье V) [о собрании донских актов, хранящемся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел и в Петербургском архиве Главного Управления Казачьих Войск] // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. 12. СПб., 1901. С. 73–75.

Отчет о занятиях в архиве Главного управления Казачьих войск члена комиссии В. Г. Дружинина (Приложение к статье IX) // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. 12. СПб., 1901. С. 83–109.

Отзыв В. Г. Дружинина (Приложение к статье V) [о столбцах Тюменских актов] // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. 12. СПб., 1901. С. 117–119.

Отзыв В. Г. Дружинина (Приложение к статье II) [на Опись памятников сибирской истории XVIII в., составленной М. Н. Прокоповичем] // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. 12. СПб., 1901. С. 167.

Отзыв В. Г. Дружинина о копиях документов, снятых Н. А. Гиббенетом // ЛЗАК за 1895–1899 годы. Вып. 12. СПб., 1901. С. 246–247.

1903

Записка В. Г. Дружинина о собранных им документах по истории донских казаков в XVII в. (Приложение II. К ст. VII) // ЛЗАК. 1888–1894 годы. Вып. 11. Отд. IV. СПб., 1903. С. 9–10.

1906

Донские дела. Кн. 2 // РИБ. Т. XXIV. СПб., 1906. II, 55 с., 1112 стб., 69, /1/ с.

1907

Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков (совместно с С. Ф. Платоновым и В. И. Саввой) // ЛЗАК за 1905 год. Вып. 18. СПб., 1907. С. 1–177.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1904 год. Вып. 17 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1907.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1905 год. Вып. 18 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1907.

1908

«Священноерей» Матвей Андреев, его беседы с безповцами и послания к ним // Христианское чтение. СПб., 1908. Май. С. 730–762; Июнь–июль. С. 969–1043; Август–сентябрь. С. 1195–1237; Октябрь. С. 1342–1364; Ноябрь. С. 1542–1557.

«Священноерей» Матвей Андреев, его беседы с безповцами и послания к ним. СПб., 1908. 191 с. // Отд. отт. из ж. «Христианское чтение», 1908 г.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1906 год. Вып. 19 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1908.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1907 год. Вып. 20 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1908.

1909

Донские дела. Кн. 3 // РИБ. Т. XXVI. СПб., 1909. IV, 56 с., 1022 стб., 83, /2/ с.

Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI–го века. Подг. к печати и авт. предисл. В. Г. Дружинин // ЛЗАК за 1908 г. Вып. 21. СПб., 1909. С. 1–117.

Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI–го века. СПб., 1909. IV, 117 с. // Отд. отт. из ЛЗАК. Т. 21. СПб., 1909.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1908 год. Вып. 21 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1909.

1910

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1909 год. Вып. 22 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1910.

1911

Попытки Московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века // Записки Разряда военной археологии и археграфии Имп. Военно-Исторического Общества. Т. 1. СПб., 1911. С. 1–8.

Попытки Московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. 8 с. // Отд. отт. из Записок Разряда военной археологии и археграфии Имп. Русского Военно-Исторического Общества. Т. I. СПб., 1911.

Поморский Торжественник // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34–55.

Поморский Торжественник. Посвящается Сергею Федоровичу Платонову. СПб., 1911. 22 с. // Отд. отт. из Сборника статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911.

Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. 32 с.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1910 год. Вып. 23 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1911.

1912

О пребывании французов в московском Преображенском богадельном доме в 1812 году // Записки Разряда военной археологии и археографии Имп. Русского Военно-Исторического Общества. Т. II. СПб., 1912. С. 38–53.

О пребывании французов в московском Преображенском богадельном доме в 1812 году. СПб., 1912. 18 с. // Отд. отд. из Записок Разряда военной археологии и археографии Имп. Русского Военно-Исторического Общества. т. II. СПб., 1912.

Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание. СПб., 1912. 25 с. // Отд. отд. из ИОРЯС. Т. XVII. СПб., 1912.

Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. XIV, 534 с. // Отд. отд. из ЛЗАК за 1912 год. Т. 25. СПб., 1913.

Рец.: Власов П. Новый труд по описанию старообрядческой литературы // Церковь. 1912. № 50. С. 1195–1198; № 51. С. 1222–1225; Белоликов В. З. «Писания русских старообрядцев» В. Г. Дружинина. (Отзыв, дополнения и поправки). Киев, 1913. 23 с.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1911 год. Вып. 24. Под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1912.

1913

Донские дела. Кн. 4 // РИБ. Т. XXIX. СПб., 1913. 50 с., 974 стб., 984–1013, /1/ с.

Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912 // ЛЗАК за 1912 год. Вып. 25. СПб., 1913. С. I–XIV, 1–534.

Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание // ИОРЯС. Т. XVII. Кн. 1. СПб., 1913. С. 53–77.

Рецензия на кн.: Проф. Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. 2 тома. Сергиев Посад, 1909 и 1912 гг. // ЖМНП. Новая серия. Ч. XLVI. 1913. Август. СПб., 1913. С. 278–313.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1912 год. Вып. 25 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1913.

1914

Памятники первых лет старообрядчества. Вып. 3: Дружинин В. Г. Пустозерский сборник. СПб., 1914 // ЛЗАК за 1913 год. Т. 26. СПб., 1914. С. 1–25.

Памятники первых лет старообрядчества. Вып. 3. Дружинин В. Г. Пустозерский сборник. СПб., 1914. 25 с. // Отд. отд. из ЛЗАК за 1913 год. Т. 26. СПб., 1914.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1913 год. Вып. 26 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. СПб., 1914.

1915

К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия // ИОРЯС. Т. XIX. Пг., 1915 (на обложке: ИОРЯС. 1914 г. Т. XIX, кн. 1. СПб., 1914). С. 342–344.

Несколько автографов писателей старообрядцев. С приложением фототипических таблиц. СПб., 1915. 26 с., XXII табл. // ИОЛДП 134.

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1914 год. Вып. 27 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. Пг., 1915.

1916

Летопись занятий Имп. Археографической комиссии за 1915 год. Вып. 28 / под ред. «правителя дел» В. Г. Дружинина. Пг., 1916.

1917

Донские дела. Кн. 5. // РИБ. Т. XXXIV. Пг., 1917. 46 с., 1038 стб., 1039(42)–1074 с.

Первая Черноморская флотилия Московского государства, построенная под руководством донских казаков // ЖМНП. Новая серия. Ч. LXVII. 1917. Февраль. Пг., 1917. С. 224–240.

Летопись занятий Археографической комиссии за 1916 год. Вып. 29 / под ред. правителя дел В. Г. Дружинина. Пг., 1917.

1920

Летопись занятий Археографической комиссии за 1917 год. Вып. 30 / Под ред. ученого секретаря В. Г. Дружинина. Пг., 1920.

1921

Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921 (на обложке 1923 г.). 66 с.

Рецензия на кн.: Щепкин В. Н. Учебник Русской Палеографии. М., 1918 // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. 2. Пг. (на обложке: Петербург), 1921. С. 204–206.

1922

Значение труда старообрядцев в развитии промыслов // Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой Комиссией по исследованию труда в России. Кн. 4. Ч. 2. Пг., 1922. С. 24–26.

К вопросу о колонизации старообрядцами Олонекского края в конце XVII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 293–305.

Старообрядческая колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Пб., 1922. С. 69–76.

Рецензия на кн.: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920 г. // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. Пг. (на обложке: Петербург), 1922. С. 235–237.

1923

Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1923 // ЛЗАК за 1918 год. Вып. 31. Пг., 1923. С. 1–66.

Отзыв В. Г. Дружинина об исследовании Никанора Кудрявцева «Павел Любопытный, как библиограф» (Приложение к III статье) // ЛЗАК за 1919–1922 годы. Вып. 32. Пг., 1923. С. 58–60.

Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Вып. 31 / под ред. ученого секретаря В. Г. Дружинина. Пг., 1923.

Летопись занятий Археографической комиссии за 1919–1922 годы. Вып. 32 / под ред. зам. председателя В. Г. Дружинина. Пг., 1923.

1924

Таблицы для отыскания рукописей собрания А. С. Уварова в Описании этого собрания, составленном арх. Леонидом и изданном в 4-х томах в Москве в 1893–1894 гг. (Посвящается памяти проф. И. А. Шляпкина) // ИОРЯС РАН. 1923 г. Т. 28. Л., 1924. С. 259–272.

1926

Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века // ЛЗАК за 1923–1925 годы. Вып. 33. Л., 1926. С. 100–102, 2 л. снимков.

1927

К истории крестьянского искусства XVIII–XIX вв. в Олонецкой губернии (Художественное наследие Выгорецкой поморской пустыни) // Известия АН СССР. Сер. 6. Т. XX. 1926. №№. 15–17. Л., 1927. С. 1479–1490.

Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1 // РИБ. Т. 39. Л. 1927 (В конце предисловия: напечатано «под смотрением члена Постоянной Историко-Археографической Комиссии АН СССР В. Г. Дружинина»).

1993

Введение (Из корректуры книги «О поморском литье») / Публ. Т. В. Берестецкой // Русское медное литье: Сб. статей. М., 1993. Вып. 2. С. 106–120.

Примечание

В Списке печатных работ В. Г. Дружинина, опубликованном в Протоколах заседаний Общего собрания Российской Академии наук (Отделение исторических наук и филологии. XVI заседание, 24 ноября 1920 г. § 151. Приложение V. С. 136–138) и в Известиях РАН (VI серия. Т. XIV. Пг., 1920. С. 165–168), указано что он редактировал тт. XI, XII, XV–XXXI. Летописи занятий Археографической комиссии и двух томов Записок имп. Русского Археологического общества. Однако, в Летописях занятий Археографической Комиссии имя В. Г. Дружинина в качестве редактора названо только в тт. XVII–XXXII. В Записках имп. Археологическо-

го общества, и в Записках Отделения русской и славянской археологии имп. Русского Археологического общества он указан в качестве секретаря в нескольких выпусках. Это, конечно, не исключает участия В. Г. Дружинина в работе над редактированием этих томов. В Списке трудов указаны также статьи, которые сданы им в печать. Из них вышла только одна в т. 18 ЛЗАК. О трудах В. Г. Дружинина см. также: Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 113–125; Смирнова Т. Г. Жизнь и научная деятельность В. Г. Дружинина // Судьбы русских ученых XIX–XX вв. СПб., 2009. С. 469–498.

Список сокращений

БАН — Библиотека академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей
ГРМ — Государственный русский музей
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
ИОЛДП — Издания Общества любителей древней письменности
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
РИБ — Русская историческая библиотека
СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

Содержание

От редактора.....	5
<i>Н. Ю. Бубнов</i> . Собрание рукописей В. Г. Дружинина в Библиотеке Академии наук.....	8
<i>Е. М. Юхименко</i> . Научное творчество В. Г. Дружинина в контексте общественно-культурной жизни конца XIX — начала XX в.	14
<i>Т. Г. Смирнова</i> . В. Г. Дружинин и Археографическая комиссия.....	27
<i>Е. К. Пиотровская</i> . Из архивных материалов о закрытии Археографической комиссии (Постоянной историко-археографической комиссии Академии Наук).....	41
<i>Н. В. Пивоварова</i> . Собрание В. Г. Дружинина: итоги и перспективы его научного изучения.....	49
<i>Е. З. Панченко</i> . Книги В. Г. Дружинина в фонде библиотеки СПб ИИ РАН....	63
<i>В. Г. Подковырова, игумен Стефан (Садо), А. Н. Михайлов</i> . К вопросу о судьбе библиотеки В. Г. Дружинина. Книги из собрания В. Г. Дружинина в СПб Духовной Академии.....	71
<i>З. А. Лучшева</i> . Рисованные лубки из коллекции В. Г. Дружинина.....	83
<i>Ф. В. Панченко</i> . Музыкальные рукописи в собрании В. Г. Дружинина.....	89
<i>Е. К. Братчикова</i> . Выговская редакция Сказания о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской (список из собрания В. Г. Дружинина).....	102
<i>А. А. Романова</i> . «Бабушкинские святцы».....	115
<i>Е. Г. Попова-Яцкевич</i> . Василий Григорьевич Дружинин, его предки и родственное окружение.....	121
<i>Е. Г. Неклюдов</i> . Владение Кыштымскими заводами Урале предками и семьей В. Г. Дружинина.....	136
<i>З. В. Ладыгина</i> . В. Г. Дружинин — выпускник Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии.....	153
<i>В. Д. Чебанов</i> . Последние годы В. Г. Дружинина.....	162
«Собрание рукописей В. Г. Дружинина в Библиотеке РАН» Обзор юбилейной выставки.....	169
Список трудов Василия Григорьевича Дружинина.....	175
Список сокращений.....	182

**ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДРУЖИНИНА
(1869–1936)**

Материалы научных чтений 10 августа 2010 г.

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 11,5. Тираж ????. Заказ №
Подписано к печати 00.12.2010